

18+

ГЛЕБ НОВИКОВ

АНТИ Лора

ФАНТАСМАГОРИЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Глеб Новиков
ANTI Лора. Фантасмагория
для взрослых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71559343

ISBN 9785006526495

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Началась эта история просто и незамысловато. В одно «прекрасное» сентябрьское утро в размеренную и скучную жизнь героя на полном ходу ворвалась одна странная особа. Всё смешалось и понеслась череда «забавных» событий. Герой попал, как много позже выяснилось, в ИГРУ... Непонятно, на что и с кем. Странные ключи, к которым еще надо найти двери. Оригинальная Партия в шахматы с... С одним неизвестным. Куски сна, с «картинками» другой жизни. Поиски артефактов, развилки времени...

Содержание

ИНТРОДУКЦИЯ 4	5
ОПУС 1. Рондо а ля виво	22
ЭКСПОЗИЦИЯ	52
ЭКСПОЗИЦИЯ	116
ЭКСПОЗИЦИЯ	169
ЭКСПОЗИЦИЯ	219
Конец ознакомительного фрагмента.	232

АНТИ Лора
Фантасмагория
для взрослых

Глеб Новиков

© Глеб Новиков, 2025

ISBN 978-5-0065-2649-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга о тебе и для тебя

Оглавление

ИНТРОДУКЦИЯ 4

ПРЕЛЮДИЯ 5

ОПУС 1. Рондо а ля виво 9

ДЖОКОЗО	9
ДЕСКРЕЩЕНДО	13
СТРЕТТО	16
ЭКСПОЗИЦИЯ	18
АЛЛЕГРО	19
ПРЕСТО	22
АДАЖИО	24
СУБИТО	26
ПИАЧЕРЕ	32
КАДАНС	35
ЭКСПОЗИЦИЯ	39
СОТТО ВОЧЕ	40
ГЛИССАНДО	49
ЭКСПОЗИЦИЯ	56
ДЕЧИЗО	58
КАНТАБИЛЕ	71
ЭКСПОЗИЦИЯ	73
ЛЕГАТО	75
БРИЛЬАНТЕ	80
ЭКСПОЗИЦИЯ	88
СКЕРЦАНДО	89

АНДАНТЕ 98
ФЕРОЧЕ 109
МОРЕНДО 120
ЭСПРЕССИВО 128

ОПУС 2. Фуга даль форте 142

ДА КАПО 142
ОСТИНАТО 150
ЭКСПОЗИЦИЯ 160
ПРЕЧИЗО 161
КОН БРИО 171
ЭКСПОЗИЦИЯ 184
ИМИТАНДО 188
ЭКСПОЗИЦИЯ 200
СЕМПЛИЧЕ 202
ПОССИБИЛЕ 220

ОПУС 3. Сюита уна дольче 240

СЕНТИМЕНТО 240
ТРИСТЕЦЦА 263
МАРКАТО 264
ПРИМА 286
...КОДА 290
...ПРИМА 313
ИНТРОДУКЦИЯ¹

«И когда я перестану снится тебе Пусть это будет но-

вое название мира...»

Холодный лес. То ли конец осени, то ли начало весны. Мокрая земля, полосы подтаявшего снега, небрежно брошенные в разных местах. Сырой воздух. Хмурое небо, полностью закрытое серыми облаками. Тревожно кружащие вдали черные птицы и дорога. Обычная грунтовка, превратившаяся сейчас просто в две колеи, заполненные талой водой и ноздреватыми снежными ошметками. Приходящая неведомо откуда и уходящая неизвестно куда. Нет, она конечно как всякая дорога имела свой смысл и вполне определенные начало и конец, но где они никто не знал, да и сейчас это не имело никакого значения. Дорога и дорога. Она пересекала лес на две части, разделяя существующий здесь мир на половинки. В других обстоятельствах можно было пофилософствовать о сущности этой Дороги, придумать ей название и назначение. Да просто спокойно поразмышлять на отвлеченные темы... Можно, только текущая ситуация не располагала к такому мирному времяпровождению.

На обочине, круто спускающейся к предлесью, на мокром снегу, лежали две человеческие фигуры в грязной и промокшей одежде. Они пытались отдышаться после долгого и трудного

«похода» по этой, не такой уж гостеприимной, местности. Мужчина и женщина. Усталые лица, испачканные, покрытые копотью, не изможденные конечно, как это бывает после тя-

желого физического труда, но и не сверкающие счастьем.

Мужчина, подняв голову, улыбнулся и даже слегка подмигнул женщине, стараясь ее приободрить, и безмолвно говоря: «Ничего, Ребенок, прорвемся. Скоро все будет замечательно».

Женщина еще держалась, но было видно, что она ужасно вымотана и физически и морально. В ее глазах застыл страх, она не знала и боялась думать, что будет дальше. Да и что могло собственно быть дальше? Она смертельно устала от долгого бега через этот лес, бега, как ей казалось, наобум, без всякого смысла и с призрачными шансами уйти от погони. Единственное, что еще давало ей силы – так это вера в этого мужчину. Вера в то, что он как мужчина должен знать больше ее и сможет вывести их отсюда и, вообще, разрешить всю эту нелепость, в которую они попали. Попали... Хотя она прекрасно понимала, что это слово совершенно не то, что все случившиеся за безумно короткий срок последние события должны были вывести их именно сюда, к этой безымянной дороге, в этот холодный сырой лес...

Им надо было идти дальше, как можно быстрее, но мужчина, тянул и тянул время, стараясь дать ей лишнюю минутку отдыха. Она уже на пределе, и двигаться просто не может. Ну, еще минут пять, еще чуть-чуть. Он знал, чем это может обернуться, лишних минут у них просто нет. Но гнать ее, надрывая все, что в ней осталось, он не мог. Нести ее на руках или на спине – утопия. По мокрому рыхлому снегу,

довольно глубокому и земле, расползающейся под ногами, и так было не легко идти. Она была миниатюрная и хрупкая, как Дюймовочка, и в других обстоятельствах, которые казались сейчас настолько далекими и нереальными, как будто из другой жизни, он часто и с удовольствием носил ее на руках, несмотря на ее шуточные протесты, но сейчас...

Дождались.

В тишине, окружавшей их, возникли звуки, никак не относящиеся к естественным звукам природы. Далекая, едва разборчивая человеческая речь и «возмущение» потревоженных ворон, стремительно взлетевших над лесом с той стороны дороги – более чем красноречивые приметы того, что затянувшийся привал скоро будет нарушен визитом неожиданных гостей, которые как водится, хуже татарина, не в обиду будет сказано для представителей этого народа.

«Все, ваше время истекло. Game over. Приплыли», – мелькнула мгновенно мысль и мужчина, рывком перевернувшись на живот, схватил лежащий рядом автомат и осторожно поднял голову, чтобы оценить ситуацию. Ситуация, что называется, не радовала. Ничуть.

Цепочка человеческих фигур вышла из леса и приближалась к дороге, до которой им оставалась метров триста-четыре от силы. Уходить уже было поздно. Определенно.

Мужчина обернулся:

– Ло-ра, – в своей обычной манере растянул он второй слог, – бери автомат и, – махнул головой, – давай в лес. Бы-

ренько.

Она вскинула голову и взглянула на него непонимающе:

¹ Introductio – краткое вступление к первой части произведения

– Что? Я... я не пойду, я с тобой.

– Ребенок, шутки закончились. Я совершенно серьезно. Оставь мне второй магазин, хватай автомат и беги в лес.

– Олеж, я не пойду без тебя...

– Быстро я сказал! – закричал он и резко оборвал сам себя, заговорив более спокойно. Она и так на взводе. – Нам не оторваться, а ты уйдешь, пока я поиграю с ними в пейнтбол, – он нехорошо усмехнулся уголками губ, – есть такая чудная игра для больших мальчиков. Девочкам в нее играть не рекомендуется, синяки остаются. А если серьезно... Ларис, уходи. Я прошу.

– Олеж... я останусь с тобой, куда я одна, я не смогу...

– Лора, тут без вариантов, турпоход закончился, начинается, что-то более интересное. Я немножко постреляю, это ж у меня любимое занятие и догоню тебя. Ребенок, давай, я тебя очень прошу, уходи. Пожалуйста.

Она смотрела на него и не двигалась. Потом резко подскочила к нему, обняла за шею и спросила, глядя прямо в глаза:

– Ты не обманешь меня?

– Лорик Сан, когда я тебя обманывал, а? Ты ж меня прекрасно знаешь, Лариска. – Он быстро улыбнулся, пытаясь

скрыть с лица не самые хорошие предчувствия, – я догоню, обещаю.

Девушка помедлив, осторожно разжала руки. Не сводя с него взгляд, вытащила из кармана магазин, аккуратно положила его рядом с ним и, схватив за ремень автомат, поднялась, отступила назад и, резко развернувшись, побежала в лес.

Он посмотрел на запоздавших участников несостоявшегося пикника, которые достаточно быстро продвигались к дороге. Еще пара минут и можно будет начинать. Выгреб из карманов еще пару запасных магазинов, щелкнул предохранителем на одиночный огонь, передернул затвор и обернулся.

Фигура бегущей девушки приближалась к краю леса. Маленькая, хрупкая, с автоматом... Он задержал на ней взгляд на несколько секунд, и отвернулся.

«Лариска, Лариска... Дай Бог, еще увидимся, Ребенок. Очень надеюсь», – невесело усмехнулся и поймал в прицел черную фигурку человека, который поскользнулся и потешно взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие.

Сделал выдох и плавно надавил спуск. Выстрел оглушил. Человечек, дернувшись напоследок, довольно смешно упал на спину.

«Один есть», – хмыкнул он, в духе графа Монте-Кристо, убившего своего первого врага...

ПРЕЛЮДИЯ²

«И новое утро, и новое «нет тебя...»

Я по асфальту шагаю...»

Проснулся мгновенно.

Еще секунду назад он был весь в этом сне, и сейчас, раскрыв глаза и глядя в потолок как на экран кинотеатра, ждал следующий кадр. Но, видимо, пленка у механика порвалась и картинка пропала.

«Черт, что за дурацкий сон опять. Не в первый раз, и всё с новыми подробностями и деталями. Прямо вещей что ли, ей Богу», – мелькнула первая мысль. Впечатления от сна были еще яркими, но, как это всегда бывает, сон расползлся, рвался в клочья и становился все более размытым.

Он потер руками щеки, ощутил проросшую щетину и поднялся.

«День как день, только ты, почему-то грустишь», – проскочила следующая разумная мысль.

Начинать утро с цитирования Цоя конечно довольно забавно, но можно и повеселей.

Глянул на часы и, увидев красные цифры 7—24, подумал: «Чего-то я рано подорвался, но ладно, значит, хватит баюшки».

Утро начиналось как еще сто или триста до него, и каких еще будет неопределенное множество после него. Мысль

о неопределенном множестве, взявшаяся с нечего, напомнила славные

² Praeludium – инструментальная или оркестровая пьеса, напоминающая предисловие

годы студенчества и курс высшей математики, который благодаря хорошему преподавателю похоже на всю жизнь врезался в память.

«Дай Бог здоровья Михаилу Петровичу, хороший мужик, научил математике и думать заодно».

Встал, первым движением включил радио.

«Наше радио, наша музыка», – бодрым, совершенно не утренним голосом, тем более не подходящим для понедельника, весело пропищала реклама, и тут же запела Земфира:

*Над моей пропастью У самой лопасти Кружатся глобусы,
Старые фокусы*

*Я же расплакалась, Я не железная Мама Америка,
В двадцать два берега*

*Ты не отпускаяй меня, Не отпускаяй,
Не отпускаяй меня, Вдруг кто увидит... Не отпускаяй меня,
Не отпускаяй,
Не отпускаяй меня, Вдруг кто увидит*

– Не отпускай меня. Не отпускай. Не отпускай меня. Вдруг кто увидит, – подпевал он, совершая абсолютно стандартные для будничного утра телодвижения.

Сначала – лёгенькая такая зарядочка, подстать «лёгенькой такой промышленности», – выражение из старого любимого фильма, заставившее улыбнуться.

В приемнике забалагурила неразлучная парочка – Оля и Коля, побуждая народ своими «шЫзгариками» к трудовым подвигам.

Поставил чайник, побрился, заварил вкусный чай, сделал бутерброд, улыбаясь, иногда удающимся шуткам ведущих.

Первая утренняя сигарета с терпким и очень крепким напитком.

Поехали дальше. Душ, фен, одеколон, одеться и можно выдвигаться на любимую работу. Подмигнул ее изображению на портрете:

«Лорик, пока».

Выключил свет и вышел на площадку.

Вот уж действительно, утро как утро, обычный понедельник, каких миллион был и еще будет. Движения отточены до автоматизма, как на автопилоте. День, работа, вечером обратно, ужин, кофе, один из любимых дисков в магнитофоне, глоток коньяка перед сном, сигарета и спать. Не весело не грустно, обычная схема, обычная жизнь, ничего суперинтересного.

«Скучно все это. Скучно. Бег по кругу», – подумал вяло,

открывая дверь подъезда и делая шаг на улицу.

Серенькое сентябрьское утро. Как всегда пробка на площади. Люди на остановке, далеко не радостные лица у всех. И следующая банальная мысль: «вот интересно, где-нибудь в Америке или в Австралии люди с такими же выражениями на лицах едут утром в понедельник на работу или им веселей?».

Пока все укладывалось в стандартную схему, ставшую чем-то вроде, если уж совсем сумничать, прокрустова ложа – не вырваться, не сдвинуться. Траектория определена, баке-ны расставлены, даже особо напрягаться и думать не надо, и так все понятно.

Привычным движением открыл дверцу машины и небрежно кинул портфель на правое сиденье. Тихо заурчал движок. Прокашлявшееся ото сна радио запело противным голосом: «вэ вэ вэ Ленинград, СПб точка ру...».

– Так! Вот это уже перебор, и так весело. Уж лучше Марку, – сказал сам себе.

Выбрал диск в чейнджере, включил наугад композицию.

*Невзаимная любовь
Одинокая игра
Недожженная песня
с утра*

*Не проснувшись – надо в путь
И по улицам людным*

*И опять день будет очень трудным*³

– Точно. С утра, – ухмыльнулся и продолжил вместе с лю-

бимой певицей:

– Погружение в себя и чем глубже, тем видней, что никогда не быть рядом с ней. Розовый мрамор сна, медленно плавится. Я теряюсь в нем без конца...

Подпевая себе под нос, он вырулил на проспект имени Красного Директора, с трудом вписавшись в плотный поток активно стремящихся на работу соотечественников.

Дерганое движение в тесном «косяке» машин действовало на нервы. Увидев узкий просвет, он бросил корпус автомобиля вперед, резко прибавив скорость.

Тут то и случилось первое забавное происшествие сегодняшнего дня. Песня оказалась пророческой...

Перед капотом любимой Рајего буквально из воздуха возникла девушка. В следующие полсекунды, пока он вжимал в пол тормоз, она осела своими белыми джинсами на асфальт, не отличавшийся чистотой. Явно его сегодня с шампунем забыли помыть.

«Визг тормозов мне как романс о трех рублях». Владимир Высоцкий, цитата.

Ехавшая сзади «десятка» также противно взвизгнула и встала, что называется ноздря в ноздю, точнее. ... Ну, точнее звучало совсем пошло, так что не стоит уточнять. Но ее сигнал захлебывался визгом противнее, чем ее же тормоза. Наверно руливший ею товарищ тоже проснулся не в лучшем настроении. Да и не он один. Водители замершей на месте колонны всевозможных представителей почти всех мировых

гигантов автопрома поддержали товарища по несчастью «приветственными» звуками. Такое впечатление, что едет безумно большая свадебная процессия и от души веселится в предвкушении праздничного банкета.

Чертыхнувшись, он выскочил из машины, достаточно зло хлопнув дверью. Сделал шаг к девушке и, осознав, что на первый взгляд она вполне жива и дееспособна, уже спокойнее подошел к ней, присел, и «добрым-добрым» голосом выдохнул:

– Барышня, – любимое, слегка старомодное обращение, – сегодня, похоже, у Вас не день Бэксема, – сделал паузу, оценивающе разглядывая девушку. Та молчала. Тогда он продолжил мысль:

– Ваша дивная акробатика грозит превратить эту магистраль в кладбище забытых кораблей.

«И причем здесь корабли?» – мысленно пожал плечами, – «сам не знаю». Как обычно, его юмор был на грани цинизма и жесткой иронии:

– Мне кажется, что сидючи здесь, Вы рискуете простудить многие важные для Вас места, которые Вам еще непременно понадобятся.

Зло, бесспорно. Даже не столько зло, сколько глумливо. Молодым девушкам сидеть на холодных камнях действительно вредно, но говорить об этом вслух совершенно незнакомой особе – чистой воды моветон. Нет, чтобы утешить ее, восхититься ее красотой, но у него не было сейчас для этого

никакого настроения, хотя барышня стояла большего, чем проявление дежурной галантности.

– Я думаю, что пассажирское кресло в моей машине больше подходит к тому, на чем Вы сейчас сидите, чем это серое вещество, почему-то называемое асфальтом, хотя оно на него очень мало похоже, – плоские шутки особенно хорошо у него получались утром в понедельник.

Девушка смотрела на него очумевшими глазами и хлопала ресницами. Причем делала это настолько выразительно (смотрела) и энергично (хлопала), что маленькие комочки туши, висящие на кончиках чудно изогнутых волосков, грозили сделать в дорожном покрытии еще пяток выбоин, коих и так хватало за глаза.

Он скользнул взглядом по ее черной майке и заметил не увиденный сразу силуэт белого кролика, похожего на плейбоевского.

Мысли проскочили как короткие очереди:

³ Автор песни Мара Кана

«Кино и немцы. Матрица, первая серия. Беги за Белым Кроликом. Зашибись, начало недельки!».

Протянул ей руку:

– Пойдемте. Зрители устали, криков Бис я думаю не будет.

Барышня, продолжая хлопать ресницами с бешеной скоростью, встала с дороги и, не говоря ни слова, села в машину.

– Девушка, ничего если я так нетактично спрошу, куда

Вас подвезти, в качестве компенсации за моральный ущерб Вашим джинсам? – он был в своем репертуаре, даже не надо было напрягаться, интонация вопроса вполне соответствовала ситуации.

Секунд пятьдесят паузы, за которую они продвинулись на добрую пару метров, в самом узком месте этой артерии города, и, наконец, она смогла внятно произнести:

– Мне в РГЭУ...

Расширенные зрачки и сбивающийся голос он отнес не к восторгу от нахождения ее возле себя, а на естественное барышням ее возраста волнение, особенно свойственное им после гимнастических упражнений на свежем воздухе.

Расшифровка аббревиатуры заняла у него, наверное, минуту, за которую, каким то чудом, они доехали до общежития и замерли перед светофором.

Он мельком взглянул на знакомое здание, с которым было связано очень много, на углу которого они с ней и расстались... Отвернулся.

За следующие пятнадцать минут езды никто из них не проронил больше ни слова. Девушка, по всей видимости, находилась еще в прострации, он – просто не хотел вымучивать из себя какие-то банальные фразы. О чем говорить? Знакомиться? Зачем? Ему это не надо. Говорить о погоде? Пошло. Проявлять сочувствие – в нем никто не нуждается.

Тишину разбавляла только Мара Кана:

Веди меня игриво

Не танец, и не слова. Позволь мне быть заливом,

Но в губы не целовать Немного Martini Rosso,

Ты пей его сама!

И не задавай вопросов, А то сойдешь с ума!

По дороге к Амстердаму Я жива!

Пока еще жива

С тобой еще жива... Мама, ты такая дама! Рисовать...

Тебя бы рисовать, Тихонько рисовать...

«Вот и Амстердам», – подумал он, притираясь к бордюру.

Да, давненько он не был утром возле РИНХа и, наверное, зря. Столько считающих себя красивыми и гламурными девиц в одном месте и в унисон выдыхающих дым, давно не попадалось на глаза. Зрелище стоило опоздания на работу, и даже более того.

Девушка повернулась к нему, видимо ожидая всё-таки, как своим испорченным умом он потом понял, вопроса как ее зовут, и какой номер присвоил ей оператор её мобильной связи.

Соответствующего высказывания от него не последовало.

Тогда, сделав слегка удивленное лицо, она похлопала еще несколько секунд привычным для нее орудием этого самого хлопанья и выпорхнула из машины.

«А спасибо?», – запоздало подумал он, – «м-да, действительно, и зачем мне ее спасибо?».

Усмехнулся про себя, глядя на девушку, легко проскользнувшую сквозь толпу в двери университета. Маленькая, хрупкая, светленькая. Кого-то она ему сильно напомнила... Очень похожа. К чему бы это...?

Встряхнул головой, сбрасывая наваждение, и тронулся с места.

Ему предстояло сделать «небольшой» такой кружок, чтобы развернуться и таки доехать до места службы, с учетом многих весьма «благоприятных» внешних факторов, как то: отсутствие левых поворотов на перекрестках; узкие, забитые транспортом улочки с односторонним движением; не к добру появившиеся люди в фуражках с полосатыми палками, создающие пробки на пустом месте и т. д. и т. п.

Не прошло и получаса, как этот практически цирковой номер чудом получился и он, наконец- то, к пушей радости всех подчиненных, особенно отсутствующих еще на работе, добрался до своего кожаного кресла.

*Налей мне немного Whiskey, Я пью его сама!
И не подходи так близко, Я ведь сойду с ума!*

ОПУС 1. Рондо а ля виво

ДЖОКОЗО⁴

«А кто такая Alice...?»

– Оля, кофе сделай, пожалуйста, – первая утренняя банальность, не считая приветствия конечно, удалась.

Секретарша как всегда молча и без видимой радости в движениях, аккуратно, двумя руками, сняла очки, бережно положила их на стол и, не глянув на него, полезла в шкаф за чашкой.

Он опустил в кресло, включил компьютер и пока на экране мелькали строчки белых значков на черном фоне, сменившиеся заставкой очередного шедевра корпорации «Мелкософт», задумался о девушке и ее белом кролике.

«Прикольно как-то получилось. Откуда ее вынесло интересно, как будто прямо на асфальте материализовало. Хорошо хоть скорость была не такая большая, а то кролик мог там бы и остаться, только уже не на майке, а на другом фоне», – легкая доля цинизма всегда помогала спокойней и проще относиться ко многим вещам, не рискуя получить невроз по мелкому поводу.

Ольга внесла кофе, поставила чашку, кинула на него быстрый взгляд и хитро улыбнулась.

Краем глаза, наблюдая эту традиционную мизансцену, он

заметил улыбку, больше смахивающую на усмешку, но продолжил с умным видом вводить пароль.

С начала своего появления в фирме Ольга, по всей видимости, тщательно изучила ситуацию в коллективе и выяснила интересующие ее детали у своей предшественницы, признавшись ему в этом в порыве не совсем трезвой откровенности. После чего пыталась, а может, ему так казалось, сыграть с ним в известную и старую как мир игру. Было несколько интересных моментов, но что-то у кого-то как-то не получилось, или, может быть, не было особого желания, чтобы получилось и стороны, обменявшись несколькими болезненными, в моральном смысле конечно, уколами пришли к некому статус-кво. Она поставила на нем крестик как на мужчине, от которого можно чего-то ожидать и наступило вполне мирное сосуществование.

Вся эта ситуация его немного забавляла. Он без особых усилий мог развернуть ее в нужную сторону, но по многим причинам не делал этого.

– Олег Георгиевич, – ее довольно милый и немного смешной литовский акцент, которым она, тщательно это скрывая, гордилась, придавал голосу особый шарм, – Вам телеграмма.

Это странное слово, уже почти забытое на данном этапе исторического развития техники связи просто резануло по ушам. Он поднял к ней голову и недоуменно переспросил:

– Телеграмма???

Она протянула бланк, но не уходила, ожидая видимо ре-

акции на столь интересную новость. Новость действительно оказалось интересной, как бы не сказать больше. Текст гласил: «Грузите апельсины бочками тчк Чебурашка не приедет тчк Кролик Белый тчк».

⁴ Giokoso – игриво

– О-ля, – сказал он, произнося второй слог как обычно нараспев, – это что? Сегодня, какое число? Может, у меня календарь сбился, но сегодня не начало апреля. А?

Шутливая манера разговора между ними существовала давно, и бредовый текст этого послания еще больше придавал диалогу юморной оттенок.

– Ты читала? Откуда это взялось?

– Читала. Не знаю. Принесли с утра, – ее глаза за тонкими стеклами очков были веселей, чем следовало в такой ситуации, и она не выдержав, рассмеялась. Улыбка ей шла, чем он ее неоднократно подкалывал, а смех превращал в маленькую девочку с косичками, хотя сегодня их не наблюдалось.

Взглянул на бланк снова. Отправителем значился некий Скабичевский...

«Понедельник начинается в субботу», – пришла на ум мысль, – «вроде был такой роман фантастический. И фамилия смутно знакомая, у Булгакова что-то такое было».

Весело ухмыльнувшись, он состроил Ольге глазки и сказал:

– Ладно, будем считать за шутку,... гм, – и поднял уголок

рта, пытаясь сделать страшное лицо. Ольга, еще раз хитро улыбнувшись, выскользнула за дверь. Зная ее любовь поговорить,

можно было представить, что если еще не все были в курсе этого послания, то им оставалось пребывать в счастливом неведении максимум секунд тридцать.

«Один раз случайность, два – совпадение, три – тенденция, однако», – очередная свежая мысль из незабвенного студенческого прошлого, – «два белых кролика за одно утро... Кто-то решил явно приколоться, хотя в чем здесь фишка, как выражаются модные нынче креативщики, неясно».

«Так, будем рассуждать логически», – любовь к крылатым фразам из фильмов и книг была у него патологической. – «Ты летишь в Ленинград? Нет. И я не лечу. Логично? Железно! Розыгрыш. Но зачем?», – он недоуменно покривился. – «Барышня сидела попой на асфальте где-то в полдевятого, телеграмму раньше девяти принести не могли, но отправили то ее раньше! Или действительно совпадение или... девочка подставилась. Хотя какой в этом смысл? А действительно, похоже. Если подумать – взялась ниоткуда. Я еще не слепой и вперед смотрю, когда за руль держусь, и также тихо исчезла. Что-то мне это напоминает, то ли „Матрицу“, то ли... как там этот фильм назывался с Дугласом – „Игра“ кажется.... Там действительно был неплохой розыгрыш главного героя, но то кино, пусть даже с таким необычным сюжетом,

или у этого, Скабичевского, фантазия выиграла? А девушку имеет смысл поискать».

Снял трубку:

– Оленька, зайди плиз.

«Кролики – кроликами, но портить настроение из-за ушастых созданий не гуманно, по отношению к себе. Будем искать, с перламутровыми пуговицами», – очередной шедевр отечественного кинематографа сам собой всплыл в голове.

Очень довольное выражение лица любимого секретаря наводило на подозрения, что ее участие в этой Игре – не такая уж бредовая мысль. Но сразу выдавать свои пока еще смутные и не вполне оформившиеся догадки означало вольно или невольно подыграть организаторам, кем бы они ни были.

Сделав по привычке, впрочем, без всяких усилий, очень серьезное лицо, он сказал, старательно имитируя грузинский акцент Вождя народов:

– Есть такое мнэниэ, что нам нада найти Аднаго очень нужного чЭловэка.

Ольга рассмеялась и, изображая прилежного секретаря, замерла с занесенной ручкой над органайзером, приготовившись стенографировать речь «любимого» руководителя.

– Я знаю, – продолжил он, слегка улыбнувшись, – что ты можешь найти что угодно и где угодно, не хуже чем Иван-царевич, находивший То, не знаю Что. Причем находил он Это в таких местах, что в приличном обществе и не скажешь.

Так вот, задачка неординарная, даже для тебя...

Он, совсем в духе того же Вождя сделал паузу, ожидая, вполне естественного проявления женского любопытства, тем более от нее. Слава Богу, не первый год знакомы, и он ее довольно хорошо изучил.

Но Оля сегодня была просто как прилежная студентка, идущая на красный диплом, только что язык не высовывала от усердия, старательно записывая бессмертные высказывания директора.

Своим явным комизмом ситуация больше тянула на пятницу, когда народ расслаблен в ожидании неизбежных, как гибель мирового империализма, выходных, и пребывает в безмятежном состоянии духа, чем на понедельник. Ольга прыснула в ладошку, видимо сама, сознавая игривость ситуации, но тут же сделала серьезное лицо и подняла глаза, выражение которых давало понять, что их владелица положит все силы на достижение указанных целей.

– Олька, хорош, прикалываться, я серьезно. Вообще так, в РИНХе надо найти, причем сегодня, и лучше до обеда, одну барышню. В черной майке с белым кроликом.

Сползающие очки и высоко поднятые тонкие брови должны были, по всей видимости, выразить крайнюю степень изумления от столь нетривиального задания и она уже открыла рот, чтобы задать вполне очевидный вопрос, но он прервал на взлете нарастающее с первой космической скоростью ее удивление и продолжил:

– Я думаю, у тебя получится, – и, не выдержав, добавил очередную цитату, – это ж так просто, сочинять песни, всего лишь.

Рассмеялся, довольный, что смог поставить ее в тупик. Шутливое состязание между ними не прерывалось в принципе никогда, и каждая из сторон старалась изо всех сил, впрочем, после неудавшихся взаимных покушений, вполне мирными путями очень тонко и в то же время лихо и незаметно объехать другую.

– А... особые приметы у девушки есть? – Оля, как истинно прибалтийская барышня взяла себя в руки. Не так чтобы быстро, ну, это впрочем, и не свойственно тамошним народностям – известные шутки о «горячих» эстонских парнях имели под собой основание. – Или кроме майки ВІ ничего не увидели? – пустила шпильку истинная дочь Евы.

– Гм, не поверишь. Кроме белых джинсов и белого же кролика, даже добавить нечего, – зачем ей рассказывать, какая из себя девушка? С женской ревностью он был отлично знаком. – Я так думаю..., – продолжил голосом Фрунзика из «Мимино», – что в данном уважаемом заведении не будет больше одной барышни в подобном облачении. Уж сегодня точно.

– Хорошо. – Оля встала, всем своим видом выражая презрение к неведомой девушке, ненавистной уже тем, что Он за каким то ..., гм, ее ищет. – Я найду, не переживайте.

– Я верю в тебя, Ольга Александровна, – даже наигран-

но-свирепое выражение лица не смогло до конца скрыть удачную шутку.

Оля, дернув уголком рта, изящно исчезла за дверью, давая понять, что все особы женского пола в черных майках попали сегодня в ее личный проскрипционный список.

– Да, Олюшка, – успел крикнуть он, – народ на планерку позови, а то они уже всё кофе выдули.

Быстро раскидав задания и поручения, раздав пряники и сопутствующие им изделия на ту же букву, он облегченно вздохнул и, закурив, попытался еще раз прокрутить в голове детали сегодняшнего утра.

«Кролики, это не только ценный мех, но и три-четыре килограмма тонкого, диетического сала», – старая шутка то ли Русского, то ли Армянского радио, то ли подслушанная в не менее старом КВН вертелась в голове. – «Сдался мне этот кролик на фиг. Если не ошибаюсь, в той же „Матрице“ кролик до добра не довел, а если еще вспомнить Алису, ползающую по подземельям следом за ним же... Кстати, будет очень забавно, если ту барышню зовут именно Алиса. Я этому уже не удивлюсь».

Как ни странно, рабочее совещание не смогла до конца испортить настроение этого

«прекрасного» сентябрьского утра, даже наоборот, прибавило оптимизма. Работа над проектом шла строго по графику. Даже разнообразные подрядчики не подводили, пока, к счастью, так что поводов расстраиваться не было.

Он углубился в текущие дела, которых как всегда бывает вагон с тележкой, причем, как правило, тележка в размерах не уступает вагону, и все кролики-Алисы с их мелафонами и прочими атрибутами в виде белых перчаток и восклицаний по поводу злобной герцогини остались где-то на границе памяти.

Увлечшись стратегическим планированием, он пропустил момент появления любимого секретаря непосредственно перед своим столом. Право, сегодня у барышень получалось возникать из воздуха. Чертовщина прямо, клетчатый гаер отдыхает.

Невербально показывая свое презрительное отношение ко всяким непонятным представительницам женского пола, Ольга молча протянула листок бумаги и так же молча ретировалась, что уже было необычно. Ну не понедельник, а хрен те что, как выражался хороший товарищ. Молчащая Оля – нереальное явление, вроде потерявших голос от непотребного распития холодного пива Сирен, ввергавших в ужас своим «приятным» пением древних любителей отдыха под парусами.

Что-что, а характера ей было не занимать. Четким каллиграфическим почерком, от созерцания которого обрыдались бы от счастья все учителя чистописания, на листке было выведено:

«Алиса Белова, группа Ф-122, финансовый факультет» – и, видимо, уже от себя добавленная дополнительная инфор-

мация – «сегодня две пары».

– Та-а-а-а-к-с..., – протянул он, откидываясь на спинку кресла и испытывая не осознанное желание сползти по ней вниз, – чем дальше в лес, тем толще партизаны. Мелэфон не за горами. Кролик раз, кролик два, Алиса три. Что за бред все-таки? Игра началась...? Ну, тогда по сценарию должен появиться первый ключ от потайной дверцы. Блин, это уже пахнет деревянным изделием с брендом Papa Carlo!

У него в голове почему-то совершенно отчетливо всплыла сцена из сегодняшнего сна. Убегающая в лес Её фигурка, первый выстрел... Мысли сразу переключились на нее. И тут же нахлынула ставшая уже привычной, если можно с ней смириться, тоска, страшная черная тоска по... По чем? По ней? По прошлому? По несбывшимся ожиданиям? По упущенному неизвестно по чьей вине счастью? По утерянным надеждам? Было что-то такое у Диккенса, про потерянные надежды. Грустная довольно история, хоть и читал ее давно, но основные линии сюжета помнил.

Вдох-выдох...

«Все, успокойтесь, не надо сейчас об этом. Не надо... Не уподобляйся тургеневской барышне, Олег Георгиевич», – приказал он сам себе. – «Там всё уже и ты это прекрасно знаешь... Прошла любовь – завяли помидоры».

Эта последняя фраза, высказанная ею по телефону и вспоминаясь иногда помимо воли, бесила своей пошлостью и какой-то примитивностью, что ли. Воспоминания о горо-

де имени Вождя и одной из его обитательниц не прибавили хорошего настроения.

– Короче, Склифосовский, – усмехнулся он, пытаясь старой шуткой вернуться в нормальное состояние, – займемся этой самой Алисой, пока она не сбежала в гости к Шляпе и очумевшему зайцу. Опять, кстати, ушастое создание. Может, Кэрролл был к ним равнодушен или на даче кроликов разводил? – представив чопорного англичанина косящим траву для производителей любимого лакомства жителей соседней Державы, он засмеялся.

По времени до конца второй пары оставалось примерно полчаса. Как раз доехать до этого прежде самого престижного в городе учебного заведения. Он накинул пиджак, и, выходя из кабинета, сказал Ольге:

– Я ушел, на час.

Блеску стекол ее очков, больше походивших на пенсне, позавидовал бы сам Лаврентий Павлович. Когда она злилась, акцент проявлялся с большей силой и сейчас, вложив в одно произнесенное слово все эмоции, она ответила, правда очень спокойно:

– Хорошо...

Продолжая улыбаться от поднятого невольно Ольгой настроения, он ждал лифт, новый, под

«OTIS», недавно поставленный вместо старого советского внезапно расщедрившийся администрацией здания, где его фирма снимала помещения.

Дверцы раскрылись, и машинально шагнув в кабину, он не успел увернуться от замеченного боковым зрением движения. Резко обернувшись и уже ожидая какой-нибудь сюрприз, он увидел свисающий с потолка на детском бантике розового девчачьего цвета... ключ. Ну конечно ключ, чего бы еще следовало ожидать!

– Игра действительно началась, почти по сценарию. Но как-то с фантазией не богато у команды этого... Скумбриевского, тьфу, Скабичевского, копируют приемчики. Хотя...

Мелькнула интересная мысль, связанная с диким текстом давешней телеграммы, какая-то догадка, но тут же ускользнула.

– Ладно, братцы кролики, давайте поиграем, почему бы и нет, – пробормотал негромко. – Как там это будет по-французски – *pourquoi pas, pourquoi pas*, почему бы и нет, – пропел строчку из любимого детского фильма о героях шпаги. – Надеюсь, меня не будут живым закапывать, – нехорошо усмехнулся, вспомнив один эпизод из американской версии «Игры».

Сорвал ключ вместе с ленточкой и сунул в карман.

Сев в машину, он вновь ощутил хвостик ускользнувший мысли, но та опять тихо испарилась.

«Так, теперь по законам жанра надо искать дверь, или она сама появится, что не исключено, учитывая, до чего техника дошла, выражаясь языком самого известного почтальо-

на», – думал он, вырывая на проспект имени Первого Офицера. – «Но начнем с девушки. Она не зря возникла сегодня. Ну и опять же, все герои бегают за кроликом, хоть и заканчивается это у них по-разному. С другой стороны, нормальные герои всегда идут в обход. Но мы ж легких путей не ищем, так что

кролик-Алиса, жди меня и я приду», – привычно добавил цитату из уважаемого поэта эпохи исторического материализма.

Проехав, наконец, дурацкий перекресток с улицей Красной Армии, он только собрался обогнать раздражающе медленно ползущий автобус, как машина внезапно заглохла, и покатила по инерции. Плавнов спланировав к обочине, остановился. Пощелкал зажиганием. Эффекта не последовало.

– Гламурненько..., – протянул навязчивую присказку. Южнороссийский, вернее южноукраинский говорок «моей любимой няни» даже не надо было копировать, он получался сам по себе, благо, что в этой местности был не в диковинку.

Вынимая ключи из замка зажигания, он бросил случайный взгляд на правое сиденье и заметил крошечный бумажный комок.

«Странно. Машина чистая была. Или девушка уронила?». Развернул.

Маленький, разлинованный на клеточки листок из блокнота. Непонятная на первый взгляд комбинация цифр

и букв.

Хмыкнул недоуменно: «пароль что ли?», – и сунул в карман.

«Надеюсь, это не следующий прикол, иначе... что собственно иначе...», – оборвал он мысль, – «ладно, здесь пять минут ходу, дойду, потом разберемся».

ДЕСКРЕЩЕНДО⁵

«Мне бы ключик от этой дверцы В ампуле быстрый яд...»

Количество курящих девиц на входе, жидко разбавленных похожими на представителей другого пола существами, ощущению увеличилось с утра.

«Если они нарастают в геометрической прогрессии», – вяло подумал он, – «то к вечеру можно ожидать шикарную масовку, тысяч эдак в пять голов. Ярмарка тщеславия. Куда там Теккерею».

Просочившись сквозь разномастно пахнущую толпу, и поймав по ходу лавирования достаточное количество оценивающих взглядов, он вошел в холл, с тасующимися студентами и массой непонятного народа, который даже с большой натяжкой нельзя было отнести к вышеуказанной категории граждан.

Заметив бдительную старушенцию-вахтера, и уже было, открыл рот, чтобы вежливо-ледяным тоном, каким он пред-

почитал общаться с представителями сословия всевозможных охраннико- сторожей, осведомиться о местоположении нужной группы, как внезапно...

Такое впечатление, что он попал в дешевый детектив, в бумажной обложке, для одноразового использования. Только в них напыщенные герои встречаются в необыкновенные ситуации, которых в нормальной, в хорошем смысле слова, жизни не бывает, и весьма ловко и находчиво из них выкручиваются. Совершая при этом массу подвигов и спасая по ходу дела какую-нибудь знойную красотку.

Вообщем, резко и неожиданно наступила глубокая темнота. В разговорной русской речи ее обычно сравнивают с внутренностями одной точки коренных жителей Африки.

Самое смешное или, как раз таки, самое несмешное, что через стеклянные двери холла с улицы не попадал солнечный свет, который в достаточном количестве только что там, на улице, присутствовал.

– Тьма накрыла ненавидимый прокуратором город..., – пробормотал он, резко оборачиваясь. Как ни странно, светлее от этого не стало. Тьма не только накрыла, но и окружила, обволокла,

оплела... Вообщем, кроме нее ничего и никого больше не было.

Вторым пришедшим ощущением была такая же, как темнота абсолютная тишина. Звонящая, что называется.

«Мало того, что ни зги не видно, так еще и..., гм, ничего

не слышно». Даже пресловутые мухи, обычно являющиеся эталоном оценки качества звукопоглощения, отсутствовали.

Смеяться, почему-то не хотелось.

⁵ Decrescendo – постепенно затихая

Привычка таскать всегда с собой карманный фонарик, оказывается, была не такой уж дурацкой. Только вот в каком году он последний раз менял в нем батарейки?

Фонарик, как ни странно, работал.

– Энерджай-зер, – подражая рекламе, нараспев произнес он, проводя узким лучом по сторонам. – Энерджайзер, – повторил по инерции, мгновенно вспомнив саму рекламу. Присутствие в ней кроликов или зайцев, на морду он их не различал, не забавляло. Количества возникших за пару последних часов ушастых бестий уже хватало на половину хоккейного состава. Такими темпами к вечеру соберется футбольная команда с запасными, врачами и массажистами.

Режиссура спектакля не достигла вершин, достойных «Оскара», хотя долго ли умеючи. Но, по крайней мере, статисты отработали на все шесть с плюсом, ниндзи сдохнут от зависти. Просторный холл был пуст, насколько позволял видеть фонарик. Человек сорок-пятьдесят растаяли в воздухе, как небезызвестная троица героев любимого романа.

«Как там Коровьев рассуждал про пятое измерение?», – думал он, осторожно пробираясь к выходу. Точнее в ту сторону, где он его предполагал обнаружить. – «Тем, кто хоро-

шо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов. До черт знает, каких пределов. Похоже, и здесь кто-то постарался», – он скользнул лучом, пытаясь увидеть стены холла. Блеклый свет фонарика, не находящий их, только подчеркивал необъятность помещения. Гулкий звук шагов подтверждал это.

Выход напрочь отсутствовал. Как собственно и вход и прочие лазейки. Наконец-то нащупав стену, и обходя помещение по кругу, он убедился в этом воочию. Точнее тактильно.

Сказать, что настроение было испорчено не совсем корректно. Оно просто упало, куда-то в тартарары или ниже. Если ниже бывает. Прислонившись спиной к шершавой стене, он плавно опустился на корточки, пытаясь представить, что собственно делать дальше.

– Подземных ходов не наблюдается, потайных дверей тоже и золотой ключик вставить некуда... Кстати о птичках. Ключик, ключик...

Рожу, ставшего уже навязчивым и четвертым по счету зайца-кролика на ключе, он увидел сразу. Странно, как он ее в лифте не заметил.

– Ну, эт-то уже переходит все границы, – надувая щеки, как герой Мягкова в новогодней сказке, прошипел он, – ну, знаете ли...

Кролик премерзко улыбался, сверкая металлическим профилем в тускнеющем свете фонарика.

Какое то новое ощущение помешало ему разозлиться по настоящему. Он поводил головой, пытаясь понять, что изменилось в этом уютном месте и ощутил свежий, прямо таки бьющий в нос запах цитрусовых.

– А вот и апельсины... та-та-та, в бочку бы теперь не влипнуть. Что там было с Чебурашкой?

Он придет или не придет? Надо у Ольги спросить, – взялся за телефон.

То, что связи не было, его уже не удивило.

– Игра началась. Однако... Кроликов в избытке. Апельсины уже близко. Ладно, О кей – О be, – пробормотал со злостью. – Как там, у Чичериной? – И на запах, на запах!

Используя нос как локатор, и подсвечивая под ноги, двинулся в темноту. Учитывая, что помещение должно было все-таки иметь конечные размеры, можно было предполагать, что цель достижима. Хотя, если опять же вспомнить бывшего регента, умевшего раздвигать стены квартиры, превращая ее в бальную залу.... Но это уже полная чертовщина.

Внезапное соприкосновение лба с твердой поверхностью избавило от необходимости додумать дельную мысль.

– Вы еще не в белом? – тогда мы идем к Вам, – хмыкнул он, потирая свой пострадавший череп. – А вот и дверца в волшебный сад, или скорее, судя по новогодним ароматам, в цитрусовую рощу или оптовый склад торговцев фруктами.

Отыскав пальцами скважину, вставил в нее ключ, который естественно подошел. Было бы странно, если б было не так.

– Один есть, – чуть не рассмеялся и опять мгновенно в голове возник сегодняшний сон, в котором он произнес эту же фразу, но только по другому поводу. Повод он тоже вспомнил и остановился – настолько яркой была картинка: нелепо заваливающийся на спину человек, поймавший правым глазом мгновение назад кусочек мягкого металла.

Следующая мысль была совсем нереальной: шаг за эту дверь приведет его именно к той дороге, с обочины которой он начал отстреливаться от непонятно зачем преследующих их людей. Её присутствие там же, не утешало.

– Русские не сдаются, – подбодрил он сам себя и перешагнул порог.

Скабичевский не врал, апельсины действительно были в бочках. Причем количество этих бочек даже при нормальном освещении способно было поразить воображение. Они громоздились одна на другую и создавали иллюзию, что их тут видимо невидимо. В меньшей степени видимо, и в большей невидимо, потому что луч фонарика пробивался не более чем на несколько метров, но кроме пресловутых бочек ни что больше не нарушало столь дивный пейзаж.

«Какую гадость подстроит Панаев, являющийся, как известно, неразлучным спутником первого телеграфиста», – подумал он, – «и Чебурашка точно не придет, он то был, насколько я помню, в ящике с такими же дарами природы, а ящиков здесь не наблюдается. Да, затоваренная бочкотара расцвела пышным цветом», – за точность цитаты он сейчас

ручаться не мог.

По правилам игры предлагалось двигаться только вперед, задние ходы предусмотрены не были. Это выяснилось через минуту безуспешных поисков скважины для ключа с этой стороны двери, закрывшейся за спиной, ну, как и полагается, совершенно бесшумно. Остается грузить апельсины. Вопрос только куда?

Он повертел головой, пытаясь решить для себя в какую сторону двигаться. Вариантов было собственно не много – вправо, влево или вверх.

«В любом случае, для начала надо расчистить себе жизненное пространство», – здраво рассудил и взялся за ближайшую бочку. Она на удивление оказалась не такой тяжелой, как можно было бы судить по ее размерам.

– Или апельсины в них пенопластовые и режиссер ограничился цитрусовым дезодорантом, или я Шварценеггер, – пробормотал, берясь за следующую.

Передвинув, таким образом, несколько штук, он освободил небольшой пятачок перед собой и решил, что самым умным будет залезть наверх и осмотреться. Может тогда, что-нибудь прояснится.

Легко сказка сказывается, да долго дело делается. Мудрость данной поговорки он осознал в полную силу. Да, регулярное сиденье в кожаном кресле не способствует хорошей физической форме. Зато сейчас размялся, от и до.

Вскарабкавшись наверх пирамиды, он тяжело выдохнул

и присел на край бочки, пытаюсь отдышаться. Требовался срочный перекур, но сигареты остались в машине. Вздохнул, грустно сплюнул вниз и пошел на разведку.

Аккуратно переступая с бочки на бочку, он незаметно для себя довольно далеко удалился от места своего восхождения, но этой деревянной таре, забитой под завязку апельсинами, казалось, не будет конца.

Бочки стройными рядами уходили куда-то за горизонт, где и сливались в одну точку со сводами помещения.

– Ты где-то там, за горизонтом. Ты где-то там, выше... Чего там было выше?

Ответить на собственный вопрос он не успел. Заботливо подложенная доброй рукой шкурка банана сделала свое грязное дело.

– Шёрт побъери, – только и успел он высказаться, лихо скатываясь вниз.

Бочки решили не отставать и тяжелой грудой устремились вдогонку. Впрочем, почти сразу же они его перегнали и с грохотом полетели вперед, расчищая трассу слалома.

Его бросало с одной бочки на другую, подкидывало вверх, швыряло в стороны. Забавнее этого развлечения мог быть только бег в мешках по сильно пересеченной местности...

Пол шел под уклон, и скорость всеобщего движения увеличивалась. Вцепившись руками и ногами в одну из подвернувшихся бочек, он решил с ней больше не расставаться. По крайней мере, до окончания спуска неизвестно куда.

Платформа. Скамейки. Стены, облицованные камнем. Несколько человек, чего-то ждущих... Проклятые ассоциации бились в стенки черепной коробки, пытаясь достучаться до

застывшего в шоке мозга и превратить смутную догадку в очевидный факт. Верить в него не хотелось, но деваться особенно некуда. В голове щелкнуло, и он наконец-то понял, что окружало его в настоящую минуту. Это была... это была... это была... станция метро, черт возьми!

Выехавший из тоннеля трамвай и надпись на стене: «Станция Комсомольская» отлично дополняли нереальную картинку.

– Ну, здравствуй, мой любимый город-герой, – чуть не засмеялся он от избытка впечатлений, но сдержался, оборвав грозящие вырваться наружу истеричные вопли.

«Дасиш фантастиш», – самая известная в последние пятнадцать лет немецкая фраза отражала сейчас не ту гамму его чувств, с которой ее обычно ассоциируют, но ничего более умного в голову не пришло.

Он присел на скамью, стараясь разглядеть на лице посетившее его, в смысле лицо, очумевшее выражение и усталился в одну точку.

СТРЕТТО⁶

«Две капли неба – взгляд и тень подола хитрый лаби-

ринт...»

Остатки разумных мыслей в голове сначала сбились в кучу, потом растеклись по древу, затем снова собрались вместе и опять разбежались в стороны, как тараканы на кухне после внезапно включенного света.

Прояснение в мозгах странным образом не наступало, но минут через десять кипучих раздумий все-таки стало легче.

– Слов нет, одни междометья, – давняя банальность помогла выйти из нокаута и понемногу начать адекватно воспринимать существующую реальность. Хотя в реальность этой реальности (каламбур или тавтология?) верить не хотелось. Напрочь. Но факты, как сказал кто-то из известных, вещь упрямая.

Восстановив ритм дыхания, он собрался с силами и поднялся с лавочки. Отыскал глазами выход из этого весьма похожего на настоящее местечка и пошел к лестнице. По дороге пощупал рукой стены, даже постучал по ним костяшками пальцев. Все нормально, не декорации, не фанера, гранит и камень. Оптимизма, однако, это не прибавило. Ни на копейку.

На улице его встретил поздний вечер и легкий прохладный ветерок.

– Опаньки, – протянул, хлопая глазами, – и который же у нас, вернее у них, час?

Святящиеся в темноте стрелки Tissot-а показывали 21—52. От этого факта стало еще грустнее. К непонятному перемещению в пространстве, добавилось и перемещение во времени. Спрашивать у прохожих, какой сейчас день и год он поопасался. Понять могли неправильно...

Судя по окружающей обстановке, это действительно был известный своей героической обороной и последующей битвой город, и он оказался практически в самом его центре. На знание всего этого чудного места он не претендовал, поскольку до этого посещал его всего три раза, но центральную часть знал довольно хорошо.

⁶ Stretto – ускоряя

– Так, это Ленина, это Комсомольская, там рынок, а вот там вокзал, набережная туда, – сориентировался он, – ну, и куда податься бедному студенту? Надо покурить и спокойно подумать. Кстати, сколько у меня денег с собой?

Содержимое портмоне принесло первую радостную весть за последние...

«Гм, по нашему времени, так наверно полчаса, а по местному... Хороший вопрос, товарищ Штирлиц!».

Около десяти наличных тысяч, найденных в бумажнике, хоть как-то утешили.

Купив в киоске пачку любимых сигарет, он закурил и, подняв голову, уткнулся взглядом в ярко освещенный рекламный щит.

Красивая девушка с эффектным макияжем, облаченная в непонятный наряд, призывно улыбалась и, делая глазки, томно манила ручкой.

«Клуб „Пиранья“. Ночное шоу ANTI LOPA. Приходи и стань собой».

Как действовал немудреный слоган местных рекламщиков на окрестное население, сказать было трудно. Но он, напоминая сейчас волка из советского мультсериала: рот открыт настежь, глаза размером с царский пятак, и едва зажженная сигарета, падающая на асфальт, поражающий своей чистотой.

Говоря сегодня утром, а сегодня ли, Ольге об отсутствии особых примет у девицы, уютно устроившейся на дороге перед его машиной, он конечно слукавил. Сейчас то он ее сразу узнал.

– Вот тебе и Алиса, подружка этих кроликов-зайцев. Демоны, гм! Какая зараза все это устроила... Поймаю... на ленточки для бескозырок порежу!

Вереница странных событий продолжалась. Он только-только отошел от своего «чудесного» появления в подземке другого города, отстоявшего от его родного на полтысячи километров, и тут на тебе...

жизни.

Такое шутовское название для ночного шоу придумали они с Ней давно, еще в той, прошлой

«И вот наяву, хотя не факт что наяву», – усмехнулся он, – «оно существует. М-да, то ли еще

будет о-ё-ёй», – вспомнился припев старинного шлягера.

«Ну что ж, время как раз для начала клубной жизни. Раз так все „хорошо“ складывается, посетим это место, но только большое количество странных совпадений настораживает», – решил он и поймал такси.

Дымя следующей сигаретой, пока таксист рулил по ночному городу, он думал, что до её дома здесь буквально два шага, но. . . . Но заявляться неожиданно в гости, на ночь глядя, без всяких достойных перспектив, а тем более, после ее последних телефонных заявлений, и почти месяца полной тишины. . . . Не стоит так унижаться.

«Первым делом мы ломаем самолеты, ну а девушки. . . , а девушек потом», – тоскливо улыбнулся, бросая окурок за борт.

Успешно пройдя face-контроль, он вошел в злачное место.

Интерьер клуба был весьма интересным. Осматривая зал, он всюду натыкался взглядом на изображение зубастой рыбки.

– Интересная морская тематика, только почему не акула, а пиранья, – и в голове стал складываться некий ассоциативный ряд, наподобие того, что был в анекдоте про одну дамочку в автобусе: «Граждане! Он меня сукой обозвал!».

«Пирания – кусается – зубастая – зубы – большие зубы – Кролик. Почему кролик? Ну, он тоже кусается», – эти мысли немного рассмешили его. – «Я теряю корни...», – завывающий голосок одного

«полуфабриката», возникший в голове привел к следующей более здоровой мысли. – «По-моему, нам пора подкрепиться, да!».

Заняв свободный стул за стойкой, он заказал сотку любимого коньяка.

В ожидании напитка оглядел публику, весело доводящую себя до кондиции перед началом того самого шоу с неизвестно кем. Примерно равная пропорция мальчиков и девочек в живописных нарядах разной степени откровенности бодро накачивающихся всевозможными напитками. И у них это хорошо получалось. Отдельные пары и стайки легкоъемных, густо-раскрашенных девиц. Несколько самых разкомплексованных из них осваивали танцпол под ненавистную ему, так называемую «клубную» музыку.

– Обычное дело. Обычный клубешник. Пока всё как всегда и везде.

Его заказ прибыл, и он отвлекся от созерцания обстановки и контингента и занялся более приятным делом. Пара хороших глотков и жизнь заиграла свежими красками. Осталось найти неуловимую барышню, если конечно она здесь.

Настроение поднялось, но не настолько, чтобы спасти от назойливых мыслей о нереальности происходящего. Ра-

зум, взбодренный дозой алкоголя, возвратился к выполнению непосредственных обязанностей и приступил к разбору недавних полетов. Полетов в прямом и переносном смысле.

«Как можно было, прыгая не так долго по бочкам, попасть из института в центре одного города в туннель метро другого? Как?! Это же невозможно! Ну, никак! Ну ладно там Белый Кролик с ключами, безобидная, вообще то шутка, но странный способ перемещения в пространстве, верхом на бочке. А время...? Вышел из офиса после одиннадцати. Утра, прошу заметить! Ну, час на кружение в темноте, ну еще час на бочки. Полчаса на медитацию на лавочке. Должно быть около двух дня. Но никак не десяти вечера. Что за бред...», – думал он про себя, уставившись глазами в стойку бара и усиливая деятельность мозга маленькими глотками коньяка.

Додумать ему не дали. Телефон начал подавать признаки жизни, извергая из себя несвойственные ему звуки и настойчиво вибрируя.

– Кто там меня вспомнил, – хмыкнул, залезая в кобуру. – Прочитать новые сообщения? Да, конечно, прочитать.

Полученная sms-ка гласила: «Обогни сцену, за шторой вторая дверь без номера, жду».

– Хм, приглашение на свидание? Оч-ч-чень романтично. Алиса эта что ли? Или еще кто? Ладно, девочка ждет, мальчик не идет – плохо! – ухмыльнулся и, подхватив бокал, двинулся в указанном направлении.

Так, первая дверь, вторая.

Он вежливо постучал, и, не дождавшись отклика, толкнул дверь. Но, не успев поднять правую ногу, чтобы перенести ее через порог гостеприимного обиталища неизвестно пока кого, ощутил звезды в глазах, хотя, судя по их количеству, это были, по крайней мере, не самые малые созвездия Млечного пути. Успел подумать, – «алес...», – и отключился.

ЭКСПОЗИЦИЯ

«Четвертый год идет война сама себе Четвертый год иду с ума иду к тебе...»

...Оставшиеся бойцы невидимого фронта немедленно упали мордами в мокрый снег и начали, судя по возникшим новым звукам, палить из всех стволов в имеющийся, пока не стемнело, белый свет, который, как всегда, был похож на копейчку.

Он перекатился на несколько метров в сторону и осторожно высунулся из-за дорожного покрытия.

«Что за дебилские выражения приходят в голову в такой ситуации, какое к черту покрытие?!».

Поводил стволом и поймал в прицел следующую фигурку. Фигурка махала рукой, очевидно призывая однополчан к штыковой атаке фашистских позиций. Желаящих стать следующим Матросовым не наблюдалось, и фигурка, продолжая бешено жестикулировать, приподнялась на лишние полметра, пытаясь погнать бойцов вперед.

– Разбег, толчок, и мягкая посадка, – ткнувшийся лицом в грязь второй сегодняшней

«счастливчик» слышать этого не мог по множеству причин, но поспособствовал поднятию настроения на пару делений по шкале Рихтера.

– Второй есть. Еще пяток, и можно петь марсельезу на «Камикадзе», – представив ритуальный праздник полной и окончательной победы над аквапарком, так и не состоявшейся, он нервно засмеялся.

Этот самый аквапарк, принесший столько неприятностей и проблем, испортивший не то что лошадиную, слоновью дозу нервов, отнявший кучу времени и сил... Но при всем при этом это был самый счастливый период его жизни. Его и её. Это было прекрасное время счастья, любви, беззаботности, упоения друг другом... Небо, море, облака...

Он на секунду прикрыл глаза и абсолютно реально ощутил ту атмосферу, как будто вернулся в то неповторимое время. И даже почувствовал на губах вкус любимого пива, которое выпивалось

просто в немереных количествах. Возвращаться к действительности не хотелось... Но, как говорится, надо.

Игра в пятнашки продолжалась. Непонятно почему, на взгляд нормального человека ничего этому не способствовало, ему стало безумно весело. Он забыл, зачем он здесь. Зачем стреляет по этим смешным человечкам. Чего им от него надо. Да просто забава. Кто больше собьет мишеней. У него то было преимущество перед ними – мишеней больше. Можно выбирать. Вот того типа, с лошадиной мордой завалить, или лучше этого, смахивающего на заморыша. Было приятно, хоть на такое малое время, ощутить себя Богом, решающим кому жить, а кому уже и пора.

– Мне осталась, одна забава: пальцы в рот – и веселый свист. Прокатилась дурная слава, что похабник я и скандалист, – тихонько запел.

Стихи он особо не любил, но Есенина уважал. Пожалуй, единственного русского поэта, творчество которого не сумели испортить школьные уроки литературы. Может потому, что он считался классово чуждым, и его произведения не разбирали настолько досконально по косточкам, как поэзию других.

– Ах! Какая смешная потеря! Много в жизни смешных потерь. Стыдно мне, что я в Бога не верил. Горько мне, что не верю теперь..., – усмехнулся.

– Впрочем, начинать верить уже, похоже, поздно. Хотя... хотя поздно – это когда все умерли.

А мы еще поживем, пожалуй, назло. Ладно, играем дальше, господа, – выдохнул со злостью.

АЛЛЕГРО⁷

«Мне очень дорог твой взгляд Мне крайне важен твой цвет...»

«Какая... поливает меня из чайника», – следующая мысль, случайным образом посетившая его мозг, была именно такой. – «Серег, убью!!!».

Привычки соседей по комнате в общежитии будить дру-

зей допотопною шуткой за прошедшие пятнадцать лет могли бы уже стать и атавизмами. Но нет же. Холодные струи воды, бьющие в лицо, разозлили его и он, одновременно с глазами открыл и рот, из которого выплескивалось мнение обо всех ближайших родственниках товарища, но успел сдержать первый словесный посыл, ибо представшее зрелище довольно сильно отличалось от знакомой рожи.

Пшихающая водой девушка не была похожа на старого дружка, даже если напрячь всё оставшееся в запасе воображение. Что называется «чисто славянская внешность» – длинные светло русые волосы, голубые глаза, красивое лицо – ну чем не ангел с гравюр ...надцатого века. И что-то такое до боли знакомое и родное в улыбке, и так смешно сдувающихся щеки, когда она выпускала очередную мелко-дисперсионную струю воды.

«Angel Schlessen», – вдобавок уловил он знакомый аромат.

– Ты кто? – спросил, вяло ворочая языком. – Ангел?

– Это неважно, – мягко улыбнулась девушка, – зачем ты здесь?

– Хотел бы я знать, зачем, – поморщился, – и все-таки как тебя зовут, добрая вы наша?

– Можешь звать Кот! – ответила незнакомка, делая большие глаза.

Он уже хотел, было ляпнуть, что-то типа: «Все в сад!», но добравшийся, наконец, до замученного оригинальными шутками мозга звуковой ряд что-то напомнил.

«Так, Алиса была... Ага. Теперь Чеширский Кот. Персонажи прибывают. Интересно, кто тогда я? Белый Кролик??!».

Вот и не верь после этого в сказки. Кролики, Алисы, Коты...

«Только я и ты, то ли люди, то ли коты...», – вспомнился припев одной песенки. – «Да уж. Все смешалось в доме Облонских», – бессмертная фраза классика.

– Солнышко, у тебя нет, чего-нибудь выпить?

Девушка движением бровей показала направо. Повернув голову, он увидел свой недопитый бокал, в котором на странно знакомой ленточке мерзкого розового цвета лежал ключ.

– Ну, зачем же портить бал вспухшим ухом, – вздохнул, – взяли коньяк испортили.

⁷ Allegro – весело, живо, быстро

Он осторожно вытащил «подарочек», стряхнул с него капли волшебной жидкости и повертел перед собой. Неизменное изображение того же кролика было на месте.

– Ладно, ключ я понимаю, но на хрена эти розовые ленточки, повеситься на них предлагают или подтяжки сделать? – обернулся к девушке, но... ее уже не было.

– Гм... Испарилась... да.... Олег Георгиевич, вам везет на воздушных барышень..., – слово

«сегодня» он не стал произносить. Хотя чему удивляться, тот самый пресловутый Чеширский Кот славился именно

своими неожиданными исчезновениями и не менее неожиданными появлениями.

Помещение, в котором он, как, оказалось, сидел, развалившись в чрезвычайно уютном кресле, напоминало девичью спальню. Или будуар изнеженной Принцессы. Всякие рюшечки, занавесочки, бантики, ленточки, куча маленьких подушек, разбросанных по широкому дивану, больше напоминающему оттоманку, и по креслам. Мягкие игрушки, масса дурацких безделушек, вазочки и огромное количество цветов в горшках, горшочках и горшочечках. Венцом обстановки был потрясающий аквариум.

«Осталось добавить вывеску – здесь живет Алиса», – хмыкнул, – «и все же, что это было?». Мысленно «ощупал» себя. Все части тела были на месте и даже не болели.

«Внезапная потеря сознания с бурным звездопадом? Странно все это, хотя мне ли сейчас говорить о странностях. Еще час назад, ну, гм, неизвестно по какому времени, я был у себя в офисе, а сейчас? Остается только возопить: И де я?!».

Какая то деталь обстановки, которую он зацепил краем глаза, показалась довольно необычной или смутно знакомой или как-то связанной с последними событиями, но какая именно он не уловил.

Встав с кресло и делая маленькие глотки, ну не выливать же коньяк, другого здесь не наблюдалось, обошел комнату, внимательно изучая интерьер.

«А она тоже любительница цветов, как я смотрю», – подумал, глядя на бесчисленных представителей всех возможных, наверное, комнатных растений, – «Лору бы сюда, она бы была в поросячем восторге от них... м-да...».

Еще раз внимательно обвел взглядом комнату и наконец-то заметил нужную деталь, которая его и смутила.

– Ну, конечно же, кого здесь не хватало для полного счастья!

Плюшевый Чебурашка забился под подушки, подсматривая одним глазом, но уши выдавали его целиком.

Он вытащил игрушку из укрытия за ухо и сейчас рассматривал ее, держа на весу. Пока ничего необычного, но не верить давешнему Скабичевскому поводов не было, так что этот милый ушастик здесь явно не зря.

– Милый друг не скучай, я вернусь, ты так и знай, – насвистывая веселенький мотивчик, он ощупал Чебургена. На пузе у того оказался кармашек, в котором лежал сложенный вчетверо небольшой лист бумаги. Бросив игрушку обратно на диван, он развернул листок и уставился на строчки, написанные красивым женским почерком:

«Каждый человек может обрести свободу выбирать все, что захочет. Вот тебе загадка: как получить эту свободу? Как найти свою Дверь? Если отгадаешь, твои яблоки упадут в небо».

– Яблоки упадут в небо...? Интересно, как это может быть? – задумался, пытаясь представить такую неестественную картину. – Странная фраза, мягко говоря... А эта – как обрести свободу выбирать все, что хочешь? Ну, и как же?

Резкий звук заставил его обернуться. На темном экране стоявшего в углу плоского телевизора появилось изображение, видимо от какой то из камер наблюдения, сопровождаемое гулом голосов многочисленных посетителей.

Зал был полон, и все чего-то явно ждали. Звук, даже будучи приглушенным, отлично передавал атмосферу, царившую в клубе. По экрану побежали слова: «Шоу начинается, выход». Видимо таким образом участниц вызывали на сцену.

– Ну, раз других указаний не поступало, надо двигать на шоу. Может быть там, эта красавица появится снова, – рассудил, как ему показалось, здраво. – Осталось найти выход или хотя бы вход, через который я вошел.

Дверь отыскалась за одной из портьер. Открыв ее, он очутился в зале и быстренько смешался с толпой, жаждущей зрелищ, поскольку «хлеба» они уже наелись.

Свободное место, как ни странно, нашлось. Плюхнувшись на стул, поймал первую же официантку и на ухо ей прокричал, что он от нее хочет. Девушка кивнула и исчезла, впрочем, ненадолго. Он не успел, и закурить, как перед ним очутился бокал с двухстами граммами лучшего на свете лекарства, совершившего кругосветное путешествие по морю в дубовых

бочках.

– Однако дисциплинка тут. У нас, в «Титанике», можно полчаса ждать.

По всей видимости, шоу пользовалось бешеной популярностью в среде «мажориков», средний возраст присутствующих колебался возле отметки 19—21 год. Он хоть и выглядел еще ничего в свои тридцать четыре, но, похоже, был здесь самым старым.

Внезапно помещение погрузилось во тьму. Полнейшая темнота и... тишина. Ему захотелось брякнуть: «И мертвые с косами стоят...». Вспомнил дебильноватое выражение лица того персонажа, который употреблял эту фразу к месту и не к месту, и улыбнулся.

Вспыхнули прожектора и стали нырять по клубу, выхватывая разгоряченные лица, выглядевшие застывшими масками под мгновенными вспышками мертво-фиолетового света. В абсолютной тишине, это было несколько жутковато. Казалось, что все уподобились тому самому ежику и забыли, как дышать, настолько было тихо.

Лучи металась по залу, взлетали к потолку, застывали там на несколько секунд, и, словно собравшись с духом, бросались снова на людей.

Грянувшая музыка заставила его вздрогнуть, и он чуть не подскочил на стуле от неожиданности. Лучи прожекторов собрались на сцене и в этом единственном светлом пятне буквально из ничего возникла человеческая фигурка, стоя-

щая спиной к залу.

Яростные звуки, сопровождавшие это явление, вызвали мурашки на коже. Музыка как будто взбесилась. Какой неизвестный композитор создал такое невообразимое сочетание стонов, всплесков, криков ярости и ноток грусти, томной мягкости и взрывов безумной боли. Музыка плакала и стонала, тихо шелестела, как морская пена и рвалась из плена, звучала зловеще и через секунду превращалась в грустное соло скрипки. Все оцепенели.

На последней ноте фигурка развернулась, разноцветные лучи тут же вскинулись к ее лицу, он распахнул глаза и...

Фокус с падающей изо рта едва прикуренной сигаретой пришлось повторить, поскольку на сцене стояла никто иная, как... давешняя знакомая... Алиса.

Сигарета упала в бокал и зашипела.

– Тьфу ты черт! У меня уже рефлекс на нее, как увижу, так все падает, – ругнулся он, кидая мокрую сигарету в пепельницу и делая огромный глоток.

Девушка сбросила серый капюшон, взмахнула головой, разметав свои длинные прямые черные волосы, и вскинула вверх руки.

– Так, на секундочку! – недоуменно протянул он, сдвигая брови и морща лоб, – она ж была блондинкой... Да, я помню... Что за фигня? Или это не она? Ну, как не она? Да она!

Заигравшая вновь более спокойная музыка чем-то напоминала Enigm-у, такие плавные связанные звуки, полуми-

стические...

На сцене появлялись какие-то фигуры и застывали в странных нелепых позах. Подробности были не видны, поскольку весь имеющийся свет был прикован к девушке. Еще мгновение и он исчез, но тут же вспыхнул настоящий огонь. Пламя взметнулось выше плеч, взяв ее в кольцо. Она стояла, не шевелясь, и неведомый ветер развеивал ее волосы. Зрелище было еще то...

Зал наполнился звуками хлопающих крыльев, как будто тысячи летучих мышей в одночасье ворвались в помещение. Он, как и многие другие, испуганно вскинул голову к потолку, ища взглядом летающих тварей. Слава Богу, никто на самом деле не летал, всего лишь звуковой эффект. Но он был не последним. Из конца в конец помещения пролетел завывающий ветер, отражаясь от стен эхом, немыслимо переплетаясь в центре и уносясь снова по углам. Вдогонку за мурашками по коже побежал холодок.

«Они специально атмосферу нагнетают, доводят всех до кондиции? Жутковато. Интересно, гробы летающие будут? Или там ведьмочки? Хотя... одна уже есть и ее вполне хватит, я думаю...», – он поставил бокал и пригладил ощерившиеся на висках волосы. Их нельзя было винить за такую реакцию – Алиса плавно взмыла в воздух без всякой там метлы или ступы. Плащ соскользнул вниз и открыл взорам всех присутствующих ее костюм. Невообразимой красоты платье потрясающего дизайна сочетало в себе несочетаемое – ледя-

ной холод айсберга и адский огонь, черноту глубокой пропасти и блеск солнца, нежность любви и ярость ненависти. Словами это невозможно было передать.

«Ну и шоу... Копперфильд тут рядом не лежал», – ошарашено ухмыльнулся, впившись глазами в стройную фигурку девушки, висящей над сценой.

Сделав плавное движение в воздухе, девушка повернулась к нему, и он чуть со стула не упал...

– Лора..., – прошептал, хватаясь руками за столик. Зазмурился и снова распахнул глаза.

Знакомый профиль, такой милый и любимый маленький носик, глаза, светло-русые волосы, родная нежная улыбка...

Нашарив дрожащей рукой бокал, он опрокинул остатки содержимого в себя и замер, забыв опустить руку. Она смотрела на него через весь зал и манила взглядом. Он не мог оторваться от нее и застыл, словно сосулька. Сколько это продолжалось...

Невидимое движение и вот она повернула лицо и... Оно было то же и абсолютно другое одновременно. Противоположное. Анти...

– Анти-Лора..., – ахнул он.

Сосредоточенный серьезный взгляд, пустой, бездонный, безликий, холодный и... И злой. Презрительная усмешка, застывшие губы, наичернейшие волосы. От нее веяло ледяной неприступностью, как от Снежной Королевы...

Девушка взмахнула рукой и растворилась в воздухе. На сцене вспыхнул свет, и все фигурки ожили, задвигались, сплелись в безумном хаосе, перемешались и рассыпались. И снова ринулись в круговерть танца. Музыка взревели, и Шоу понеслось...

ПРЕСТО⁸

«Мечты становятся планами Потом душевными ранами...»

Откинувшись на спинку, он даже не старался вникать в происходящее на сцене.

– Вот тебе и шоу Анти-Лора. Получите – распишитесь. Куда меня завел, этот чертов Белый кролик, – нащупав немного дергающейся рукой сигареты, жадно закурил. – От такого зрелища крыша раньше времени съедет. Что это было?! Алиса – не Алиса. Лора – не Лора. Вообще... Что происходит?! И с кем мне говорить, да и о чем? Я в шоке просто! И... что дальше?

Со сцены соскочило несколько чертей («именно чертей, какие тут к черту, тьфу, масло масленое, сомнения»), и двинулось в его сторону.

«Ко мне? Угу. Сейчас, только шнурки поглажу».

Он медленно сполз со стула, не забыв прихватить бокал, на доньшке которого еще что-то осталось и потихоньку-по-

тихоньку, отступая спиной, ввинтился в толпу беснующейся молодежи.

«По-моему, нам пора освежиться», – общаться с «шоуменами» ему совершенно не хотелось.

Дальше началось несусветное. Яркая вспышка на сцене в сопровождении какой-то рваной мешанины музыки, вполне соответствующей команде: «Маэстро! Урежьте марш!» и последующие за ней звуки выстрелов обозначили начало третьего акта пьесы.

Толпа взревела, завизжала и кинулась врассыпную.

«Вот и все, вот и кончилось теплое лето», – успел подумать он, вышибая дверь с табличкой

«VIP ZONE». Нырнул в нее двумя руками вперед, поскольку свист пуль, которые, как хорошо известно, похожи на мгновения, издающие тот же звук, с упорством, достойным лучшего применения, назойливо давил на виски.

Один из расходящихся веером коридоров он выбрал наугад и помчался по нему со скоростью, которой за собой не подозревал. Одинаковые ряды бледно-оливкового цвета дверей на фоне белых стен уходили просто-таки в бесконечность, знак которой был уже разгадан одной уфимской барышней. Для полного счастья не хватало Мастера Ключей... Или...

«Алиса в подземелье», – промелькнула мысль.

Возникновение обгоняющих его маленьких свинцовых предметов прервало философские размышления.

«Играть в Нео не буду. Боюсь, не получится».

⁸ Presto – очень быстро

Коридор разветвлялся. Резко притормозив, он замешкался, решая куда бежать, и тут невесть откуда взявшаяся рука, схватив его за шиворот, втянула в двери.

– ... Ты?! Ну, ты очень кстати! Размеры моей благодарности не будут иметь границ в... Закончить фразу он не успел. Давешний Ангел махнула ему рукой, и прыгнула с подоконника.

«Я хоть и в самом расцвете сил, но пропеллер дома оставил», – думать было некогда и он, повторив подвиг благодетельницы, сиганул в окно, – «как впрочем, и крылья тоже».

Если мушкетеры на самом деле прыгали с третьего этажа прямо в седло и потом брали с места в аллюр, как это продемонстрировал г-н Боярский в молодости, то им оставалось только завидовать, хоть он и упал всего лишь на ноги, а не на другие места.

– Карету мне, карету! – взвыл он голосом героя бессмертной пьесы и прямо перед носом увидел знакомый номер.

– Моя ты дикая кошечка, Паджерка!

Думать, что она здесь делает, было, недосуг. Ангел справа, помеха слева и с визгом шин они вылетели на набережную.

«Мы начинаем урок географии, мы из России двинем на запад. Как говорила Лора, в этом, так любимом ею городе, три продольные улицы и восемь поперечных, так что выбора

нет. Первая продольная это или третья, какая сейчас разница!».

Перебросив с секундными паузами передачи, он выжал сотню на длинной прямой.

Ангел совершенно спокойно, как будто прыгать с подоконников было ее хобби, курила сигарету, судя по запаху ментоловую.

«Дым сигарет с ментолом, пьяный угар качает...», – в темном салоне трудно было разглядеть выражение ее лица, но мгновенного взгляда хватило, чтобы понять, что оно как минимум чрезвычайно серьезное.

– Где были мы, и кто был с нами, какие девушки, с какими волосами, – пропел он себе под нос и обернулся к своей спутнице:

– Вы умеете стрелять? Я дам Вам парабеллум, – в нем проснулся сын турецкоподданного.

– Остапа несло? – ее голос был ровным и спокойным, как у герцогини на приеме в Букингемском дворце.

– Однако, счет 1:1, – он улыбнулся, – если Вас не затруднит, не будете ли Вы столь любезны...?

Девушка рассмеялась:

– А ты мне нравишься, особенно ход Ваших мыслей. Сейчас налево, потом еще раз, до светофора и направо, дальше ныряем в арку и стоп.

– Есть, мэм, – козырнуть не удалось, руки заняты, да и фуражки нет.

Они промчались мимо здания, смахивающего на планетарий и далее, следуя полученным инструкциям, он ворвался в показанный тонким пальцем с отличным маникюром проезд и резко остановился.

– Какие будут указа... – к ее капризам появляться и исчезать без лишних сентиментальностей он еще не привык. Ангел-Кот растворился (растворилась?) в темноте ночного города...

Хмыкнув, он вылез из машины, устало опустил на лавочку и достал из кармана сигареты.

– Чудны дела твои, Господи, – вроде как закоренелый атеист, но все-таки знал пару расхожих фраз.

Прикурил.

Какая-то бумажка оказалась зажатой в пальцах. Он уже забыл, где ее взял и, развернув, при

тусклом свете одинокого фонаря увидел текст, который тут же вспомнил: «...твои яблоки упадут в небо».

– Разве яблоки падают в небо? Так не бывает. А бывает, что девушки на глазах раздваиваются и летают по воздуху?! Угу. Тоже не бывает. И что? На повестке дня извечный русский вопрос? – усмехнулся сам себе и огляделся по сторонам.

Замкнутый невысокими, что называется «сталинскими» домами двор, несколько лавочек, пешеходная арка, ведущая,

если он не ошибался, на Комсомольскую улицу. Окружающее пространство было уже виденным ранее...

Похоже, что он сидел во дворе её дома. Подозрения превратились в реальность, когда, подняв голову, он увидел ярко освещенное знакомое окно.

– Ангелам по чину полагается все знать или... Вряд ли это случайность, зачем она меня сюда привела, а? Она тоже Белый Кролик?

Настроение, как впрочем, и время, не подходило для «дружеских» визитов.

Мокрый асфальт ночь капли дождя смывают Срочные дела прочь напоминая о тебе Сколько я не пробывал мечты на вкус они Такие я еще не открывал замки

*Каждый вечер я иду к тебе
И зажигаю свечи на твоём окне*

Не поднимусь к ней не постучусь в её дверь Не обнимусь с ней двери не узнают теперь Сколько дней назад она ушла из жизни

Тая на руках моих ругая этот мир остался я

*Каждый вечер я иду к тебе
И зажигаю свечи на твоём окне Каждый вечер гонит дождь меня*

Но снова тают свечи с ними таю я... ⁹

АДАЖИО¹⁰

«Мы убегаем во всех направлениях Режем на точки маршрут...»

...шел дождь. Он шел уже давно. По улице текли бурные потоки, смывая желтые листья, мусор, сливались вместе и бежали вниз, к набережной. Шум дождя заглушал все звуки. Не было слышно машин, шагов пешеходов, не было слышно дыхания большого города. Все поглотил дождь.

Она шла по мокрому тротуару, перешагивая через лужи, обходя или перепрыгивая особо бурные потоки. Дождь окружал ее со всех сторон, отрезая от всего мира, ото всех. Она шла домой. Уставшая и немного грустная.

Она любила дождь. Он ей нравился, под ним хорошо думалось, неспешно, без суеты. Он был вместе с ней – озябшей, промокшей маленькой женщиной, привычно идущей знакомой дорогой. Она никуда не торопилась. Присущая ей энергичность и жизнерадостность немного отступила, оставив место старым мыслям, которые она старалась не впускать в себя, но которые иногда все же возвращались и наполняли ее снова. Монотонный шум падающих струй только способствовал этому и вызывал из памяти, казалось совсем забытые образы, лица, события, давно ушедшие дни, кото-

рые, как ни хотела она в этом даже себе признаваться, были наверно, самыми счастливыми в ее жизни. Она не хотела думать об этом, это каждый раз причиняло ей боль. Она отгоняла их, забивая голову каждодневными проблемами и делами, избегая всевозможных ассоциаций и напоминаний, которые могли вызвать совершенно безобидные предметы или явления. Но в то же время эти воспоминания были пожалуй единственными светлыми мыслями, которые держали ее на плаву и приносили какое то облегчение ее душе.

Он сидел в машине напротив ее дома. Открытые окна выпускали в салон свежий влажный воздух и наполняли его шумом дождя. Курил, неспешно затягиваясь и выпуская дым в лобовое стекло. Дым отражался и возвращался обратно, образуя зависающие в воздухе переплетенья. На пассажирском сиденье лежал букет красных роз. Они были мокрые от дождя, их покрывали крупные капли воды, которые постепенно скатывались вниз, но на их место через открытое окно падали новые. Роз было много, целая охапка. Длинные метровые стебли, шипы, немного листьев. Она

⁹ Песня группы «Кукрыниксы»

¹⁰ Adagio – отдельная пьеса в медленном темпе любила именно такие. Их аромат, ставший еще более явным под действием влаги, наполнял салон, смешиваясь с запахом дождя и табака.

Он ждал ее. Он ждал ее уже давно. Каждый день он при-

езжал на это место примерно в одно и тоже время, каждый раз с новым букетом, долго сидел, ожидая, когда она появится, курил, и думал. Думал о том, о чем сейчас думала и она. О тех же днях, о тех же событиях, пытаюсь вспомнить каждую мелочь, и каждый раз заново переживал все то, что у них было. Это были грустные мысли, перемешанные с тоской по прошлому, по тому, что уже давно ушло и не может вернуться. Они будоражили давно, казалось бы, ушедшую глубоко боль и вызывали в памяти образы не обретенного счастья.

Он знал, что уже ничего нельзя изменить. Он знал это, но все равно, вопреки здравому смыслу продолжал ждать. Он просто хотел ее увидеть, хотел посмотреть на нее, пристально, по своей привычке заглянуть ей в глаза и даже может ничего не говорить.

Сигарета гасла, он поджигал следующую и продолжал молча ждать. В магнитофоне стоял любимый диск, и играла композиция, которая отражала его внутреннее состояние и как нельзя более подходила и к этому нелепому ожиданию и к дождю, который сегодня был аккомпаниатором музыки. Эта мелодия начиналась с шума дождя и им же заканчивалась. Написанная с огромным надрывом и болью, исполненная рвущим душу голосом и наполненная тоской и горечью эта песня была о них двоих, ее слова как будто слово в слово повторяли их жизнь. Музыка звучала по кругу, заканчивалась и начиналась снова.

Она повернула за угол. До арки ее дома оставалось буквально несколько шагов. Подняла голову от асфальта и...

Сначала она не поняла, что мелькнуло перед глазами на ярком пятне рекламного щита, сделала еще пару шагов, но потом остановилась и замерла, приклеившись взглядом к изображению.

На нее смотрела она... Она, в белом платье, сидящая в пещере.

Огромный плакат, подсвеченный изнутри, ярко светился в сумерках, по стеклу стекали капли воды, и это придавало картине какую-то нереальность.

Она забыла о дожде, и осталась стоять посреди огромной лужи, не обращая внимания на обгонявших ее прохожих и ничего больше не видя.

Блуждающие в ней мысли разом вспыхнули и ожили. В голове появилась музыка, та же самая музыка. Эта композиция с подаренного им альбома, была, пожалуй, ее самой любимой, и она слушала ее, иногда, когда подкатывала тоска, и хотелось просто отдаться ей, закрыть глаза и ощутить образы, рождающиеся под воздействием этой невыносимо грустной песни.

Он ждал именно этого момента. Как только она появилась, он бросил сигарету и не сводил с нее глаз. Он смотрел на нее, застывшую на месте и не отрывающую взгляда от самой себя. Время остановилось, ничего больше не было. Он. Она. Между ними дождь и звучащая на огромной

громкости музыка. Он, не глядя, протянул руку, взял букет и, хлопнув дверцей, вышел из машины.

Резкий звук вывел ее из оцепенения. Она повернула голову и увидела его, стоявшего на другой стороне улицы с цветами в руке. Хотя было не очень близко, вдобавок дождь и сумерки приглушали всё, но то, что это он, она поняла сразу. Как всегда весь в черном, почти сливающийся с темнотой.

Она замерла. Первая мысль – бежать, бежать от него, от всего этого, от прошлого, которое как ей казалось, пропало навсегда и вдруг появилось так внезапно и так близко. Но она не могла пошевелиться и осталась стоять, не сводя с него испуганного взгляда.

Он тоже стоял, боясь двинуться с места. Капли стекали по лицу. Мимо проносились машины, обдавая его брызгами, но он ничего не замечал, видя только ее и не осмеливаясь сделать хоть шаг.

Музыка достигла своего апогея, пронзая пространство рвущими словами:

*Смело сползаем в огромную Залитую до краев красоту
И по колено, в песке увязая Теряем свою высоту Брызги свер-
кающей*

*Крови на пальцах Экватор небесный на дне Я задыхаюсь
И может быть хватит*

Уже сожалеть обо мне...

Он сделал первый шаг, и дальше уже не останавливаясь, пошел к ней. Он просто шел к ней, не думая о том, что сказать, что она скажет, и что вообще может быть. Он шел, преодолевая несколько метров реального пространства и одновременно огромную пропасть, разделившую их.

Перемахнул невысокое ограждение и оказался перед ней, уже весь мокрый, с грустной улыбкой и печальными глазами. Молча замер, не решаясь сказать ни слова, держа розы в опущенной руке. Он смотрел в ее глаза, пытаясь, там хоть чтонибудь прочитав, и молчал. Потом, протянул ей цветы и тихо сказал:

– Здравствуй, Ларис...

Она не могла сдвинуться с места, пока он шел к ней. Весь ее разум, вся ее сущность кричали:

«Беги!!! Беги от него!!! Зачем все снова, не надо этого!!!!». Но она осталась стоять, и когда он уже оказался рядом, когда она увидела его глаза, услышала его голос и помимо своей воли протянула руку и взяла этот огромный букет, она сказала:

– Здравствуй...

Они стояли, молча стояли и смотрели друг на друга, не решаясь, каждый сделать движение и сказать еще хоть слово. Шум дождя поглотил все звуки и окружил их со всех сторон...

Где-то моя любовь В жарких Сахарах Где-то моя любовь

*Цедит зеленый чай Не отвечай на боль Времени мало
Не отвечай на боль Шепчет, не отвечай...*¹¹

СУБИТО¹²

*«Домой слишком рано и пусто. С тобой слишком поздно
и грустно...»*

«Поливать меня водой стало уже доброй традицией», – грустно подумал он, открывая глаза и пытаясь понять, где находится.

Дождь шел стеной, и он был уже весь мокрый. Зябко пожившись, бросил окурок и, взобравшись в машину, включил печку.

Увиденная сцена еще будоражила уставший мозг, и было не ясно, то ли это приснилось, то ли было на самом деле. Но дождь был самый настоящий, в этом не стоило сомневаться.

«То ли девушка, а то ли виденье», – устало усмехнулся, смахивая с лица капли воды.

Уставившись в лобовое стекло, по которому причудливыми зигзагами растекался дождь, он впал в прострацию. Несколько минут полной отключки и постепенно, постепенно к нему стала возвращаться трезвость мыслей и хоть какое-то осознание происходящего.

«Странные сны продолжаются... Или это не сны? А что

это тогда? Реальность? Ага. Реальность – это то, что ты осознаешь... Так кажется было сказано. Что я сейчас могу осознать? Что вообще происходит? Почему я вижу её во сне, почему в таких разных обстоятельствах? К чему все это? Зачем...», – тоска шевельнулась в глубине души, где-то очень глубоко.

Вздохнул.

«С Алисой я так и не пообщался, да собственно и к чему мне эта Алиса? Хотя нет, зачем-то же она привела меня на это шоу. Она, она, с нее все началось, утром...», – еле заметно дернул губой. – «И где мне теперь ее искать? Поговорить с ней все-таки надо. Хотя... Для чего мне какая-то Алиса, когда Лора здесь, буквально в двух шагах...», – закусил губу, нарочито ухмыляясь, чтобы задавить вновь подающую признаки жизни тоску в зародыше, пока она, не разрослась, как раковая опухоль. —

¹¹ Автор песни Мара Кана

¹² Subito – внезапно, резко

«Прекрасно ведь знаю, что сейчас к ней не пойду. Да и не сейчас тоже. Это, увы, невозможно... Зато некий Ангел появился. Появилась. Ангел-хранительница», – нехотя улыбнулся, – «никогда не знаешь, кого найдешь и где потеряешь».

Из омута запутанных мыслей вывел телефонный звонок. Он, не глядя на экран, поднес трубку

к уху.

– Олег, ты, когда будешь? – голос Ольги звучал как с того света.

– О-ля, а, сколько сейчас времени? – мрачно поинтересовался он в ответ. Пауза длилась больше, чем следовало по правилам приличия.

– Полпервого. Вы к обеду будете? – тон любимого секретаря стал более официальным, видимо к ней кто-то подошел.

– Нет, Лёлочка, раньше ужина и не жди, – попытался пошутить он, по всей видимости, не удачно.

– У тебя все хорошо? – уже шепотом спросила девушка.

– Как тебе сказать... Хорошо или не очень хорошо... А может хорошо, да не все. Или все не хорошо. Вообще перманентно. Да, Олька, не поверишь, знаешь, где я? – шутить так, шутить. – Я сейчас в ..., – назвал он свой любимый город.

– Где???!

Представив выражение ее лица, он чуть улыбнулся и добавил:

– Барбамбия. Киргуду.

Ольга замолчала, а потом выдавила из себя:

– Тебе звонили от какого-то Панаева...

– Что...? – на лице отобразился верх удивления от такой беззастенчивой наглости. – Панаева?

Оль, знаешь, что... скажи им всем свою любимую фразу, откуда и куда уходят без панамки!

Голос в трубке засмеялся, сказал: «Хорошо», и отключился.

«Панаева тут только не хватает для счастья», – фыркнул, трогаясь с места. – «И ресторана. „У Грибоедова“. Порционные судачки, „а натюрель“. Виртуозная штука».

Дворники не справлялись с потоками воды, и дальше бампера он ничего не видел. Двигаясь без цели под дождем и... Непонятный текст, вряд ли слышанный ранее, не похожий на песню, но имеющий некий внутренний ритм, сразу, целым куском, возник в голове:

«Двигаясь без цели под дождём и солнцем, я очутился на перекрёстке малознакомой части города, где и увидел это. Не знаю почему, но я как-то уже знал, что будет дальше. Впереди был целый день, и было понимание того, что этот день один из многих в последовательности, называемой жизнью. Было ощущение случайности реального и его малозначительности. Будто бы я был уже однажды кем-то, кого стоило бы вспомнить. Мне стоило бы позвонить ей, хотя я понимал, что я так и не найду подходящих слов... Стоило бы позвонить ей...».

«Нет, не стоило», – покачал головой, – «ведь никому это не надо. Не так ли, Лариса Санна? Так», – на мгновение отвлекся от дороги, на мелькнувшее в правом окне белесое пятно. – «Или стоило...?».

Несколько незамеченных им красных лепестков, рассыпанных по пассажирскому сиденью, тихо соскользнули вниз, спеша спрятаться, чтобы не стать доказательствами того, что... Рано. Впереди еще целый день, вернее вечер и пока не настало утро...

Медленно скатившись под горку, он свернул на ярко освещенную площадку, проехал ее и остановился. Дождь мгновенно прекратился, и сразу же стало пронзительно душно.

Открывшаяся через опущенное стекло панорама в сопровождении оглушающих звуков мгновенно напомнила ему о событиях двухлетней давности.

Я разобью турникет И побегу по своим...

Обратный change на билет Я буду ждать, ты звони... ¹³

Аквапарк. Ночной вход. Ни больше, ни меньше. Вот вам и судачки, вернее...

Музыка рвалась из множества многоваттных колонок, разноцветные огни, беспорядочно вспыхивающие над площадкой, освещали разномастную толпу отдыхающих, которые ни в чем себе

¹³ Автор песни Земфира

не отказывая, танцевали практически topless, как мальчики, так и девочки. Взлетающие из пола фонтанчики встречались восторженным визгом, перекрывающим грохот «кисло-

ты». Водная дискотека. Новомодное развлечение.

Осторожно прочистив горло и сглотнув слюну, он оторвался от яркого зрелища и медленно повел взглядом вправо, туда, где стоял этот самый турникет.

– Красный бросаем, зеленый – проходим, – отчетливо слышимый сквозь беспредельную музыку знакомый голос и еще более знакомая маленькая фигурка, подпрыгивающая от радостного возбуждения и поросячьего восторга, заставили вздрогнуть. Он увидел... самого себя и... её, стоящими возле картоприемника, и весело, с шутками-прибаутками, пропускающими жаждущих оторваться на танцполе.

Она была в своих моднявых защитного цвета бриджах, великоватом ей серо-белом свитере, висящем до колен. На поясе рация, в ухе гарнитура с болтающимся на тонкой дужке микрофоном. Не прекращая ни на секунду движений, она пританцовывала на месте, задорно смеясь.

Он открыл рот, расширенными глазами глядя на эту пару. Потом правой рукой поставил на место, прилипшую было к рулю нижнюю челюсть, и тихо выполз из машины.

Странно, когда ты сходишь с ума У меня появляется чувство вины. Я тебя понимаю, ведь мне иногда Тоже снятся странные сны.

После перемещений в пространстве и времени можно было, конечно, ожидать чего угодно. Но все же, вот ТАКОЕ зре-

лице...

*Снится, что мне не дожить до весны
Снится, что вовсе весна умерла
Страх во мне оставляет следы
Я думал, что страх – это просто слова*

«Слова? Угу...».

*Зачем топтать мою любовь Её и так почти не стало
Я разбиваю руки в кровь
Я не сошел с ума. Так надо¹⁴*

«Так надо...?», – странным эхом отозвалось внутри.

Замерев на месте, он впал в кому. На неопределенное время.

– Молодой человек, не составите мне компанию? – с трудом вынырнув из грез и испуганно обернувшись на прелестный голос, он увидел позади себя чудное создание. Изображение кролика, фосфоресцировало в темноте и эта явная примета, несмотря на его «слегка» приторможенное состояние, позволила опознать незабвенную барышню. В третий раз падающая из рук едва прикуренная сигарета уже не выглядела так смешно, как в двух предыдущих случаях.

Чудное создание – она же Алиса, или не Алиса, блондинка или... впрочем, сейчас она была жгучей брюнеткой, хотя это такая мелочь – современный уровень развития косметики

ческо- парфюмерной промышленности вполне позволял менять цвет волос легко и непринужденно. Вообще она стояла возле него и вопросительно-насмешливо смотрела в глаза.

– До одиннадцати девушкам вход бесплатный, – как со стороны услышал он свой голос.

– Девушкам так поздно неприлично ходить одним на грязные танцы, – Алиса, если это была, конечно, она, хитро улыбнулась.

Он молча смотрел на нее, пытаясь понять, откуда здесь эта красавица. Впрочем, это не самый интересный вопрос. А вот как он сюда попал и что здесь вообще происходит... Игры разума? Химера

¹⁴ Песня группы «Смысловые галлюцинации» воспаленного воображения? Бред спятившего мозга? Галлюцинации? Причем не молчаливые. Отнюдь.

Пауза затягивалась, а ничего путного в голову так и не приходило. Тогда, чтобы не выглядеть совсем уж полным идиотом, он тряхнул ставшей очень тяжелой головой и негромко процедил вспомнившуюся к месту строчку из «Снайперов»:

– На уровне грязных танцев, альфонсов с пустыми штанами, на уровне фальши в постели, мы были знакомы едва ли...

– Я молча шнурую ботинки, а спички мне больше по нраву. Глотаю мороз и рябину и выдыхаю отраву..., – подхватила знакомая незнакомка и снова улыбнулась.

«Иш ты», – удивился, впрочем, не сильно, – «какие мы песни знаем. Это хорошо. А что дальше?».

Можно было продолжать стоять истуканом, причем имея на это массу смягчающих и оправдывающих обстоятельств. Можно было прикинуться «болванчиком», эдаким залетным статистом в этой непонятной пока инсценировке. Впрочем, на счет статиста он явно поскромничал. У него роль главного героя, судя по всему. Так что, погрузка апельсинов продолжается.

Привычно поёрничав над собой, он решил не подавать никакого виду, что ни черта не понимает и находится в полном ах..., гм, шоке. Поэтому.

«Поэтому будем вести себя, как ни в чем не бывало. Да подумаешь, путешествие в прошлое, эка невидаль. Удивили», – хмыкнул. – «Вот только не надо топтать мою любовь. Её и так...».

Сжал зубы, растянул губы в улыбке, немного склонил голову, и, в соответствии с выработанной на ближайшее будущее линией поведения, нагло вато усмехаясь, спросил:

– Нам давно уже пора познакомиться, с самого утра, Вы не находите? Девушка молча ждала продолжения предложения.

Тогда, не переставая напряженно прислушиваться к голосам за своей спиной, он кивнул головой в сторону массивной металлической конструкции, преграждающей вход, и добавил:

– Lets go, Miss.

«Что будет, если мы сейчас встретимся лицом к лицу?», – попытался представить ошеломительную и не факт что радостную перспективу. – «Посмотрим...».

– Досадно одно – не сумели, – губы красавицы изобразили беззвучный ответ, тут же спрятанный за улыбкой и, произнесенными уже вслух, словами:

– Нет, не туда. Нам надо в Старую Крепость.

Прозвучавшие слова «нам» и «надо» заставили его правую бровь подняться выше обычного положения на пару сантиметров.

«Однако... А что не сумели то? И чем это ей так досадно?».

Не меняя выражение лица, он продолжил словесную эквилибристику с красивой барышней.

Неплохое развлечение. Не хуже прочих.

– Может «У Наума»? Там кормят лучше. Жареный судак, рекомендую. Красивый антуражик, шустрые официанты. Музыка, – закатил глаза, изображая восторг.

– Ты не понял. Не в забегаловку с таким названием, а именно в крепость.

– В кре-пость, – протянул. – Ага. Нам. Надо. В крепость. А мы уже на ты? Без полагающегося брудершафта? – он начал тонко хамить. Не нравилось ему столь явное стремление девицы направить его в нужное ей, по всей видимости, место. Что можно делать в доисторической полуразвалившейся-

ся крепости в это время? Вопрос. И что ей все-таки надо от него? Откуда она тут взялась? Откуда нарисовалась? Надо бы вывести ее на чистую воду. Кто она такая?

– Может, для приличия, все-таки познакомимся? – он изобразил на лице глуповато-вопросительное выражение. – Меня Олег зовут, – добавил с интонацией и мимикой героя одного назойливого рекламного ролика, пропагандирующего халявную раздачу трехсот рублей.

– Анастасия, – она протянула ему тонкую руку и рассмеялась, – ты, что, боишься?

– Настень-ка, – нараспев сказал он в своей любимой манере, слегка наклонив голову и немного прищурившись, глядя ей в глаза, – на слабо ты своих сверстников бери, хорошо? Я в их годы на это велся легко.

– А сейчас, что, так постарел, что не хочешь поехать с красивой девушкой в столь романтическое место? – ее голос с очень тонким и мягким акцентом звучал немного насмешливо.

– Надеюсь, ты не сильно ушиблась утром? – пытаюсь встречным вопросом сбить ее с толку, спросил он, не уточняя, однако, утро какого дня, имеется в виду.

– Я??? Утром??? Ты меня с кем-то путаешь, дорогой, я нигде не ушибалась.

– Хм, дорогой... Ну, наверное. У тебя случайно нет сестры-близняшки? Девушка весело рассмеялась:

– Нет, я одна такая, – сделала глазки, слегка махнула го-

ловой, продемонстрировав великолепные волосы и тихим, завораживающим голосом добавила. – Таких больше нет, не было и не надо...

«Где-то я уже слышал эту фразу, и даже знаю от кого», – усмехнувшись, подумал он про себя.

– Так мы едем или ты не хочешь?

Он изобразил одну из имеющихся у него в запасе многочисленных улыбок на все случаи жизни, должную означать легкую усмешку над молодой и наивной девушкой и сказал:

– Что ты, Солнце, я мечтал об этом с детского сада, – открыл правую дверцу, сделав приглашающий жест рукой.

Девушка села в машину. Он мягко закрыл за ней дверь, и, сказав:

– Я Вас оставлю на минутку, сеньорита, – подошел ближе к входу, встав в тень.

«Назад в будущее» – кажется, в этом фильме герои встречались сами с собой в прошлом, или в будущем, и ничем хорошим это не заканчивалось.

Очень ему хорошо знакомая парочка курила перед входом, о чем-то переговариваясь и смеясь. Было видно, что они довольны жизнью, ну, по крайней мере, на этом отрезке времени. Что им весело и здорово вместе. Докурив, мужчина обнял девушку, и стал что-то негромко рассказывать. Та, радостно улыбаясь, смотрела на него с такой любовью в глазах...

«Боже... С какой целью мне решили это показать, ведь

именно так все и было. Я хорошо помню, два года всего прошло... Зачем...?», – от ощущения чужого, а впрочем, какого же чужого, своего, только уже прошедшего счастья, стало так больно...

*Зачем топтать мою любовь Её и так почти не стало
Я разбиваю руки в кровь
Я не сошел с ума. Так надо...*

«Кому надо? Для чего?... Дурак – дурак, держал все в руках и сам же все прощелкал», – резко отвернулся и пошел к машине. Смотреть и дальше на это было невыносимо.

– И все-таки, что ты мне хочешь показать в этой крепости, – отстраненно-вежливо спросил он у своей спутницы, пока они проезжали через маленький городок, не имеющий даже ни одного светофора.

– Это же так романтично... Ночь, скалы, старые разрушенные башни, обрыв в море, таинственная луна..., – Анастасия деланно восхищенно подняла брови. В глазах ее бегали бесенята.

– Только боюсь, время экскурсий уже прошло, или ты собираешься на своих шпильках лезть на стену?

– Я знаю место, где есть проход. Мы легко проберемся, даже я, – ее голос стал серьезнее. Он хмыкнул и оставшуюся дорогу молчал.

Увиденная в аквапарке картина вывела его из душевного равновесия, если оно, конечно, еще было, после столь неор-

динарных происшествий и странных видений сегодняшнего дня. Действительно, поздно думать о каком-то равновесии, когда ты видишь самого себя в прошлом! Да еще и... и с кем то еще. С тем, кого потерял. С тем, кто молча исчез из твоей жизни, поставив жирную точку, завалив все, что было камнями.

Будучи в глубоко шоковом состоянии, он делал вид, будто все «так надо», что все под контролем, а в голове плавали клочки вспыхнувших эмоций, пытающиеся сложиться в связные слова. Наброски будущей поэмы, не меньше.

Позабывтые чувства твои

Этот город, раскинувший крылья На горах, где мы были одни

Наше синее море бессильно...

*Пролетая над падшей зарей Мы разбились, не зная дороги
Не заметили вечный покой*

Вот и все, пусть завидуют Боги...

*Холод бесится где-то внутри Вырывая пласты расстояний
Незаметно исчезнут черты Ложь пустых подаяний...*

«Пара фраз не спасет никого, ты спокойна, я просто бессилен. Я молчу, я хочу одного. Помню все, хоть меня не просили», – с ходу продолжил он, пока вдохновение, вызванное

«свиданием» с прошлым, не оставило его.

*Незаметные брызги летят Крови, мыслей. Ожог обеща-
ний Задыхаясь, пытаюсь понять*

Где Ты есть, а где ворох прощаний... ¹⁵

От рифмоплетства его оторвало стоящее внимания зрелище.

Старая гемуэзская крепость, увенчивающая высокую гору, выглядела достаточно впечатляюще. Ее подсвеченный полной Луною на фоне черного неба силуэт с зубчатыми стенами и башнями, напомнил ему картинку из старого издания одного любимого романа о принцах и принцессах, развлекающихся с необычными картами и вдохновенно борющимися все против всех за власть в вечном янтарном городе. Недоставало только лестницы, возникающей под лунным светом и ведущей в город-призрак, являющийся небесным отражением настоящего.

«Сегодня еще и полнолуние», – подумал мрачно, – «хорошо хоть не пятница».

– Извиняюсь за глупый вопрос, – обратился он к девушке, – сегодня какой день недели?

– Вау, Олег, что с тобой? Сегодня же пятница, тринадцатое. Вот туда заверни, – ткнула она своим изящным пальчиком в темный проезд рядом со стеной.

«Ведьма!», – волосы на голове попытались встать дыбом,

но поскольку для данной процедуры были весьма короткими, ограничились легким взъерошиванием.

Выбравшись из машины, и, зачем-то, перепрыгнув через капот, он открыл дверцу перед дамой, конечно же, подав ей руку. Свои хорошие манеры он относил к старорежимным пережиткам, в современной жизни совершенно не модным.

Закурил в очередной раз, справедливо полагая, что поскольку девушка уже с ним, поводов ронять недокуренную сигарету не будет, и глубоко затянулся.

– Ну что, госпожа Сусанина, ведите.

Девушка усмехнувшись, передернула плечами и молча двинулась вперед, осторожно ступая по камням на своих каблуках.

«Жизнь не экзотика. Москвичка под зонтиком. Барокко и готика. Мадонна на каблучках», – хмыкнул он и пошел следом.

Шагая за ней и наслаждаясь видом грациозно движущейся красивой фигуры, он меланхолично думал, куда ж его черт несет. В очередной раз.

Похоже, он был не далеко от истины, которая как всегда была где-то рядом. В темноте.

Ожиданья ж тают в темноте?

Черт или красивая ведьмочка остановилась, и, показав рукой в едва видимый пролом в стене, сказала:

– Нам туда.

Оценив крутизну склона, он попробовал отшутиться,

изобразив туповатого гусара:

– Только после Вас, сударыня.

В комплекте с соболезующим взглядом несказанно красивой брюнетки, он получил и ценное указание привыкшей распоряжаться мужчинами женщины:

– Олег. Ты идешь первым, потом поможешь мне.

Тихо вздохнув от предвкушения романтики, которой уже было пора и нахлынуть, он взобрался в пролом стены и протянул руку девушке. Ее ладошка была мягкой и теплой.

¹⁵ Стихи автора

«Конец был мягким и теплым, но где же пистолет?!», – концовка анекдота про Штирлица сейчас показалась ему очень смешной.

Анастасия, очутившись рядом, мгновенно отстранилась, создавая дистанцию, и кивком головы указала на башню, стоявшую на самом обрыве над морем:

– Туда.

– Может все-таки, объяснишь, что мы там хотим увидеть? – с достаточной долей недоверия в отношении своей проводницы и изрядной порцией скептицизма в отношении предстоящих ощущений от покорения новой вершины поинтересовался он. – Неужели смотреть, обнявшись, как влюбленная парочка, на море и лунную дорожку?

– Терпение, минутку терпения, – ласково пропела девушка, – ты сам все увидишь и, будешь, не разочарован.

– Ну-ну, очень надеюсь, – он криво ухмыльнулся.

Они пересекли поле и, изрядно запыхавшись, поднялись по довольно крутым ступенькам.

Представшая узкая дорожка с одной стороны была ограничена невысоким парапетом, за которым гора резко обрывалась к морю, неслышно сопевшему далеко внизу. С другой стороны проход был ограничен небольшим провалом, глубина которого вряд ли превышала несколько метров, но приятных впечатлений при попадании в него не сулила.

Аккуратно, чтобы не давать повод ни... ни к чему вообще, придерживая девушку за руку, он осторожно прошагал вместе с ней по каменной мостовой к дверям башни.

– Ну, и где табличка «Посторонним В.»? – ехидно улыбнулся, – сколько раз стучать?

– У тебя ключ есть, не забыл? – «мило» отозвалась спутница.

«Как все верно рассчитано ведь. И ключ заранее подсунули, как будто мое попадание к этой двери было predetermined. А если б я не поехал в клуб? А если б не полез на бочки? А если...».

Замок давно не смазывали. Он натужно скрипел, как телега у плохого хозяина. В абсолютной тишине, окружающей их, не считая уханья филинов, звук был оглушительным.

После третьего оборота ключа дверь чуть слышно скрипнула и приоткрылась.

Он обернулся к Анастасии, чтобы по выражению ее лица

уловить характер предстоящего, по всей видимости, развлечения. Но девушки рядом с ним уже не было...

«Очередной призрак... И где они научились так исчезать?», – успел подумать, уже перенеся ногу через порог, но еще не опустив ее на мрамор пола...

ПИАЧЕРЕ¹⁶

«Напои меня зелием своим. И печаль растает словно дым...»

...Живой огонь, пожирающий дерево, привлекал и зачаровывал людей с того момента, как они научились его разжигать в своих пещерах. Языки пламени облизывали поленья и бросали отблески на стены. Смотреть, не отрываясь на огонь – один из немногих атавизмов, оставшихся у человека с каменного века. Дрова трещали, и дым с легким шелестом уходил в трубу камина.

Умиротворение. Покой. Тишина.

– Не желаете партию в шахматы? – звук незнакомого голоса выплыл из-за плеча.

Слегка вздрогнув от внезапного нарушения идиллической картины и с трудом оторвав глаза от огня, он повернул голову влево.

Обладатель голоса походил на персонаж одного фильма, в блистательном исполнении Аль Пачино, а еще больше он

напоминал очень известного героя романа отечественного классика демонической литературы.

Напротив него в глубоком кресле, с сигарой в руке, сидел довольно импозантный мужчина лет пятидесяти – пятидесяти пяти, одетый в черный атласный халат, поверх черного же костюма и вопросительно подняв брови, ждал ответа на тривиальный вопрос.

Он беззвучно кашлянул и осторожно обвел глазами помещение, где неведомым образом очутился.

¹⁶ *Piacere* – по усмотрению исполнителя

«Ну почему ж неведомым? Сам пришел, вернее привели. Привела. Барышня-красавица.

Анастасия», – зло сжал губы.

Огромная комната, в которой он находился наедине со странным господином, напоминала зал в рыцарских замках, по крайней мере, именно так изображали данные помещения в фильмах. Свет очага не добирался до углов и до свода, и они тонули во мраке. На стенах, сколько хватало глаз, было аккуратно и заботливо развешено самое разнообразное холодное оружие – многочисленные шпаги, рапиры, палаши, сабли. Виднелись даже казацкие шашки. Русские бердыши, янычарские ятаганы, копья, тяжелые двуручные мечи, испанские кинжалы и наваррские стилеты, японские катаны. Похоже, здесь было собрано оружие всех эпох и всех народов. Но в остальном обстановка была довольно аскетич-

ной.

Меж ним и его vis-a-via стоял низкий стол, покрытый черной парчовой скатертью, на котором едва умещалась шахматная доска с очень красивыми резными фигурами. Под ногами лежал ковер из шкуры леопарда. Пожалуй, это и все, не считая двух кресел, в которых собственно они и сидели. Да, был еще один небольшой столик, уставленный всевозможными пузатыми бутылками, опутанными паутиной и внушающими благоговение своей бросающейся в глаза стариной. Бутылки перемежались тяжеловесными, хрустальными, на высоких ножках, бокалами различной степени чистоты, словно здесь побывала веселая компания а-ля Шляпа с Зайцем, достаточно долго перемещавшаяся по кругу, пачкая посуду и привычно игнорируя обязанности по ее мытью.

«Замечательно... Из одного романа мы переместились в другой», – шевельнулась мысль, напоминая, что он еще жив. – «Скорее не так. Из одного сна я попал в другой», – он догадался, к кому его привела незабвенная близняшка утренней знакомой. И это был не карточный король. – «Ай да Белый Кролик, ай да сукин сын!».

Дело было вечером, гм, делать было нечего... Оставалось только достойно встретить новый поворот сюжета в этом грустном и не смешном «кино». Что он и попытался сделать, выдавив из себя, как можно точнее, цитату:

– Я думаю, что за эту шахматную партию, многие журналы отдали бы свой годовой гонорар... Его собеседник громко

рассмеялся, демонстрируя свои великолепные зубы:

– Bravo! У Вас хорошая память. И оригинальное чувство юмора, – едва заметная усмешка. – Что ж, я рад этому. Раз Вы не против, то, пожалуй, начнем. Или Вы желаете прежде немного подкрепиться?

Высоко поднятая бровь над левым, слегка прищуренным зеленым глазом, в то время как правый, бездонно черный оставался абсолютно холодным, показывала на столик:

– Не стесняйтесь. Там есть напитки, которые Вы при всех, допустимых человеческих возможностях, пробовать никак не могли. Если желаете – сигару, настоящая гавана.

Японцы были не дураки. Последовав их принципу – не терять лицо в любых обстоятельствах, а впрочем, что еще ему оставалось, при таком раскладе, он как можно более невозмутимо взял одну из плетеных бутылок и наполнил с трудом выуженный из тесноты себе подобных наиболее чистый бокал.

Вино на самом деле превосходило все, что ему приходилось пробовать до этого. С удовольствием, выпив его до дна, он еще минуту наслаждался сладко-горьким и одновременно терпким послевкусием источника истины (*in vinous verities!*), сделанного, судя по всему, в начале нашей эры, после чего перешел к следующему успокаивающему средству.

Аккуратно вынув из хьюмидора сигару, он слегка размял ее пальцами, вдыхая аромат отменного табачного листа, затем обрезал кончик найденной на столе же серебряной ги-

льотинкой, и, чиркнув огромной каминной спичкой, раскурил.

Погрузившись в клубы дыма, успокоился, собрался, вернулся в себя и был готов выходить к барьеру.

«Сгонять партейку говорите...?».

Был черед его реплики. Недолго думая, быстренько выудил из памяти и озвучил следующую классическую фразу:

– Давненько я не брал в руки шашек, – Чичиков не Чичиков, но где-то рядом. Авансом извинившись, таким образом, за могущие быть не совсем адекватными ходы, он, уже более серьезным тоном, спросил:

– Каковы условия Игры?

Собеседник, внимательно наблюдавший за ним все это время, перевел взгляд на доску.

Красота рядов двух игрушечных армий еще не была нарушена антагонизмом борьбы. Фигуры выжидательно стояли на отведенных им правилами позициях, готовые ринуться навстречу судьбе. Последние секунды спокойствия и тишины перед схваткой. Мирное лето четырнадцатого года...

– Вы, наверное, знаете, что шахматы очень напоминают человеческую жизнь. Эти шестьдесят четыре клетки черных ночей и белых дней, о которых говорил поэт... А может быть, наоборот: белых ночей и черных дней. Все зависит от того, с какой стороны от игрока поместить изображение... Или зеркало, если использовать символику. Белые и черные фигурки перемещаются по этим клеткам, подчиняясь жестким

правилам, не смея отступить от них, при этом каждая из сторон стремится к одной цели – нанести поражение противнику. В этом и прелесть – нельзя перешагнуть через рамки, надо довольствоваться ограниченным набором движений. Но в то же время в руках игрока – бесконечное число вариантов, и как закончится партия, никто не знает. Это целая философия, – собеседник с наслаждением выпустил густую струю дыма.

«Ага, марксистско-ленинская, благополучно забытая еще курсе на втором», – усмехнулся он и вслух сказал:

– Интересная мысль, Мессир. Такое поэтичное сравнение мне в голову даже не приходило, – ирония была его второй натурой.

Тот, кого он назвал Мессиром, улыбнулся одними губами, но его странные глаза смотрели пристально:

– Я позволю себе цитату. Ведь Вы их так любите. «Все сущее – это шахматная доска, составленная из клеток дней и ночей, на которой Судьба играет людьми, как фигурами». Подумайте над этим. А теперь перейдем к делу. Я думаю, Вы понимаете, что оказались здесь, не случайно, хотя, будучи достаточно умным человеком, должны знать, что ничего случайного в этом мире нет. Просто не всем под силу связать следствие с причиной, построить простейшую логическую цепочку. Люди ленивы, ленивы и тщеславны. – Собеседник замолчал, как будто ожидая его ответа.

– Оказался я здесь явно не случайно, надо полагать, –

он старался говорить ровно, хотя и выслушанная преамбула и вся обстановка, несмотря на принятые успокоительные меры, этому никак не способствовали, мягко выражаясь. – Поскольку мне у Вас просить нечего, следовательно, Вы собираетесь предложить мне некую сделку, если исходить из шаблонных представлений, которые многократно описаны в литературе.

Подняв брови домиком, он вопросительно посмотрел на собеседника, одновременно припоминая, некстати, один из рассказов Набокова, прочитанный лет... семнадцать назад, как раз на подобную тему.

– Bravo, молодой человек, bravo, так уж Вам нечего просить? – хитро улыбнулся собеседник, кутаясь в клубах дыма, – Вы никого **ОЧЕНЬ** знакомого, вернее сказать **ЗНАКОМУЮ**, сегодня не встречали...?

– ... Встречал..., – он дернул уголком рта. – Честно говоря... зрелище было впечатляющее...

– И Вы, зная, что будет дальше, впрочем, – засмеялся незнакомец, – что человек может знать о том, что будет дальше. Но, все же, зная хотя бы ближайшую свою историю, не хотите внести некоторые изменения в нее, чтоб сейчас Вас не мучила иногда... смертная тоска от безысходности и беспомощности?

«Тоска без начала, тоска без конца...».

Нарочито медленно пыхнув сигарой и не глядя стряхнув пепел в подвернувшийся бокал, он сделал большой глоток

божественного, хотя скорее дьявольского напитка, и собравшись с мыслями, спросил:

– Так это и есть Ваше предложение?

– Нет, это было бы слишком просто и не интересно. Предложение не в этом. Итак. Мы играем партию в шахматы. Но! Каждый ход в этой партии будет означать для Вас очень многое. У игрока есть множество вариантов, какой фигурой пойти и как пойти. Из каждого варианта вытекает следующее множество вариантов и так до бесконечности. Поскольку я играю лучше Вас, а некоторое чувство справедливости иногда свойственно и мне, – собеседник усмехнулся, – я уравнию наши шансы. У Вас есть Ангел, Вы его видели. Он, или вернее Она, будет Вам помогать. Но, – собеседник прищурил черный глаз, – Вам будут и мешать, так что, – развел руками, – думайте, прежде чем пойти. Думать Вы умеете. Выигрываете партию – получите то, о чем мечтаете.

– Так просто? А... если проиграю...?

– Плохим мыслям свойственно материализовываться, причем намного чаще, чем хорошим. Не МНЕ Вам это рассказывать.

– И все же, раз уж Вы упомянули справедливость.

– Об этом Вы узнаете в конце Игры. Так будет интереснее и, кстати, будет Вас больше стимулировать.

«Да... То самое предложение, от которого невозможно отказаться. Сыграть партию в шахматы. Учитывая еще то, что я в них сто лет не играл. Впрочем, что мне собственно те-

рять, кроме того, что уже потерял. Точнее кого потерял...», – сделал глубокий вдох и через секунду принял решение. – «Любить, так любить. Стрелять, так стрелять. Играть – так уж играть!».

– Я согласен, Мессир.

– Отлично, пора начинать, а то мы заболтались. Ваш ход.

Осторожно откинувшись на спинку кресла, он лихорадочно прокрутил в голове варианты дебютов, пытаясь припомнить хотя бы десяток первых ходов, но системный анализ был сейчас ему не под силу.

«А не разыграть ли нам гамбит? Наподобие турецкого. Гм. Какое же там начало?», – смотря с умным видом на доску, он пытался изобразить кипучую мыслительную деятельность.

Все когда-то известные ему шахматные премудрости были давно и прочно погребены под ворохом более нужных знаний, мыслей, приложений.

«Наша вера вернее расчета, нас вывозит Авошь», – либретто знаменитой рок-оперы подсказало самый распространенный русский способ решения сложных проблем. – «И что тут думать, прыгать надо. По крайней мере, хоть какое-то начало я помню, а там – прорвемся», – подумал он, и сделал первый шаг в этой странной и пока абсолютно не ясно во что могущей вылиться партии, бросив одну из центральных пешек в прорыв.

– Ферзевый гамбит? Интересное начало. Гм, пожалуй... –

и его противник ответил зеркальным ходом.

– Отлично, – улыбнулся он, – тогда так. – И поставил рядом с первой вторую пешку.

– А я поддержу, – собеседник прикрыл свою фигуру другой, королевской.

– Хода нет – ходи конем, – белый всадник скакнул вперед, угрожая черным.

– Что Вы так набросились? – собеседник в свою очередь подкрепил позицию конем.

– Офицеры, офицеры, ваше сердце под прицелом, – промурлыкал потихоньку он и сделал бросок слоном, угрожая черному коню.

– Рано еще меняться, – второй черный конь поддержал своего собрата.

«Кто рано встает – тому Бог дает», – усмехнулся он, припомнив продолжение поговорки, —

«главное, ввязаться в бой, а там видно будет. Принцип Наполеона».

– Слишком рано и пусто? – спросил с невинным видом, – а мне кажется, уже надо. Бю Вас. Собеседник улыбнулся кончиком рта:

– Ну что ж, мой следующий ход будет такой...

КАДАНС¹⁷

«Но в небе туманном зажглась молодая звезда...»

Сырой морской воздух ворвался в открытый рот, насытил разом взбодрившиеся от холодного потока легкие, с громким шелестом пронесся обратно через нос, прочистив на ходу мозги и приведя его в чувства. Возможно, что лучше бы он этого не делал.

Он стоял на крошечном карнизе, прижимаясь спиной к неровной поверхности скалы. Только что очнувшийся и еще не осознавший всю прелесть своего местоположения, он первым делом осторожно покосился глазами вниз, почему-то, полагая, что твердая почва под ногами – это главное и необходимое условие не смертельного положения. Простительное заблуждение.

Разочарование, отразившееся в побелевших от радости губах, стало первой, вновь испытанной эмоцией.

Далеко внизу бесстрастные волны яростно набрасывались на берег, захлестывая его тяжелыми валами воды, и нехотя отступали, готовясь к следующему броску. Шум моря походил на

¹⁷ Cadans – завершающая последовательность дыхание огромного существа, лениво перебирающего своими бесчисленными щупальцами и пробующего на вкус эту непокорную пока землю.

«Я умираю, когда вижу то, что вижу. И некому спеть. Я так боюсь не успеть, хотя бы что-то успеть...».

– И я застыну. Выстрелю в спину. Выберу мину. И добрый вечер. Я не нарочно, просто... просто попал я...

Глядя на бесподобно-красивую, адски грохочущую и мило шелестящую стихию, он вдруг понял, что именно может служить иллюстрацией к разгаданному математическому знаку. Море. Оно бесконечно. Не в смысле пространственных размеров, а в смысле времени. Оно существовало за миллионы лет до человечества, и еще будет существовать миллионы лет после него, если вдруг это самое возомнившее о себе человечество, доведет само себя до исчезновения.

– Здравствуй Небо. Здравствуй Море. Облака..., – беззвучно прошептал он, всецело проникаясь высотой своего положения в пространстве.

Присутствие на сцене неба и облаков подтвердилось через мгновение, когда медленно поднятые глаза описали полукруг.

Небо походило на мрачный фон к неудавшейся картине начинающего художника. Оно было

«написано» неуклюжими мазками, незаконченными, брошенными на полпути. Но в то же время, оно являлось цельным сочетанием различных оттенков черного цвета, если такковые конечно существуют в природе: черного, как тьма; черного, как мрак; черного, как страх; черного, как тоска; черного как зависть; черного, как ненависть...

Облака, хотя скорее тучи, зависали где-то на уровне головы, покрывая пространство над морем и медленно раздува-

ьясь и сжимаясь, подобно мехам на гармонии.

Полученная от органов зрения картинка радовала до безумия – под ногами обрыв в бездонную пропасть, за спиной сплошная каменная стена, без малейшего намека на горизонтальную поверхность. Ну и свежайший, вкуснейший, наполненный бодростью и озоном воздух, окружающий весь этот прелестный пейзаж.

«Никто мне не скажет, что я здесь делаю?», – просочилась мысль. Мозг, переваривая бредовость увиденного, пытался найти точку опоры, чтобы перевернуть не самый благорасположенный сейчас к нему мир. – «Или я сошел с ума, или я все-таки сплю. Что тебе снится, крейсер Аврора», – нервно перекосясь ртом, не решаясь, оторвать руки, чтобы ущипнуть себя за что-нибудь и избавиться от пригрезившегося кошмара. – «Не может же это быть на самом деле! Как я мог здесь оказаться? Что было до этого?».

С силой зажмурившись, чтобы хоть как-то отгородиться от красоты природы, он попробовал из болтающейся в голове каши сложить нечто внятное. Клубы табачного дыма, сквозь которые мелькал белый силуэт с торчащими из-под густых черных волос кроличьими ушами, красивое женское лицо с горящими изумрудными глазами, перечерченное огромным топором и кривой саблей с витиеватым узором на клинке. Какой-то рыбный натюрель, окружающий яркое желтое пятно Луны, плавающее за резными стенками бокала. Красный зрачок турникета, сваренного из огромных ко-

пий. Станный вкус вина на губах, рассуждения по поводу материализации мыслей, искусные фигурки на разноцветных клетках огромной, занявшей весь мир доски, туманные предложения и безрассудное, его собственное поведение.

Глаза, содрогнувшись от увиденного, поспешили распахнуться.

«М-да... Это я рисанулся... гм. Нашел перед кем. Никогда не играйте с незнакомцем, даже в шахматы. Вот об этом никто не предупреждал. Не заговаривать предупреждали, а вот не играть... Думайте, думать Вы умеете. Похоже, этот господин переоценил мои способности к умственной деятельности. Партия началась „забавно“. И чёрт меня дернул. Чертовка точнее... Можно подумать я мог отказаться. Или мог? В любом случае», – он снова зажмурился, вспоминая разговор с неординарной личностью, – «поздно пить боржом и прочие напитки. Мне обещали, что каждый ход будет много значить? Обещали. Ну, так получите, распишитесь».

Прятаться дальше за закрытыми глазами стало бессмысленным, потому что сложившаяся в мозгу мозаика, как и перспективы ее дальнейшего углубления, была пострашнее, чем вполне невинный ландшафт перед ними.

Только сейчас он обратил внимание на нелепость своей живописной позы распятого мученика: вжавшаяся всей поверхностью в камень спина, широко раскинутые руки, обнимающие скалу и ноги, с судорожно сведенными коленями, едва уместающиеся на пятачке.

Глаза, предоставленные самим себе, хаотично зашарили по доступной им полусфере, ища, за что бы зацепиться и успокоиться. Но в окружающем пейзаже не было ничего нового, кроме того, что уже упоминалось. Вверху небо, внизу море, а посредине облака.

– Я готова на многое, я готова даже исправиться, – забормотал он, – упакуйте, отдайте меня ангелам-красавицам.

Ветер, ударивший неожиданно, из темноты, в правый бок, попытался проникнуть между ним и скалой, чтобы разорвать их единство. Куда там. Легче верблюду проскочить в игольное ушко, чем кому бы то ни было оторвать его сейчас от этих камней.

«Поставьте вы, наконец, эту лошадь! А мы с ней сроднились», – с каким-то глупым злорадством мельком подумал он и еще сильнее впился пальцами в шершавый гранит, продолжая выдавать негромко вслух обрывки текста:

– Я готова меняться, не глядя с любимым дозвонившимся. Посидим, поболтаем, покурим, и может быть, спишемся. Здравствуй, Ангел. Где ты, Ангел, твою ма..., – прости-тельное в его положении не совсем литературное окончание фразы.

Призываемый персонаж не спешил материализовываться. Занят, может или просто не расслышал его тихие всхлипы, заглушаемые к тому же завыванием ветра и грохотом моря. Моря...

Огромный вал залихватски ударил в скалу, поделился

с ней своей немалой энергией, да так, что та задрожала, рассыпался и со страшным, противным скрипом, мерзко шипя, растекся серыми хлопьями по узкой полоске песка.

«Кто там у нас выбирался из пены уходящего потока?», — скользнул он взглядом по воде. —

«Любовь кажется. Ага, а потом она растворялась в воздухе. До срока. Очень актуально. Зашибись! Не думаю, что сейчас моя любовь выйдет из этой грязной пены, не Афродита она».

– Любовь сейчас не к месту, явно, а вот от Ангела я бы не отказался, – пробормотал вслух. Жалкая попытка подбодрить себя легким юмором не удалась. – Ей самое время появиться на сцене. Сколько можно звать. Хотя, если за сцену принять этот чудный пляж, то она рискует намочить свои чудные туфельки. Ангел, АУ!!! Я соскучился!! Появляйся скорее!!! Ты же кот, то бишь кошка, значит, гуляешь сама по себе и приходишь, когда вздумается. Вот и вздумайся и появишься прямо здесь и сейчас, а? – его воззвание улетело в темноту, оставшись без ответа. – Встань передо мной, как лист перед травой. Тьфу! Господи, о чем я вообще думаю?! Точно свихнулся.

– Они ведь моложе, и пахнут весной. А ты, если сможешь, останься со мной. Останься! – запел, было, но тут же одернул себя. Не хватало только впасть в истерику, которая уже маячила неподалеку.

Помолчал, перевел дыхание и попробовал порассуждать,

как ему казалось логически. Первой фразой, продолжившей его монолог забытого в отрогах скал главного героя идиотской пьесы была следующая:

– И почему все-таки люди не летают как птицы?

Высказав ее, он задумался над риторическим вопросом бедной Кати. Вопросом, на который, кстати, так никто и не дал ответа.

– Потому что люди, как ангелы, наяву летать не могут, – логично, как и собирался, решил он. – Только в горячечном бреду. Накурившись сбора лекарственной марихуаны. Ладно, ближе к телу. Дверей нет, ключи к ним закончились, новых не принесли, прыгать вниз, – он покосился на гостеприимно распахнувшие объятия очередного бурного броска моря, со страшной силой потрясшего скалу, – как-то не хочется... Ползти вверх, гм, я не Рембо, чтоб в скалолаза играть, да и одет не по сезону. И даже не покуришь здесь, сдует сразу.

Разговор с самим собой, конечно, сковывал страх, но не добавлял оптимизма, а наоборот, расшатывал разум и так находившийся на последней черте, за которой безумие. Уж лучше молчать.

Глубоко вздохнув, он погрузился в себя, уткнувшись подбородком в грудь, превратившись в изваяние. Если б не скала за спиной, то чем он не Назаретянин над городом мечты Остапа?

Резкий свист над самым ухом прервал глубокомысленные

раздумья. Свалившееся сверху непонятно что больно ударило по лицу.

Чертыхнувшись, он дернул головой и прижался щекой к стене, избегая повторения удара в миг онемевший нос.

Темная тень на черном фоне врезалась в него снова, нарушив хрупкое равновесие. Он пошатнулся, замахал руками, как очнувшийся от спячки деревенский петух крыльями, прохрипел осипшим голосом нечто отдаленно похожее на приветственный клич живого будильника и начал заваливаться вперед.

Молотившие воздух конечности зацепились за нарушителя его уединения, запутались в нем и потащили остальное тело за собой.

Через секунду он превратился из гордого горного отшельника в болтающийся над морем маятник, висящий на веревочной лестнице, невесть откуда взявшейся. Докликался Ангела? Может быть...

Вцепившись побелевшими от нахлынувшей массы впечатлений пальцами в выбленки, он, увлекаемый силой инерции, куда ж от нее денешься то, стремительно летел в скалу, довольно смешно болтая при этом ногами.

Все выступающие части тела ощутили ласковое прикосновение гранитной поверхности и поделились своими впечатлениями с мозгами, на что те только развели извиняюще руками. Но экспрессия полученных эмоций заставила все-таки управляющий орган вспомнить о своей руководящей и на-

правляющей роли и он бросил сжавшийся в комок организм резко вверх, справедливо решив, что купальный сезон давно закончен, а вот экскурсия по альпийским лугам не только познавательна, но и просто необходима в данном случае. Сделав такой выбор, мозг направил героя по длинной, петляющей стезе, хотя буквально под ногами его ждала другая. Но, во-первых, каждому овощу свое время, а, во-вторых, кто мог это знать?

Взбодренный столь оригинально нахлынувшей перспективой спасения, он, резво перебирая руками и ногами, полз по шаткой конструкции, с шипением выдавливая из себя бодрую песенку:

Жизнь висела на волоске

*Шах – и тело на скользкой доске
Сталь хотела крови глоток
Сталь хрипела – идем на Восток*¹⁸

– Вот уж точно – на волоске. Интересно, автор этого произведения никогда не болтался в таком интересном положении над «ласковым» морем? Хотел бы я знать, – бормотал он, пыхтя, поднимаясь вверх. – Это вам не в «Последнего Героя» играть перед кучей телекамер. Племя носорогов, блин!

Лестница раскачивалась под его весом, и через каждые пять секунд он влипал в скалу, больно ударяясь коленями, успевая уворачивать уже получивший свою дозу нос.

Длительность путешествия нельзя было оценить ни одним

из известных способов, кроме, конечно интуиции. Но та молчала, предпочитая не встречать не вовремя. А ну как ошибется и весь авторитет насмарку. Лучше отсидеться.

Красочная обстановка безраздельного господства природы над своим отдельным творением, сейчас, впрочем стремительно ускользающим из ее радостных объятий, завывающий в ушах ветер, бесконечность подъема по непонятно куда ведущей извивающейся лестнице, всячески способствовала поэтическому настроению и от нечего делать, а также чтобы скрасить томительные минуты ожидания встречи с кем бы то ни было, он начал складывать в уме строчки. Как ни странно, получалось.

*Покоряя снова высоту Обгоняя тени на земле Обрывая
бывшее внизу Задыхаясь в скомканной петле*

*Не будет больше ужасе, того, что было со мной Свободы
крики в душе, и струны рвутся порой*

*Впиваясь телом в гранит Прощай, шальной эдельвейс Еще
бросок и карниз*

Упасть, вздохнуть, поседеть

Все ближе солнце, смелей Взобратсья б на небеса

¹⁸ Песня группы «Ногу свело»

И обернуться бы к ней Смеяться, глядя в глаза

*Отбросить прошлое вниз Срывая жилы себе
И прошептать – обернись! Дай руку! Ну же, не дрейфь!*

*Держись, и я подниму, над миром нас навсегда
Мы на вершине, вдвоем, скажи же мне все-таки «Да...»*¹⁹

– Да. Уж..., – выдохнул со свистом, поднимая голову.
Край скалы был, в каких то паре метров.

Еще чуть-чуть, еще и...

Вскарабкавшись на пик, он рухнул на колени, вцепившись в камни. После шаткой лестницы между небом и морем они стали ему сейчас роднее всех живых.

Отдышавшись, приподнялся, намереваясь обзреть окрестности и составить большие планы на будущее в новых условиях.

Привыкшие к темноте глаза, просканировав местность, выхватили из окружающей картины самую важную деталь, заставившую его мгновенно похолодеть, хотя он и до этого не пылал жаром.

Черная фигура в длинном плаще с рассыпанными по плечам волосами, сливалась с такого же цвета небом, и была практически неразличима. Лишь холодный блеск металла в правой, быстро поднятой руке.

– ... А... на... Ты...?? Откуда...? – ветер взвизгнул в ушах, превратившись в стремительную молнию, несущую-

ся прямо в него.

Удар и адская боль.

Страшная сила опрокинула его обратно. В пропасть.
В объятия любимой стихии...

ЭКСПОЗИЦИЯ

*«Четыре раза сердце в море утопил Четыре раза убивал
но не убил...»*

Тактика гостей слегка изменилась. Разделившись на части, они стали обходить его с флангов, делая короткие броски и смачно стреляя.

Окружающее пространство было переполнено резкими звуками, свистящего характера, не предвещающими ничего хорошего в ближайшем будущем.

Израсходовав третий магазин, он сумел положить еще нескольких участников забега, но настроение оставшихся в живых, не стало более благожелательным. Скорее наоборот.

Соревнование в меткости продолжалось. Пока он выигрывал. И по очкам и по результату.

«Семь. Или восемь. Сбился. А может все десять. Счет конечно в мою пользу, но... Есть закон больших чисел. Они меня массой задавят», – улыбаться вроде нечему, абсолютно. А он улыбался. —

«Перед смертью не надышишься? Не согласен. По-моему самое время подышать».

«Сеанс одновременной игры, на двадцати досках», – вспомнил незабвенного великого комбинатора. – «Надеюсь

Лорик смогла хоть немножко убежать», – перевернувшись на спину, щелчком вогнал последний магазин.

«Еще минут с десятков я постреляю, а потом... Потом суп с котом, по всей видимости. А котом буду я», – невесело усмехнулся, в очередной раз, меняя позицию, и практически слету снял еще двоих спринтеров, рванувших наперегонки к дороге.

«На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят. Приказа переходить границу не было, так какого же хрена вы так спешите, красавцы, а?».

Перекатившись на новое место, и подняв на секунду голову, он увидел картину, не прибавившую оптимизма ни на грош.

¹⁹ Стихи автора

К противнику прибыло подкрепление. Еще человек десять высыпало из лесочка. Они, пока что, не стремились подражать лидирующей в забеге группе и бежали по полю в полной рост, в то время как первый состав, упорно полз вперед на брюхах.

Короткими очередями он положил пару «новиков», после чего оставшиеся в строю вдруг почему-то резко поумнели и переняли манеру старших товарищей, уже не боящихся испачкать костюмы.

«Патронов не стало, а я все шманала, пока эскадрон удирал», – невеселая песня Анки-пулеметчицы, оплакивающей

в подвалах ЧК бедного Чапаева, была в тему, хотя неизвестно кому из них больше повезло. Уж лучше утонуть под пулями врагов, чем быть забитым ногами «товарищей» из органов.

«Самое смешное, что если б тогда Чапаев выжил, то попал бы он в те самые подвалы, прямым ходом».

Затянувшаяся игра в войнушку становилась все менее увлекательной, но уходить было еще рано.

Продолжая экономно отстреливаться, он тянул время. Каждая лишняя секунда увеличивала ее

шансы уйти подальше от этой «гостеприимной» дороги.

Внезапная резкая боль в левом плече и он, прикусив от неожиданности губу, ткнулся носом в землю...

СОТТО ВОЧЕ²⁰

«Если верить киношникам, мы загружены в Матрицу...»

Он выплыл из бездны подсознания, жадно вдохнул знакомо-бодрящий душу воздух и сразу ощутил ледяной холод, пронизывающий все тело.

На фоне чуть посветлевшего неба, ставшего из иссиня-черного каким-то дымчато-серым, была едва заметна копошившаяся над ним некая фигура, производящая манипуляции с его левым плечом. Зажатая в зубах неизвестного

благодетеля сигарета мелькала испуганным мотыльком, совершая хаотичные скачки в темноте и издавая легкий ментоловый запах.

Не имея никакого желания начинать разговор, равно как и растекаться в благодарностях, он лишь слегка шевельнул онемевшим языком и решил подождать подходящего момента для вступления в диспут с действующим членом Армии Спасения, затеявшим игру в доктора с целью отработки на нем, как на манекене, навыков бинтования предплечья.

Фигура разогнулась, сделала глубокую затяжку, с легким музыкальным свистом выдохнула дым и элегантно движением отбросила окурок за плечо.

Полученной визуальной и обонятельной информация было, в принципе, достаточно для идентификации персонажа. Недостающие детали, недоступные пока глазам, дорисовало достаточно натренированное уже воображение.

– Ну что, герой-путешественник, – прозвучал тонкий голосок, – очнулся? А тут уже гипс, – голос засмеялся. – Где так поскользнулся? Как всегда – шел-шел упал? Ладно, ладно, не бойся. До свадьбы заживет, – левая рука говорящего сделала характерный жест, откидывая упавшие на лицо волосы.

Набор примет стал полным. Перед ним с улыбкой, насладиться которой было нельзя, сидела Кот, она же Ангел, она же... да Бог его знает кто еще.

– Смотри, какие фуськи бывают на свете, – девушка про-

тянула ему ладошку, на которой под весьма тусклым светом вовремя вынырнувшей из туч Луны, он различил слегка сплюснутый и совершенно безобидный кусок металла. – Из тебя извлекла. Не знаешь что это?

Он чуть качнул головой, выражая полное недоумение от увиденного. Что-что. Пуля, наверное. Или наконечник стрелы, что вернее.

– Письма не ждешь? Или телеграммы? А то тут что-то написано... – таинственно понизила голос Ангел.

С трудом, разжав засохшие губы, он пробормотал, едва слышно:

²⁰ Sotto voce – вполголоса

– Забавно, телеграмма уже была, кажется, – сделал паузу и, стараясь добавить в свой хрипловато-свистящий голос иронии, спросил:

– Что пишут?

– Странные какие-то буквы, не по-русски, сейчас рассмотрю, – девушка с поднятым к глазам таинственным артефактом повернулась к свету. – Похоже... Сейчас... Е шесть дэ пять... Гм, первый раз такое вижу, – она смешно пожала плечами и развела руки, как маленькая девочка на вопрос мамы: кто съел конфеты?

– Как-как? – переспросил он, напрягая память.

«Е шесть дэ пять», – произнес еще раз про себя, – «вот тебе и ход... Мессир пешку взял. Однако... Если со мной так

обошлись всего лишь за рядовую фигурку, то что будет дальше?? Мама дарагая...», – он внутренне содрогнулся от самой мысли о возможных в будущем последствиях, — «куда я влип...???!».

Судя по удавшемуся гамбиту, партия обещала стать весьма нетривиальной. Это, впрочем, не добавляло ему ни стремительного таящего оптимизма, ни хорошего настроения и вносило ощутимые коррективы в громадьё его планов на ближайшую перспективу.

Прочувствовав свое ошеломляющее везение («Никогда не заговаривайте с Незнакомцем!!!»), он издал булькающий звук и, повернув голову к молча ожидающей его реакции девушке, голосом практически умершего маленького лебедя спросил:

– Солнце, а ты где меня нашла?

– Где-где, – фыркнула спасительница, – В Караганде, заяц ты мой. Лечу я себе по делам, никого не трогаю. И тут на тебе! Пловец в море. Освежиться, наверное, захотел. Дай, думаю, погляжу, что за ненормальный катается по волнам, лежа на животе. И что я вижу?! Мой подопечный пачкает кровью соленую воду. Пришлось мне, хрупкой девушке...

– Спасибо... дорогая, – максимально вежливо поблагодарил он, не удержавшись все же от тонюсенькой нотки ехидства.

Девушка нарочито громко вздохнула, мол, что с больного возьмешь.

А он, пользуясь своим положением раненого героя, которому полагается всяческое сочувствие со стороны прекрасной половины не только человеческой, но и ангельской расы, и, улыбаясь едва шевелящимися губами, жалобно проскулил:

– Котик, ты мне не скажешь, что вообще происходит? Ты же, как Ангел, должна знать.

– Олег, ты еще не понял?

– Э...э стукнулся сильно, и не знаю, куда даже ум оставшийся приложить.

– Не знаешь? – чуть насмешливо переспросила девушка, – ну тогда у меня для Вас пренеприятнейшее известие, – продолжила она тоном литературного героя, – к Вам едет ревизор. Точнее уже приехал. А вот кто он... Мог бы, и догадаться сам.

«Как приятно иметь дело с умной женщиной», – хмыкнул он и, не выходя из образа, пробормотал:

– Вот уж новость так новость, и не говори. Хотя обещали, что Чебурашка не придет. Значит, это был не он, – преувеличенно печально всхлипнул, – а я никак не мог вспомнить, что это за таинственный товарищ, который мне совсем не товарищ. А ведь терзали меня смутные сомнения... Может, расскажешь с этого места подробнее?

– Подробнее...? Надеюсь, ты знаешь, что ничего случайно не происходит?

«Нет, это просто вечер оригинальностей. Никакой баналь-

щины. Отточенные, блестящие прекрасным слогом диалоги, полные новых, свежих идей», – эту фразу он благоразумно решил не озвучивать вслух, ограничившись легкой иронией:

– Где-то я это уже слышал... не помню только где.

– Раз слышал, значит знаешь. Тогда зачем ты затеял Игру?

– Я затеял?! Хорошенькое дельце! – он аж приподнялся от искреннего возмущения. – Извините, распишитесь! Приходят тут всякие телеграммы по утрам, а потом вообще!

– За все в жизни надо платить, – печально сказала девушка. – Вот так! – резко вскинула опущенные до этого долу глаза и цыкнула, как известная спортсменка, комсомолка и просто красавица, в момент вынесения приговора неудачливому ухажеру.

– Нэ из нашэго района, панэмаешь! Да! – он машинально схохмил, продолжив цепочку заезженных штампов, но дурацкая шутливость уже уступала место осознанию серьезности своего положения. – Надо, значит заплачу. Если проиграю...

– Олеж, – само выражение и голос, которым это было произнесено...

Он впился взглядом в ее лицо, стараясь в блеклых утренних сумерках разглядеть его получше.

Слишком знакомая и незабытая интонация... Неслучайное совпадение или...?

А девушка, словно не замечая его реакции, говорила:

– Вообще смотри, что получается. Дело было не в этом

тысячелетии и не в этом государстве. Шучу. Но все же, ты не первый кто влипает по самые уши в историю под названием «Любовь». Но есть истории длинные, есть короткие. Радостные и не очень. И ведь многие успокаиваются, написав такую историю. Успокаиваются и живут себе дальше, выкинув все из себя. Умеют же... – вздохнула. – Да! Живут! Спокойно, размеренно. Я бы не назвала их жизнь счастливой, но. Это их выбор, это их право. У них все разумно, все распланировано. Все известно наперед. Перебесились в молодости, а теперь все, некогда. Надо «строить жизнь». Обычные люди, не хуже других. М-да... – Ангел задумалась, остановив глаза на невидимой точке. Потом добавила, почти неслышно, – разум штука хорошая, конечно. И нужная. Только не в нем дело...

Встрепенувшись, она резко повысила голос:

– А есть такие, как ты! Всё, видите ли, у них незакончено, недоговорено! Всё горит и взрывается. Страсти кипят, душа болит. Стремится, мечется, старается, пытается, рвется! Несется напролом, всё хочет выяснить, что и как. Вот! А нам, между прочим, за это по шее дают! Мол, для чего работаете, Ангелы вы или кто? – девушка улыбнулась, – понимаешь?

– Гм... сказать честно, ни черта не понимаю, – он скривил недоумевающую усмешку. – Вы вообще о чем, мадемуазель?

– Вот так всегда. Вы все думаете, что мы так, просто! Нет, Солнце, если бы оно было так!..., – она многозначительно

вздохнула, – Ладно. Сейчас об этом рано. Еще...

Ангел закусила губу, сменила тон и продолжила:

– Мы смотрим за написанием этих историй и иногда помогаем в их творении. Мы охраняем, бережем, поддерживаем. Подсказываем, если хочешь. Мы стараемся, чтобы зажегшийся огонек любви не погас, заблудившись в темноте, не потух от жизненных невзгод, которые люди чаще всего придумывают себе сами. Вот такие мы, Ангелы. Но ты... Но ты отличился по всей статье! Ты не успокоился, получив вместо любви ненависть. Ты не отвернулся, не плюнул, не махнул рукой, не ударился в развлечения. Нет, ты захотел переписать свою историю! Со всей своей безграничной назойливостью, плавно переходящей в настырность и прямо таки уже попахивающей просто маньячеством. И в итоге ты заручился поддержкой... у кого?!

– Да? И у кого? – саркастически спросил он. – И какой еще поддержкой? Ни у кого я ничего не просил и не собираюсь. Я сам во всем разберусь. Спасибо тебе за помощь, конечно, но...

Ангел, не обращая внимания на его реплику, спокойно произнесла:

– Мысли и желания смертных имеют свойство иногда материализовываться. Разве ты не знал этого? Знал. Сила мысли огромна. Надо только уметь ею пользоваться. Надо знать как. Про это знание нельзя прочитать в учебнике, это надо понять самому. Это надо почувствовать. Ощутить момент,

когда... и не сорваться за эту тонкую грань. Может, для этого ты попал в Игру? Ты уже перешел на другую линию жизни. Сегодня утром. Помнишь сон? Это не иллюзия.

«Одинокая игра», – почему-то вспомнилось ему. – «Сон, оказывается, был в руку. Сон в виде боевика. Впрочем, это лучше чем слезливая мелодрама. Хотя и она уже была. В другом отрывке. Где-то моя любовь, в жарких Сахарах. А эта красавица что-то темнит, не договаривает. Кто эту игру затеял? Или я сам, как она заявляет?».

– Ты сам этого хотел, – тут же ответила девушка на его мысленный вопрос. – Поэтому ты здесь. И раз ты уже здесь, попробуй найти свою дверь. Тебе дали такой шанс.

– Кто ж это у нас такой добрый самаритянин?

– Неважно. Найди то, что ты хочешь больше всего, – ласково сказала Ангел. – Ты понимаешь, чего хочешь, но смутно. Тебе нужно почувствовать, что говорит твоя душа. Ты можешь получить то, что допускаешь в свою жизнь. Препятствия на пути ты создаешь себе сам, придавая слишком большое значение разным мелочам. Иди вперед и получи свободу выбирать. Достигни своей цели. Услышь шелест утренних звезд и тогда..., – девушка уже шептала.

Он откинул голову и устремил глаза к звездам, которые становились все более блеклыми, но такими же молчаливыми. Ничего они не шептали. Как можно их услышать?

– Яблоки упадут в небо..., – ангельский голос звучал в голове, а сама она, вернее ее изображение, таяла как туман под

солнцем, расплываясь, теряя детали, разрываясь в клочки, и последнее что он успел увидеть, была ее печальная улыбка.

– Ей-Богу, чеширский кот, стопудово, – только и успел пробормотать он, прежде чем заботливая посланница полностью исчезла.

Полежав еще минуту, чтобы сбросить наваждение, он с трудом приподнялся, опираясь на правую руку. Левая висела как плеть, и шевелиться совсем не хотела.

Покрутив головой, он попытался разглядеть окружающий пейзаж, который пока еще скрывался в сумерках.

Кругом, насколько хватало глаз, тянулось бескрайнее поле, а может степь, покрытая небольшими холмами.

– Тихо вокруг, сопки покрыты мглой, – грустная мелодия старого вальса так и просилась в саундтрек к данной мизансцене. – Веселенькое место, ничего не скажешь.

Он вытащил смятую пачку и закурил. Надо осмыслить последние события и найти в них... ну хоть что-нибудь найти надо непременно. Вот тут уж точно без вариантов. Вернее их два. Или он все же перешел куда-то, на другую линию, как ему давеча сказали, и влип в Игру, вот так, с большой буквы, или просто сбрендил. Сошел с ума. Шизанулся. Стал душевнобольным, как тот, бездомный поэт. Но у того «белочка» началась уже после встречи с Неизвестным на прудах, а у него до. С самого утра, как проснулся. Или он еще так и не проснулся, а до сих пор летает в этом пространстве вариантов?

– Яблоки падают, звезды шепчут, двери открываются. Что еще? Ангелы суетятся. Фигурки двигаются. Партия продолжается.

В голове было ставшее уже привычным состояние каши. Нагромождение совершенно диких событий, встреч, разговоров, откровений. Ищите да обрящите. Играйте и выигрывайте. Получите то, что хотите. Легко и просто. Но пока абсолютно непонятно.

Мозги отказывались соображать, громко протестуя против насилия над собой. Разум явно перебрал впечатлений, а душа... Душа что-то чувствовала, но не спешила делиться своими открытиями. Рано еще или просто он еще не готов? Тогда что? Тогда сейчас что делать?

Боль в плече пульсировала и отдавалась по всему телу, мешая сосредоточиться.

– В таком состоянии думать противопоказано, – усмехнулся он и, потушив окурочок, сунул пачку в карман. Рука наткнулась на шелковую ткань и вытащила на свет приснопамятные розовые ленточки.

– Ничего случайно не бывает, кто бы спорил, уж не я точно, – со злостью процедил вслух, – и ленточки вот пригодились.

Орудя одной рукой и зубами, он сделал из двух полосок нечто вроде перевязи и, накинув ее на шею, осторожно положил в нее левую руку.

– Ну, теперь и двигаться можно, вперед и с песней, – ска-

зал и напел, – давайте негромко, давайте вполголоса.

Встал на ноги и как мог, отряхнулся. Его щегольский наряд, в котором он утром вышел из дома, после всех переделок выглядел довольно бомжевато. Брюки измяты, пиджак тоже не в лучшем виде, да еще заляпан кровью. Вообще видок еще тот, с таким и в тюрьму не возьмут, не то, что в приличное место. Но поскольку в пределах видимости модных бутиков не просматривалось, приходилось довольствоваться малым.

Пока он курил и пытался шевелить извилинами, стало совсем светло. Он еще раз обернулся на все стороны света, но большой разницы между ними не нашел. Степь да степь кругом и хмурые сопки. Край суровый тишиной объят.

– Пойдем, куда глаза глядят? – спросил, помолчал и выдал. – Сталь хрипела – идем на Восток.

Прикинул, с какой стороны вставало Солнце, и двинулся в том направлении, справедливо полагая, что там и находится дело тонкое.

– Значит, Мессир взял пешку и сообщил об этом. Оригинал, – усмехнулся. – Своеобразная партия. За нее не то что гонорар отдадут, а еще и расспросят все подробности, вежливо покивают, поахают, а потом увезут под белы руки, – размышляя вслух, он пытался отвлечься от боли. – Ладно, пешку он съел. Хорошо... теперь надо аккуратно подсунуть ему что-нибудь еще. А что мы подсунем...? – он, шагая в сторону ближайшего холма, старался удержать в голове дебют-

ную ситуацию. Но фигуры расплывались, исчезали с доски, и он никак не мог точно представить их всех в нужных местах.

– Сейчас на сопку эту поднимусь, передохну, может, на земле ситуацию нарисую, и подумаю, заодно еще раз по сторонам посмотрю, с высоты, так сказать.

Склоны холма, довольно пологие были покрыты густой травой, ярко изумрудного цвета. В высоту трава достигала пояса и издавала непередаваемый аромат степи. Запахи полыни, чабреца, шалфея, зверобоя, еще каких-то разноцветных, неизвестных по названию растений. Он с удовольствием вдыхал эту смесь, напомнившую ему детство, и поездки с взрослыми в степь, на сенокос. Как тогда было хорошо и беззаботно! Можно было упасть в траву и смотреть на изумительные оттенки неба, где-то ярко-голубого, где-то с легкой зеленцой, ощущать чудный запах и ни о чем не думать.

«Лепота», – улыбнулся. Настолько ярко всплыли в голове картинки детства.

Осторожно ступая, чтоб не споткнуться о то, что могла скрывать густая растительность, он поднялся на сопку, опустился на большой камень, лежащий точно в центре вершины и перевел дух.

Запах был одуряющий. Он манил, заползая в ноздри. Хотелось закрыть глаза и заснуть, никуда больше не двигаясь и ни о чем не думая.

Встряхнул головой, отгоняя дурман.

«Вот так же Лев заснул на маковом поле, но его там друзья спасли, а меня сейчас спасти некому. Ангел появляется сама по себе, когда ей вздумается, а волшебной дудочки, чтоб ее вызывать, у меня нет, к сожалению. Или к счастью».

Поднявшись с камня, он приступил к разглядыванию местности. Увиденная картина заставила его в очередной раз поразиться абсурдности этой реальности, потому что в той, родной, своей реальности, он ничего подобного не то что не встречал, что еще полбеды, но даже не допускал, что такие вещи вообще возможны.

На бескрайнем поле, не иначе как игровом, в четком геометрическом порядке располагались холмы, образуя вертикальные и горизонтальные линии. На каких-то светлых и темных вершинах, покрытых соответственно песком и землей, стояли причудливой формы камни, ослепительно белого и мрачно-черного цвета, на каких-то ничего не было. Сходство с шахматной доской было полным и очевидным...

Вобрав в себя целиком грандиозный замысел «природы», он удивленно-обреченно присвистнул и промямлил:

– Вот тебе бабушка и Юрьев день... Кому расскажешь – не поверят.

Почесал в затылке сначала правой рукой, а потом машинально и левой, раненой.

– Да и кому я расскажу. В этой «стране чудес» похоже все слегка не в себе. Начиная с Алисы. Куда я все-таки попал? Мысли имеют свойство материализоваться? Пожалуй-

ста. Подумал про доску и вот вам. Кушайте не обляпайтесь. Играйте и не жалуйтесь. Чей ход, кстати? Э-эх...!

Ему бы сейчас принять успокоительного, грамм двести, двести пятьдесят, но вино осталось в непонятно как покинутом замке, а здесь, как назло, ни одного супер-, гипер- и даже мини-маркета нет. Остается подручное средство – воспользоваться великим и могучим родным языком.

Ругаясь сквозь зубы всеми выражениями, которые смогли прийти на ум, он потихоньку выпустил злость, сгладил стресс и вернулся к «шахматам». Других развлечений не предлагалось.

Для полного сходства с Наполеоном, осматривающим с высоты поле очередной битвы, ему не хватало знаменитой шляпы и подзорной трубы. За сюртук сойдет пиджак, покрой похож. Продолжая сравнение, хотелось думать, что это австрийское поле, а не бельгийское. Триумф, а не трагедия.

Прикрывая глаза ладошкой, он изучил «доску».

– Собственно ничего страшного не произошло, пешку я сам отдал, за развитие, так что, все нормально, – засмеялся. – Нормально. Ага. Нормальный здесь только я, хотя уже и в этом начинаю сомневаться. Ждете моего хода? Флажок еще не упал? Тогда так...

Он выбрал фигуру, и уже было собрался спуститься вниз, чтобы добраться до нее, но, случайный взгляд, кинутый за плечо в целях предохранения от неожиданностей, прилип к камню, на котором он только что сидел.

Вырезанные полууставом буквы располагались вверх ногами и не поддавались прочтению в таком положении. Да и стерты были кое-где. Пришлось ему оставить полководческую позицию и, обогнув этот «горячий камень», присесть перед ним.

– Замечательно. Я в сказке про Ивана-царевича. Грозного. Азм есть Царь. Что-то я вас в этом гриме не узнаю, – покривлялся, пока искал знакомые буквы, обвешанные старославянскими значками и прочими ятями.

Глаза пытались сломаться от массы излишних черточек, точек и палочек. Повертев головой так и эдак, он наконец-то уловил смысл и нараспев прочел:

Напр... о пойдешь коня пот... ряешь Налево п... дешь корол... ну найдешь Прямо пойдешь ешь

Рассмеялся:

– Ты туда не хады, ты сюда хады. А то снег башка попадет, савсэм плохо будет. Побарабанил пальцами по камню.

– Забавно все это. Кто тут занимался фигурной резьбой, интересно? И кто буквы стер? Солнце и ветер? Сомневаюсь. Теперь гадай, что там прямо. Чего -ешь? Сломаешь? Посеешь? Подобреешь? Или выпьешь? Очень ценные указания. И как их интерпретировать? В местных условиях. Допустим – справа будет размен коней, ход ферзем налево это путь к победе, а в центр лезть нечего, на всякий случай. Возможно-возможно.

Дальнейшее перебирание вариантов не имело смысла. Ведь мир не так прост, как кажется, он гораздо проще. Делай, что должен, исполнится, что суждено и не умножай сущности. Поменьше важности, господа! Улыбайтесь.

Он оставил в покое посланную невесть кем «записку», спустился вниз и двинулся к намеченному холму. Легко взобравшись на вершину, медленно обошел вокруг белого камня, походящего на поставленное на попа небольшое бревно. На стороне, обращенной к противнику, четкими и твердыми линиями было высечено суровое лицо воина в русском шлеме, с бородой и две руки, сжимающие копьё.

– Да... сюда бы каких-нибудь археологов..., – протянул, – придумали бы миллион теорий, кто и зачем такое сделал. Но меня это сейчас мало интересует. Своих забот полон рот. Так, еще раз сориентируемся.

Строго за этой фигурой на соседнем холме стоял камень повыше. Его черты трудно было разглядеть полностью, но его форма и особенно верхушка, высеченная в виде шапки Мономаха, говорили о том, что это Царь.

– Все правильно, ходим этим. Только, как бы мне ее перетащить, причем одной рукой? Жаль, ни одного гербалайфшика нет, а то бы я спросил у него как!

Болтая, что попало, лишь бы не быть в тишине, приобнял камень правой рукой и попытался поднять его. На удивление это получилось. Мощная фигура оказалась довольно легкой, несмотря на свой тяжеловесный вид. Пенопластовая что ли?

В этом просматривалась аналогия с бочками апельсинов, тоже оказавшимися не по виду легкими. Это должно было насторожить и заставить задуматься... Но он не задумался.

– Вот и чудненько, – прокряхтел с непривычки, поудобнее устраивая ношу под мышкой. – Двинулись.

Солнечный луч отразился от какой-то железки, бывшей под камнем и зайчиком метнулся ему прямо в левый глаз.

Не сходя с места, он нагнулся и увидел весьма и весьма знакомый предмет.

Очередной ключ, украшенный кроликом, сверкал на солнце, как только что вышедший из-под пресса новенький рубль. Ленточки при нем не было. Да и в размерах он был значительно меньше, чем предыдущие экземпляры.

– Хе, хе, я рад встрече, дружище, – подмигнув кролику, он поднял ключ кончиками пальцев и, сунув в карман, пошел на спуск.

Становилось жарко. Солнце поднималось, и воздух нагревался все сильнее. Взобравшись на очередную вершину, он поставил камень и стер пот с лица.

– Уф, попить бы чего.

Об этом можно было только мечтать, коммерческих киосков, как впрочем, родников и ручейков не наблюдалось.

– Нет, и не надо, хрен с ним.

Он уселся на землю, плюнув полностью на свои когда-то очень красивые брюки, и привалился спиной к камню.

Солнце начало припекать. Искать тень в степи бесполез-

но, камень тоже ее практически не давал. Скинув пиджак, он поморщился, вытаскивая из него левую руку, бросил его на колени и расстегнул ворот рубашки.

– Есть время подумать, – сказал сам себе вслух. – Откуда мы и где. Куда тебе и мне. Скорее бы... чего-нибудь.

Закрыв глаза и погрузился в кучу новостей, оставленных Ангелом-Котом.

«Как красиво она сказала – шелест утренних звезд... Что это значит?», – он представил себе эту картинку: ночь и тишина, бескрайний простор космоса, бездонный купол черного неба со щедро рассыпанными гроздьями созвездий и отдельными, яркими сияющими точками, выбивающимися из общей массы. Они окружают тебя со всех сторон, и ты чувствуешь себя замкнутым в огромную сферу. Ты паришь в бесконечности и впитываешь в себя эти тонкие, бледные, холодные лучи, пробившиеся к тебе сквозь омут расстояний, чтобы сообщить, подсказать, объяснить... что?

Нарисованное воображением полотно стояло за закрытыми глазами и казалось абсолютно реальным. Может еще и потому, что совсем недавно было перед ним наяву. Может быть...

«Но это только ночь. Не утро. Ночные звезды. Они горят, но не греют. Они иногда падают... На удачу? Для исполнения желаний?», – усмехнулся и мысленно «включил» медленно-мрачную музыку, столь подходящую по звучанию к данной сцене:

*Вам может быть одна из падающих звезд, Может быть
для вас, прочь от этих слез,
От жизни над землей принесет наш поцелуй домой*

*И может на крови вырастет тот дом, Чистый для любви...
Может быть потом Наших падших душ не коснется
больше зло*

*«Наших падших душ... Ночь – время зла... Время тьмы...
Это одна сторона...»*

*Мне страшно никогда так не будет уже, Я – раненное
сердце на рваной душе Изломанная жизнь – бесполезный сюжет*

Я так хочу забыть свою смерть в парандже ²¹

Разыгравшиеся мысли, «создавшие» картину, пытались подстроить под нее и душевное состояние, вытягивая из глубин ощущение бесконечной тоски и одиночества. Он почувствовал горький привкус боли, но не прервал свою «медитацию», а чуть сменил акцент.

«И вот начинается несмелый рассвет. Солнце проснулось. Оно еще далеко, но первые отсветы уже забелили горизонт. Оно подкрадывается. Тихо, не спеша, отгоняя темноту, меняя краски, изменяя мир, делая его другим... Оно готово войти в него, наполнить душу светом. Оно побуждает оч-

нуться, вырваться из власти Тьмы, закричать „Ура!“, приветствуя его. Звезды начинают таять, подмигивать, медленно исчезая с небосвода, освобождая пространство свету. Они шепчут прощальные слова, наполняющие душу странным очарованием. Смена реальности. Пограничное состояние, когда еще не ушла ночь, и не настал день. Это тот самый момент, когда можно услышать тихий шелест утренних звезд, момент гармонии между разумом – тьмой и душой – светом. Это состояние единства, которое надо удерживать в себе. Слышать себя, свою душу, а не только „голос рассудка“. Надо научиться сохранять в себе этот момент, надо слушать себя постоянно, обращать внимание на свои чувства, надо избавиться от важности, порождаемой разумом, надо не придавать излишнего значения ничему, ни внутри, ни вне себя, и тогда... Тогда ты можешь позволить себе иметь всё. Не всё, что хочется, а всё, что душе угодно...».

– Ну и дела, – пробормотал он, не открывая глаз, чтобы не выйти из странного состояния прозрения. Поразительно – откуда возникла такая ясность мыслей? Никогда такие, казалось бы, простые вещи не приходили ему в голову.

Он снова погрузился в размышления, пытаясь не упустить откровения, посетившие его столь неожиданно и столь необычно. Ведь он всего лишь ощутил, почувствовал тонкую грань «листа бумаги», на одной стороне которого расположилось его «рацио», на другой – эфемерное, неосязаемое и неизведанное нечто. То, что делает человека человеком.

Частица Бога...

«А что она сказала о линиях жизни? Получается, что существует много линий жизни, бесконечно много... Некое... поле информации, которое содержит все возможные варианты любых событий, которые уже произошли и могут произойти. Некий шаблон, шаблон того, что и как должно быть. Своеобразная координатная сетка... Матрица... Ничего ж себе!!! А фантастика может

²¹ Песня группы «Кукрыниксы»

оказаться не так уж далека от жизни... И поскольку эти линии уже существуют и это не зависит от моего хотения, то изменить свою линию жизни нельзя. Но! Но можно выбрать другую! Выбрать другой вариант. По душе. Оп-ля...».

В висках стучало от напряжения. Он дрожал от накатившего, несмотря на жару холода, но боялся пошевелиться, чтобы не потерять нить, ведущую в неведомые глубины тайного знания, пока не укладывающегося в голове, поскольку оно выплывало не из зашоренного мозга, а рождалось в душе и раскрывалось подобно невиданному заморскому цветку.

«Выбрать другую линию жизни, перейти на нее. Как? Представить желаемое и носить его у себя в голове, видеть его, раскрашивать красками, оживлять. Пока в воображении. Но энергия мыслей, рисующих картину способна перенести меня в этот вариант. Я просто выбираю его в матрице. Выбираю то, что мне по душе. Не придумываю, а выбираю!

Ведь он там уже есть. Энергия мыслей, моих положительных мыслей, переносит меня на эту линию жизни. А если мысли мрачные? Ну, соответственно получишь и мрачную жизнь. Ведь так и есть. Разве нет? Цвет мыслей словно отражается в зеркале и возвращается к тебе обратно. Что желаешь, то и получаешь. Но одного желания мало. Нужно намерение иметь и действовать. Решимость. И еще нужно избавиться от важности. Выбросить ее в мусорку. Именно важность часто губит все благие начинания. Примеров же масса, у каждого. Но никто, почему-то не обращает на это внимания. Да я и сам такой. Это сейчас я вижу, чувствую разрушительную силу важности. Если ее нет – тогда появляется чистое намерение. Оно и реализуется. Так? Или что-то еще?».

Боль мешала, путалась под ногами, предательски толкала в спину, стараясь сбить его с тонкого каната пути, по которому он шел над пропастью, пытаюсь удержать хрупкое равновесие между черным и белым.

«Бандитская пуля», – чуть улыбнулся, – «от товарища Мессира. Ничего, ничего. Мы только в начале пути, да и как сказала Кот – до свадьбы заживет. Будем надеяться, что я до нее, свадьбы в смысле, доживу. Чьей только...», – хмыкнул.

«Важность – это как путы на ногах. Как их снять? Взять ключ, открыть замки и скинуть вериги. Вроде того, да. Что может быть ключом в данном случае? Намерение. Мое внутреннее намерение. А может... что совсем просто, надо отка-

заться от желания достичь цели? Гм. Есть желание, оно бурлит, кипит, кричит: «скорее, скорее!», тем самым, порождая огромную важность. А если нет желания? Если я не желаю, а я намереваюсь. Это не одно и то же. Я вам таки скажу – это две большие разницы!», – со знаменитым черноморским акцентом произнес он последнее предложение вслух. – «Поэтому, если я смирюсь с поражением, то соответственно важность победы, важность достижения цели растает, как дымок сигарет. Вуаля тут! Хотя нет, не все. Надо еще всегда принимать и транслировать из себя только положительную энергию, рассматривать любое событие как позитивное, и тогда оно именно таким и будет. Опять же, эффект зеркала. Что отразил, то получил в ответ. Надо встречать кажущуюся неудачу не с досадой, а с радостным удивлением, с юмором, наконец! И позволить себе быть собой. Принять самого себя, полюбить себе таким, как есть, со всеми недостатками. И самое главное – позволить себе иметь всё! Что-то это мне напоминает...», – покопался в залежах своих знаний, – «ага, это ж практически рецепт прохождения сквозь стены из одного новогоднего фильма: видеть цель, верить в себя и не замечать препятствий, т.е. важности. Кстати, да. Стругацкие что-то знали об этом. Хотя это может не их фраза?».

Он покрутил в голове, рассматривая со всех сторон сто раз слышанную фразу, в которую раньше просто не вникал. Хорошо замаскированный чародейский рецепт. Вроде все на поверхности, но люди видят шелуху слов, не замечая

за ней семечек смысла.

«Цель. Надо определить цель, которая ответит на вопрос: чего я хочу от жизни. Что сделает мою жизнь счастливой. В чем я достигну единства своей души и разума. Что доставит мне истинное удовольствие, даст ощущение радости. Надо понять, к чему лежит душа, что превратит жизнь в праздник. Как сказал, а?!», – улыбнулся.

«Так, а дверь – это то путь, который приведет меня к цели. Дверей сегодня было уже... м-м-м, много, в смысле больше двух. Вели ли они меня к моей цели – пока непонятно. Нет, не могли вести, поскольку цель я себе еще не сформулировал. Может она родиться по дороге? Дороге... Много символов получается. Дороги, двери, цели. И все это в игре. Очень интересно. Бежишь за Белым Кроликом, сталкиваешься с Ангелом и открываешь для себя столько нового, что... Этот ушастик как знак получается. Предвестник событий, внесших надо сказать ощутимые изменения в жизнь. Только знак („опять знак!“) этих изменений зависит от меня. Плюс или минус».

«И ключи к дверям... Они тоже не зря. Они... Они открывают двери, да, но не все эти двери мои. Мне нужно найти свою дверь и открыть ее своим ключом. Но ключ очень часто зашифрован в самой задаче. А задачу, вернее загадку мне поставили такую – как получить свободу выбирать все, что захочешь. Где же в ней ключ?».

Он открыл глаза.

Горячий воздух плыл над землей, в его мареве «шахматные» фигурки дрожали и колыхались, их контуры расплывались, превращая камни в бесформенные пятна.

«Ключ в игре», – он пробежал глазами по полю, – «вернее игра это ключ. И решить ее, найти разгадку, проще всего не напрягаясь чрез меры. Вообще не напрягаясь. Выбрать самый простой вариант решения и не усложнять ничего. Нет смысла лупить руками по воде, стараясь сопротивляться течению, и впустую расходуя энергию. Но, не надо и смиряться, просить подаяния, отдаваясь, на чью ту милость. Надо просто идти и брать. Без всякого недовольства всем и вся. Без требования того, что якобы причитается. Штурвал моего корабля в моих руках».

– М-да, столько умных мыслей и сразу, – привычно сыронизировал над собой. – Остается выиграть эту партию и убедиться, что все так и есть. А выиграть здесь можно только с помощью Белой Королевы, она же Алиса. Белова, гм. Но нам мешает Черная Королева, которая Анастасия. Надеюсь не Черн. . . , – скомкал окончание фамилии. Не надо озвучивать вслух неясные домыслы. – Как сказала одна известная мама – поживем, увидим. Мессир был прав, шахматы это сама жизнь. Из бесконечного множества вариантов надо выбрать один, свой.

Встряхнув головой, он собрался уже подняться, но остановился. Еще одна мысль, зароненная Ангелом, требовала прояснения.

«Сон. Она сказала сон это не иллюзия. А что это? Один из множества вариантов, существующих в матрице? Может сон – это... как путешествие души по этому пространству? Пока разум дремлет. А там имеется любой сценарий. И вот во сне я проживаю некую виртуальную жизнь, которая вроде не материальна, но в то же время реальна. Очень реальна. Я вижу то, что не было реализовано, но что могло бы произойти в прошлом или будущем. Получается, что та сцена с автоматами могла быть? Или была? Или еще будет? А та, возле дома? Та была или нет?! Вопросов еще масса... Но самое интересное, что во сне я не контролирую ситуацию, а принимаю все как должное. В таком случае сновидение действительно далеко не иллюзия...».

Да, подумать есть о чем. Но сидеть под палящим Солнцем уже не вмоготу. Да и пора действовать, в конце концов. Игра продолжается.

Встав на ноги, он еще раз внимательно окинул взором «доску».

Что-то на ней изменилось, буквально за последнюю минуту и он старательно вглядывался в пейзаж, пытаясь определить, какая из фигур сдвинулась с места. Каким образом сдвинулась – это уже вопрос второй.

Минуту-другую он напряженно, до рези в глазах рассматривал холмы и, наконец, увидел перемену. Один из черных камней переместился на «клетку» вперед, прикрывая своего собрата, вырвавшегося дальше всех.

– Я иду, Мессир! – закричал он радостно. Настроение у него, почему-то улучшилось. – Офицеры рвутся в бой! Вперед! За нами Путин и Сталинград! – к чему он проорал последние слова он и сам не понял. Вспомнилось же. Верноподданнический всхлип стихотворца.

Наполненный отличным настроением, не ощущая простреленной руки, он несясь с холма, ловко перепрыгивая через возникающие под ногами препятствия. Следующий ход был понятен и хитер. Оставалось его сделать.

Промелькнувшая перед глазами тень заставила его резко притормозить. Какое-то живое существо петляло в траве, высоко выныривая из нее при каждом скачке и стремительно убегая за горизонт.

– Ну, если он бормочет себе под нос «бедные мои усики, бедные мои лапки и что скажет Герцогиня...», – проговорил он, срываясь с места за..., ну за кем же еще, за Белым Кроликом конечно!

Кролик, словно напуганный чем-то до смерти, мчался не детскими прыжками на огромной скорости, как будто за ним гналась стая волков.

– Постой, паровоз! Не стучите, колеса! – он подбодрил себя, стараясь достигнуть максимального ускорения в гонке по пересеченной местности за столь любимым животным.

Кролик еще прибавил ходу, и ему пришлось напрягаться изо всех сил, пытаясь не упустить того из вида в высокой траве. Спасало то, что глупый ушастик петлял, как и полага-

ется, а он мчался напрямик, сокращая дистанцию.

Если бы, какой залетный тренер стоял сейчас на возвышенности с секундомером, то можно было быть уверенным, что минимум КМСа по бегу на короткие дистанции он сдал.

– Можно помедлен-н-н-нее, я зап-п-п-писыв-в-в-ваю, – прокричал он фразу незадачливого собирателя фольклора, но кролик, похоже, только прибавил в скорости. – Вот же шустрая зараза!

Они мчались по полю, не разбирая дороги и удаляясь все дальше от «шахматной доски». Он только-только успевал водить глазами за мелькающими над травой то справа от себя, то слева, длинными ушами, боясь потерять своего проводника, как шуршание травы и явление этих путеводных знаков прекратилось.

Сбросить резко скорость не удалось, и он пробежал по инерции еще, наверное, с десяток метров, прежде чем открыл рот с намерением грязно выругаться, ибо кролик провалился как сквозь землю.

Первое слово застряло в горле, не успев родиться, в тот момент, когда твердая поверхность под ногами исчезла, и он рухнул в...

ГЛИССАНДО²²

«Я хотела влезть поглубже, зацепить любовь и душу...»

Он падал в темноту, успев инстинктивно выбросить вперед руки, что здоровую, что больную. Ожидание удара о дно ямы заставило напрячь все мускулы, хотя, как всем известно, падать лучше, полностью расслабившись. Но это получается только у пьяных.

Прошла секунда, две..., пять..., а удара все не было.

– Ну не яма, а ловушка для слонopotама, хе-хе, бездонная она что ли?

«Бездонная яма... бездонная... ну, конечно же! Я падаю в кроличью нору, как Алиса. Не, правда, все повторяется», – он не знал, плакать ему или смеяться, – «и вылечу я на другой стороне Земли, где люди ходят вверх ногами».

Бредовое предположение заставило его улыбнуться. Впрочем, оно было не более бредовым, чем очередная дурацкая ситуация, в которую он влип.

Падение длилось и длилось, но вопреки законам физики скорость движения вниз ощутимо уменьшалась, как будто он попал в какой-то антимир.

– Когда-то же это должно закончиться? – глубокомысленно задал вопрос сам себе. Других достойных собеседников не было. – Хорошо бы упасть во что-нибудь мягкое, и приятное, гм, ну скажем...

Он попытался представить, во что такое можно упасть, даже мечтательно прикрыл один глаз и... с оглушительным всплеском рухнул в водоем.

Переход из одной среды в другую был настолько неужи-

данным, что он даже не успел ахнуть, как перед широко раскрытыми глазами возникла мутная зеленая вода.

Пытаясь остановить погружение, он судорожно замолотил руками и ногами, и, отфыркиваясь, как кашалот, вынырнул на поверхность.

– Заросла глубокой тиной, гладь старинного пруда... тьфу, – выдул изо рта остатки воды, – хотя это больше смахивает на болото. Нет, чтобы упасть в бассейн с длинноногими красавицами, так нет же, все мои подружки, пиявки да лягушки, фу какая гадость, э-эх! – захотелось грязно и втиевато выругаться.

Повертел головой, знакомясь с новой обстановкой и прикидывая в уме как из нее лучше выбираться.

Ближайшие заросли камыша расположились в метрах тридцати прямо по курсу, и он, стараясь особо не баламутить грязную воду, потихоньку погреб в их сторону.

– Пить хотели? – съязвил над собой. – Вот и пейте на здоровье. Губит людей не пиво, губит людей вода.

²² Glissando – скользя

Почувствовал ногами дно и, хватаясь за стебли камышей, осторожно вылез на берег, прямо к небольшому столбику.

С него, как с гуся, текла и текла вода, образуя приличных размеров лужу под ногами. И откуда ее в нем столько?

Он провел рукой по лицу, стирая тину, снял с головы, свисающие над ухом водоросли и, обойдя столбик, тихо опу-

стился на красивую, изумрудного цвета траву.

Вбитый в землю аккуратный колышек с прикрепленной к нему фанеркой, был похож на те, что ставят на каких-нибудь образцово-показательных огородах, обозначая, какая культура где растет. Но вместо надписи «Картошка» или «Моркошка» на табличке, довольно корявым почерком было выведено:

ДЭЗ

– Что еще за Дез? – он прочистил залитое водой ухо и потряхнул головой. – Какой, на хрен, дэз!

Очередная шуточка что ли? Достали уже, – раздраженно процедил, ковыряясь в кармане.

О том чтобы закурить не было и речи. Вылив воду из размякшей пачки, он бросил ее под ноги.

Приходя понемногу в себя, и малахольно пялясь на надпись, он почувствовал щелчок в мозгу и все тут же встало на свои места.

«Там-парарам-парарам, это ведь никакой не дэз. Это... это Д-3. Вот значит, куда я походил офицером. Ха-ха. Остроумно», – мерзко ухмыльнулся в ответ на оригинальную надпись.

Ободренный догадкой, но, тем не менее, с тяжелым вздохом поднялся и окинул взглядом окружающий пейзаж.

К берегу несравненного водоема почти вплотную подступал не менее чудный лесок, окружая тот со всех сторон.

– Ну, и что на этот раз? Сказка про Красную Шапочку или про Семерых козлят? Или Трех поросёнок? Кто там еще у нас по лесам шляется неприкаянным? Да, кстати, поесть бы что-нибудь не мешало. С утра маковой росинки, что называется, во рту не было.

Пустынный берег даже отдаленно не походил на курортный пляж, поэтому рассчитывать на массу заведений шашлычно-чебуречного характера не стоило, что, несомненно, добавило ему оптимизма.

Воспоминание о еде, как это часто бывает, тут же вызвало острый приступ голода.

«Хочешь есть – ляг, поспи и все пройдет. Древняя студенческая мудрость. Вот только спать я не хочу, освежился уже, в полный рост. Спасибо. Какой еще способ был? Покурить. Тоже не прокатывает, курить нету. Да...», – невесело усмехнулся.

Торчать тут и дальше, слушая мерзкое кваканье лягушек и зудение комаров, было бессмысленно. Надо двигать.

Он отжал, насколько смог, одежду и почувствовал, что что-то не так. Рука. Левая рука прекрасно себя чувствовала. Пошевелил пальцами, потом осторожно подвигал плечом. Странно, но никаких болезненных ощущений.

«Однако, гм. Зажило как на собаке. Оказывается, Ангелы тоже ошибаются, обошлись и без свадьбы», – зло рассмеял-

ся.

Под его ногами, начинаясь прямо от колышка с табличкой, убегала в лес, извиваясь, как змейка, узкая тропинка.

Явное предложение, слишком явное.

– Ну, уж нет! Дудки! – ядовито пропел он. – Надоело мне играть по чужим правилам. Вот фиг вам, по этой дорожке я не пойду. Не дождетесь.

Развернувшись, он пошагал вдоль берега, поглядывая одним глазом под ноги, а другим, рассматривая зеленые насаждения. С кем, как говорится, поведешься, от того и окосеешь.

Лес не был слишком густым. Он собственно даже больше смахивал не на лес, а на искусственно высаженную рощу. Деревья уходили вдаль стройными, параллельными рядами. Проходы между ними порядком заросли мелким кустарником, но все же было заметно, что лес ненастоящий.

– Дивная березовая роща, – хмыкнул. – Из полей, доносится, налея. А я иду, шагаю по траве. И я пройти еще смогу. Только куда вот? Помнится «волшебный» камень мне поведал не так давно, что если налево пойдешь – Королеву найдешь. А она то мне и нужна. Тогда без вариантов. Налево.

Свернув под деревья, и осторожно переступая через торчащие тут и там коряги, отводя рукой кусты, он осторожно двинулся по просеке.

По мере его углубления в лес, лиственные деревья постепенно стали сменяться хвойными. Сначала шли одни березки, потом они же, вперемешку с сосенками, а потом... По-

том начался настоящий дремучий лес из русских народных сказок. Именно по таким лесам скакали серые волки, таская на себе царевичей, спешащих найти нужные артефакты, лазали Красные Шапочки, за каким-то, гм, фигом. Будто приличным девочкам больше негде погулять. Ну и масса других персонажей. Не всех к ночи стоит упоминать. Мало ли что. Хоть сказка и ложь, да намеков в ней пруд пруди.

Стало темнеть. На то было две причины. Во-первых, деревья стали гуще, во-вторых, небо, нет-нет да все же мелькавшее меж верхушек высоченных сосен менялось на глазах, превращаясь из бледно-голубого в иссиня-черное, какое-то апокалипсическое.

Резкий раскат грома заставил его вздрогнуть. Минута тишины – и хлынул дождь. Не постепенно, а сразу, стеной. Вспыхивающие росчерки молний на доли секунды освещали притихший, замерший, будто в испуге, лес. Небесный грохот вторил им, оглушал и постепенно стихал, чтобы через несколько мгновений вернуться снова.

Густые кроны лесных красавиц, не смотря на свою пышность, не могли служить зонтиком, даже дырявым. Он моментально промок до нитки, как пресловутый заяц, приклеившийся к скамейке, хотя и до этого не отличался повышенной сухостью.

«Опять ушастики», – невесело вздохнул, – «сколько можно уже. Всё, будем думать о хорошем».

Попробовал представить что-нибудь хорошее, но оно как-

то не вырисовывалось. Вырисовывалось другое. Шум дождя, потянул за собой цепочку ассоциаций и вытащил из памяти красивую мелодию и пронзительные слова одной любимой песни.

Продолжая пробираться сквозь «волшебный» лес, вытирая с лица ручейки воды, он вполголоса запел:

*Сложно признаться себе в этом промахе Выдохнув
сердце на лед*

*Вырваны запонки, запахи сломаны Вывихи мертвой
петлей*

*Мы убегаем во всех направлениях Режем на точки
маршрут*

Это болезненное отступление Лезвим под кожуру...

«Болезненное, это точно...».

*Где-то моя любовь В жарких Сахарах Где-то моя любовь
Цедит зеленый чай Не отвечай на боль Времени мало
Не отвечай на боль Шепчет, не отвечай...²³*

Дождь продолжал литься как из ведра. Идти стало тяжело, ноги скользили по мокрой земле, и он хватался, за что придется, чтобы не растянуться.

– Ну, и где же Моя Любовь? В такое время суток и при такой погоде лучше всего сидеть дома, закутавшись в плед и баловаться коньяком. Впрочем, она его не пьет. Да и пледа

у нее нет, – он грустно усмехнулся и потряс головой как собачонка. Волосы от этого суше не стали, количество падающей с небес воды на данном отрезке времени, было константой.

– Ошибочка вышла, гражданин начальник. Чую, это у меня «не день Бэкхема», а не у Алисы. Сплошные приключения, прыжки и пробежки, плавание и обливание водой. Спортивное многоборье,

²³ Автор песни Мара Кана

хе-хе, – он ехидно улыбнулся сам себе. – Спорт, это не погоня за рекордами, как сказал «дарагой» Леонид Ильич.

Как-то резко дождь прекратился, вот он был, и вот его сразу нет. Также резко закончился и лес.

Он оказался на краю поляны, в центре которой расположилась просто сказочная в своем изяществе избушка.

– Будет ночь в небесах, будет терем в лесах, будешь ты со мной..., – пробормотал растерянно- удивленно. – И доволен, останется тот, гм, кто ее найдет, – закончил, немного переиначив, цитату.

Приблизившись к избушке, он осторожно обошел ее по кругу.

Теремок оказался не сказочным. Никаких там курьих ножек и подобных им деталей в его конструкции не было.

Обычная, если можно так выразиться, русская изба. Не большая не маленькая. Свежие бревенчатые стены, резные наличники на окнах, аккуратное крылечко, соломенная крыша с трубой.

Принюхался. Кроме тонкого запаха смолы, никаким живым духом не пахло. Не живым впрочем, тоже.

«Там-там-там-там, там-там-там-там, там-там-там. Парарарарам-пам-пам», – заиграла в голове заставка к советскому сериалу про английского сыщика-любителя и его друга-лекаря. —

«Подозрительно новенький домик, а? Будто только что срубленный».

На цыпочках, ну, насколько позволяли острые носки его обуви, он взошел на крыльцо, приблизился к двери и резко пнул ее ногой. Ноль эмоций. Пнул еще раз. Результат тот же.

– Тьфу ты. Табличку надо вешать – «На себя» или «От себя». Сменив вектор своего воздействия на преграду, потянул за ручку.

Дверь с тихим мелодичным скрипом приоткрылась. Никаких других звуков за этим не последовало. Выдержав паузу, он осторожно протиснулся в узкий и низкий проем, поводил глазами по сторонам и окончательно вошел внутрь.

Маленькая, чисто прибранная комната, светелка, что называется. Русская печка, стол, лавки.

Собственно и все. Да нет, пожалуй, не все...

Посреди стола стояла шахматная доска. Та самая, из баш-

ни или зала, где началась эта безумная Игра непонятно на что.

Вздыхнув, он устало опустился на скамью, с неприязнью посмотрел на доску и подпер голову руками:

– Не, я так не играю. Что за дела. Ни покормить, ни там, в баньку сводить, сразу быка за рога.

Фигушки, есть хочу!

Развернулся к печке, пошарил по ней глазами, но кроме пустой плиты ничего нового не увидел.

– А где дежурный горшочек, хоть с медом что ли, – соорил плаксивую физиономию, – я бы

сейчас и медку навернул, как за здрасти. Э-эх, – преувеличено-грустно всхлипнул. – Сказки закончились. Хоть бы сусеки, какие были, можно было бы по ним поскрести. Знать бы еще только как они выглядят, эти самые сусеки.

Еще раз осмотрел скромную обстановку приюта для заблудившихся путешественников.

Никаких признаков еды не просматривалось. Обидно.

Взгляд настойчиво вернулся к печке, и внимательно изучив ее сверху донизу, замер на закрытом поддувале.

– Ну кася, ну кася, – тихо пробормотал, – кто не верит, тот проверит. Подскочив с лавки, он метнулся к дверце.

– Есть!

Большой шматок сала, посыпанный крупной солью, хороший ломоть хлеба и кувшин с молоком, покрытым толстой

каймай подняли настроение на заоблачную высоту.

– Сало как сало, и чего его пробовать, – вспомнил старый анекдот.

Кусая попеременно нежнейшее и свежайшее лакомство и душистый черный хлеб, запивая трапезу молочком, он быстро набил пустой желудок и вскоре ощутил растекающееся по телу блаженство. Как мало нужно человеку для счастья.

– Так, есть не хочу, пить тоже не хочу. Согреться бы вот, да только чем печку растопить. Откуда дровишки, – сыто улыбнулся, – из лесу, вестимо. Лес есть, топора нет, спичек впрочем, тоже. Инженерная задача получается. Имеем печку и не имеем к ней полагающихся аксессуаров. Недоработка, хозяин. Или хозяйюшка?

Не успев закончить фразу, он услышал новый звук. Шаги. Легкие, почти неслышные. Но обостренное восприятие их уловило. Бесшумно прокравшись на цыпочках, он встал за дверью.

Шаги приближались. Вот послышался стук ног о порожек, дверь скрипнула и в избушку вошла человеческая фигурка с охапкой дров в руках. С грохотом, бросив их возле печки, фигурка небрежным движением скинула с головы капюшон и тряхнула головой, освобождая длинные белокурые волосы.

Он замер с отвисшей челюстью, но, быстро придя в себя, поставил ее на место, и негромко промурлыкал:

– Не плачь Алиса, ты стала взрослой...

Фигурка испуганно обернулась и вскинула на него расширенные от удивления или страха голубые глаза.

– Здравствуй, девица-красавица. Вот мы и встретились, – он придал своему голосу должную шармовость и улыбнулся самой очаровательной улыбкой. – Извините, что без приглашения, так уж получилось, бес попутал. Белый такой, с ушами. Не пробегал?

Испуг на лице девушки сменился недоумением:

– Вы кто? Мы разве знакомы?

«Вроде она. Нет, точно она, без сомнения, но почему не узнает, хотя...», – он быстро сориентировался и совершенно серьезно сказал вслух:

– Бонд. Джеймс Бонд, – получилось не хуже, чем у известного исполнителя, получившего титул СЭР. Слегка улыбнулся и продолжил:

– Не обижайтесь, шучу. У меня сегодня тяжелый день. Олег, просто Олег. А как Вас зовут?

– Алиса, – произнесла она негромко, и он почувствовал уже слышанный, едва уловимый акцент.

– Алиса..., – повторил за ней, – какое чудесное имя, и главное редкое. Да и Вы просто красавица.

Девушка скромно потупила глазки, и чуть было не присела в реверансе, смущенно покраснев по самые свои маленькие ушки от незатейливого комплимента.

– Если у Вас есть спички, а в придачу и сигареты, – восторженно посмотрел он на нее.

– Конечно, есть, – девушка вынула из кармана плаща искомые предметы и вскоре, от его хозяйственных усилий, печка весело загудела, и теплый воздух стал наполнять комнату.

«Вот интересно, откуда в мокром лесу, после проливного дождя могли взяться совершенно сухие дрова», – думал он, подбрасывая поленья и жадно затягиваясь сигаретой.

*Вышло так, что я не знаю Кто наследственный хозяин
В этом шапито*

Только что-то здесь не чисто

И мои эквилибристы гибнут ни за что

«Что-то здесь не чисто, это точно».

Хоп. На прощанье улыбнемся

*Эта жизнь сплошной прямой эфир Хей хоп. Мы сегодня
оторвемся На тебя сегодня смотрит Одноразовый, но целый мир*²⁴

В первый раз у него мелькнула мысль, что всё это – гигантская постановка. Огромная съемочная площадка. Шоу в реальном времени. Слишком все продумано. И реквизит, и костюмы и ситуации. А он выступает в роли главного героя, эдакого подопытного кролика. Но высказывать свои подозрения пока не хотелось.

Лучше немного подыграть «партнерам» по площадке, а там... там видно будет.

– Я тут без Вас поужинал, уж простите, так есть хотелось, – извинился, поворачиваясь к хозяйке.

²⁴ Автор песни Павел Кашин

– Да на здоровье, – пожала та плечами. – Мне не жалко.

А почему мы на Вы?

– С удовольствием перейду на Ты, жаль выпить нечего за это..., – многозначительно протянул. Алиса слегка подняла тонкую изящную бровь:

– Почему же нечего, у меня все есть. Присаживайся, просто Олег, – усмехнулась.

Подойдя к неказистому шкафчику, который он непонятным образом до сих пор не заметил, девушка достала из него пузатый хрустальный штоф и две серебряные, украшенные объемными рисунками, чарки. Присев напротив него, выставила всё на стол.

– Вот, наливай.

Мельком глянув на нее, он быстро наполнил чарки прозрачной жидкостью и пододвинул одну хозяйке «сказочно-го» теремка:

– Прошу, мисс.

Они подняли бокалы, и он, улыбнувшись, двинул свой любимый тост:

– Здоровы будем, бояре.

Подмигнув, чокнулся с ее чаркой, издавшей малиновый

звон, и залихватски тяпнул. Огненная жидкость мгновенно обожгла горло, от ее резкого вкуса перехватило дыхание.

«Ничего ж себе! Нынче барышни джином балуются, в чистом виде?!», – едва сдержался, чтобы не распахнуть от неожиданности рот и не стать остужать его ладошкой.

Алиса, быстро глянув на него из-под ресниц, повторила своим мелодичным голосом:

– Будем. Здрaвы.

Сделав маленький глоток, опустила бокал. Спросила, с иронией:

– Ну, как?

– Сильно, – повел головой. – Джин без тоника это сильно.

Ты так пьешь? Она пожала плечом.

– М-да. А я вот в основном коньяк предпочитаю. Ну что ж, раз у вас больше ничего нет... повторим?

Девушка молча кивнула.

Он наполнил снова свою чарку до краев (пить, так пить) и слегка обновил её.

– Давай, Алис. За встречу и за знакомство!

В ответ только легкая улыбка и маленький глоток.

После второй в голове у него зашумело, стало тепло, уютно, захотелось расслабиться и ни о чем не думать.

– Ты умеешь играть в эту игру? – Алиса показала глазами на доску.

– Да, я только этим и занимаюсь в последнее время, – взглянул на поле и не сразу, но заметил небольшие перемены

в диспозиции. Черный офицер сделал шаг вперед.

– И кто сейчас ходит? – слегка опьяненный он не смог уловить явную заинтересованность в ее голосе.

– Сейчас хожу я, и хожу я... м-м-м... Белой Королевой. Ты пойдешь налево, а я пойду направо, ты ведь королева, ты имеешь право на любой ход, – мотивчик из фильма про серебристый цветок точно отразил его намерения.

Аккуратно ухватив фигуру за корону, он передвинул её влево, по диагонали, на белое поле.

– Пожалуй, вот так, – поднял глаза на Алису и невольно вздрогнул от пронзительного взгляда.

Поморгал, изображая растерянность, и спросил, нарочито испуганно:

– И что Вы на меня так смотрите?

– Как так? – Алиса хитро улыбнулась. Что-то очень знакомое на миг проскользнуло в этой улыбке и исчезло.

– Да так, что хочется покраснеть, но не помню, как это делается. Смущаешь ты меня, – сказал он, игриво поводя бровями. – А давайте пойдём к Alice? – и сам себе рассмеялся, донельзя довольный собственным своеобразным юмором.

– А что это за девочка, и где она живет? – Алиса легко и непринужденно отбила его подачу, включившись в шутиливую игру.

– А вдруг она не курит, а вдруг она не пьет, – его уже

просто плющило и колбасило от веселья.

– Да уж, только зачем куда-то идти, я же здесь, – многозначительно добавила девушка вполголоса.

– Здесь? – переспросил удивленно. – Только ты ли это? потупилась

– В смысле? – она недоуменно вскинула глаза.

– Боюсь показаться навязчивым, но хочется таки спросить, не тебя я сегодня чуть не сбил машиной? Надеюсь, ты не очень ушиблась, – повторил он вопрос, заданный, ну скажем не так давно, другой барышне, похожей на Алису как две капли воды (пардон за банальное сравнение).

– А, ты об этом... Это была я, – девушка смущенно потупилась.

– Вот как значит..., – пробормотал он, пытаясь собраться с мыслями. Выпитые двести грамм джина этому явно не способствовали. – И, может быть, ты мне объяснишь, что происходит?

– Что происходит...? – как эхо откликнулась его загадочная собеседница.

– Ну, как что! Белые Кролики, ключи всякие, это шоу странное... Да, кстати о шоу, – он помедлил. – Хорошо, что вспомнил. Скажи мне, Алиса. Это ты выступала на нем? Или очередной твой двойник?

– У меня нет двойников, Олег, – она пригубила свой бокал. – О ком ты?

– Да, неважно, – он махнул рукой, – так ты выступала?

– Я, а что? Тебе не понравилось?

– Да нет. Понравилось. Почему же. Красиво. И где ты такому научилась? Летаешь над сценой, меняешься на глазах.

Она слегка развела руками, мол, умею, что ж мне теперь делать.

– Хитрые фокусы? – усмехнулся. – Ну да ладно. Почему оно так называется?

– А что тут такого? Название как название. Анти-Лопы. Я придумала.

– Анти-Лопы или Анти-Лоры?

– При чем здесь Лоры? Лоры ни при чем.

– Стоп, Солнце, – он прищурился, глядя на нее с недоверием. – Что значит здесь? Ты... Лоры знаешь??

Алиса молчала, старательно отводя глаза в сторону.

– Так-с, – протянул, пытаясь откинуться на несуществующую спинку лавки, но вовремя спохватился и не успел кувырнуться. – Что-то становится понятным, хотя все равно, честно говоря, ни черта не понимаю! Лоры, Анти-Лоры... бред, ей-Богу!

– Вовсе не бред, – возразила девушка, подняв на него из подлобья свои голубые глаза. – Просто ты попал в Игру.

Он замер с открытым ртом, надо сказать не в первый раз за «сегодня», при этом краем сознания успел поймать заблудившуюся мысль: «Еще одна блондинка смешала карты мне... так, кажется, Кузя поет. Блондинка с голубыми глазами. А какие они у нее утром были?».

– Какую Игру?! Что за Игра такая развеселая?! За каким чертом я бегаю с утра, как придурок, за Белым Кроликом!

– А тебя разве кто принуждал за ним бегать?! – с вызовом спросила Алиса, вскинув голову, – это был Твой выбор. Ты мог спокойно сидеть в своем кожаном кресле и дальше. Делать свои супер-важные дела, любезничать с любимой секретаршей. Глушить свою тоску... сам знаешь по ком... коньяком по вечерам. Бегать в своем замкнутом колесе, по кругу. Так почему же ты свернул в сторону? Скажи!

Он немного опешил от ее слов.

«А ведь она права. Я мог просто посмеяться над забавным происшествием, да и только. И тут же забыть о нем. Хотя, стоп. А телеграмма?».

– Хорошо. Допустим. А телеграмму кто прислал? Про апельсины? И Чебурашку? Не ты?

– Телеграмму..., – она мягко улыбнулась. – Это была просто шутка.

– Шутка. Угу. Класс! Кто ж у нас такой шутник интересно?! Ладно. Так что там с Игрой?

– Что с Игрой. Ты в нее уже играешь. Ход ты сделал. Теперь ход Черных.

– Я не про шахматы, Звезда Моя. Не увиливайте, пожалуйста.

– Звезда Моя, почему Вы целуетесь? Ты это имел в виду? – Алиса засмеялась. – Или звезда пленительного счастья? – у нее получилось так мило и непосредственно про-

изнести это, что он непроизвольно широко улыбнулся, зараженный ее заливистым смехом.

– Ага. И то и другое. В чем же смысл Игры?

– Ты Ангела видел? Она должна была тебе сказать... Или не сказала, – еле слышно добавила девушка.

– И Ангел в деле. Замечательно, – процедил он. – Ловко. Кто ж режиссер?

– Да какая разница уже, Олег. Ты в Игре! И выйти из нее не можешь. Надо пройти ее всю и только тогда...

– ЧТО ТОГДА? ЧТО????!!! – он едва не стукнул кулаком по столу, но сдержался. – Скажи? – добавил уже более миролюбиво.

– ... и тогда твои яблоки упадут в небо..., – тихо произнесла Алиса.

Он замолчал. Потом нарочито небрежно и спокойно достал сигареты, закурил и выдохнул в сторону длинную струю дыма.

«Сначала были апельсины. Теперь яблоки. Следующий заход будет с манго. Или киви. Фруктовый сад, блин. Любимый, потому что вкусный», – мысленно передразнил известную звезду телесериала.

– Ты не ответил на мой вопрос, – Алиса опять пристально на него посмотрела, в то время как теперь он отводил взгляд от нее.

– Почему я побежал за Белым Кроликом? – усмехнулся, глядя в окно. – Не был бы он настолько симпатичен, фиг бы

я за ним побежал. Интересно стало. Вот и все. Захотелось разобраться в этой странной шутке. И вот доразбирался, похоже. Сажу на неведомой опушке в миленькой избушке и разговариваю непонятно с кем и о чем. Хотя почему же неизвестно с кем. Алиса Белова, это же ты? Так? У тебя даже фамилия анти... Лорина. И откуда вы все знаете только? Об этой истории знает всего... – он мысленно подсчитал, – два-три человека, в разной степени осведомленности.

– Если о тайне знает двое, о ней знают все, – вздохнув, проговорила девушка.

– Вот так даже... – медленно произнес он, снова закипая.

– Олег, – она накрыла его руку своей. – Ну, чего ты дуешься? Все вокруг стараются ради тебя.

Ради нас. Вас, – быстро поправилась. – А ты... Ты хочешь сдать?

Ему показалось, что он ослышался.

«Ради нас?? Интересно девки пляшут... Кто она такая на самом деле? Что это за девушка, которая все знает?».

Но вместо того, чтобы задать этот преждевременный, пока, вопрос, он злорадно улыбнулся и повернулся к Алисе:

– Сдать? Нет уж. Фигушки! – мысленно скрутил дулю своему невидимому оппоненту. – Русские не сдаются, – деланно рассмеялся. – Это не наш метод. Партию эту я выиграю. И дверь найду. И открою ее. Пусть даже без ключа. Очередного. Надо пройти ее всю, да? Чтобы увидеть некие яблоки? Пройду, – протянул уверенным тоном. – Так пройду,

что всем тошно станет. Или смешно, что скорее. Вот теперь уже совсем интересно. Все говоришь, стараются... Кто все. Ты, Ангел? Кто еще? Анастасия? Не знаешь такую? Ольга? Она ж тоже в вашей теплой компании, да? А может сама «главная героиня»? У? Жил я скучно, это да, зато теперь повеселюсь. Ну, и что там дальше у Вас в сценарии?

– Не у нас, у тебя, – примиряющим тоном ответила девушка. – Не спеши. Всему свое время.

Игра продолжается.

– Show must go on? О key. Ход черных? Отлично! Я жду! Кто будет ходить? – все-таки он злился, сам, не зная на кого. На себя, скорее всего. На кого еще?

Алиса помолчала, потом тихо сказала:

– Ты знаешь, Олеж, давай поговорим об этом утром. Хорошо? А сейчас спать пора. Я тоже очень устала.

– Спать? – удивился. – А как же..., – он не успел еще сформулировать следующую фразу, вернее подобрать для нее подходящий тон, как действительно... заснул. Вырубился. На ходу, практически стоя, как боевой конь. Закрыв глаза, упал головой на руки и провалился в сон.

ЭКСПОЗИЦИЯ

«Четыре жизни потерял Четыре чуда увидал...»

...Сознание вернулось к нему вместе с жуткой болью. Он поморщился и попытался открыть глаза. С третьей попытки это удалось.

Черная, пахнувшая сыростью земля, с крупинками редко рассыпанных снежинок, таящих под крапающим мелким-мелким, едва ощущаемым дождем. Мыгычкой.

«Какая красота... дождь идет я одна, на тротуарах пузыри... Я считаю их, я не знаю вас.

Больше...».

Осторожно перевернулся на спину.левой руки как будто не было. Сунувшись под куртку здоровой рукой, ощутил горячую жидкость, пропитавшую свитер насквозь.

Загреб ладонью снега и прижал к ране. Тот начал таять и потек ручейками. Закусив губу от боли, он осторожно сполз с обочины. Мешал автомат, тащить себя и его одной рукой было тяжело.

Опустившись вниз, к предлесью, он жадно натолкал в рот снега. Жажда мучила не меньше раны. Потом собрал большой комок и сунул под свитер.

Занимаясь столь важными делами, он даже не обратил внимания на окружающую его тишину. Откинувшись

на спину и тяжело дыша, прислушался, но кроме собственного дыхания ничего не было слышно.

– Там умерли все что ли? – даже усмехаться было больно, – кто-то же в меня попал. И куда делся после этого? Впрочем, какая разница, – вяло поморщился.

Неуклюже закинув автомат за спину, пополз дальше в лес, зарываясь в мокрый снег, слой которого был небольшой, так что он бороздил животом грязь.

«Челюскин» во льдах», – черный юмор его не оставил.

Медленно пробивая борозду в снегу, дополз до деревьев, и с трудом приподнявшись, откинулся спиной на ствол ближайшего из них. Положил автомат на колени, дернул магазин. Вышелкнул патроны. Три штуки.

– Любовь моя, дай патроны, – усмехнулся и закашлялся, – вдруг... кхе... кто-то, кто-то испуг свой... на землю... кхе... уронит..., – остановился, пытаясь успокоить рвущуюся наружу душу. – Дыши любовь... моя ровно... они... ничем нас не тронут... пока мы тихо уходим..., – замолчал. Медленно покатал патроны в пальцах и загнал обратно.

«Сейчас..., немного передохну и поползу дальше».

Он нагребал и нагребал снег, пытаясь охладить горящую огнем рану. Боль стала пульсирующей, отдаваясь резкими толчками. Тело все горело. Прижав замерзшую руку ко лбу, почувствовал, что стало чуть легче. Прикрыл глаза.

«Сейчас, сейчас еще чуть-чуть и пойду, в смысле побороздию, как космические корабли в просторах вселенной, только

моя вселенная чуть поменьше».

Собравшись с силами, забросил автомат на спину и снова пополз вперед, вернее, в том направлении, в котором должна была бежать она.

Следов на снегу нельзя было разглядеть, он был рыхлый, и даже если они и были здесь, то перемешались с естественными проплешинами.

Он полз, вспоминал знаменитый роман о летчике без ног, иронично над собой посмеивался, впрочем, без всякой мимики, сил на нее не было. Сравнить себя с тем героем конечно очень грубо, но что-то общее у них было.

Никто его не преследовал, не бежал за ним с матерными криками, не стрелял. Никому он оказался не нужен.

«Иногда это очень полезно для здоровья, быть не нужным. Никому. Буду знать. На будущее». Ползти уже порядком надоело, но и не ползти нельзя.

«Не замерзнуть же здесь, это будет негуманно, по отношению к себе».

Еще какое-то время он пытался пробираться вперед, сосредотачивая все внимание на движении, чтобы отвлечься от боли, но мышцы уже не слушались.

Уронил голову в снег.

«К черту. Хватит. Полежу. Потом. Дальше».

Снег приятно охладил пылающее лицо. Ничего не хотелось. Совсем.

Перед закрытыми глазами вспыхивали и гасли виденья

прошлого. Их с ней совместные прогулки, безумства, шалости. Остановившиеся мгновения нежности. Серьезные разговоры. Смех и слезы...

«Когда я буду не в себе...», – запульсировало в голове, – «и будет лето... Когда то же будет лето. Долгое, мучительное лето... Будет...», – улыбнулся и провалился в полусон-полужавь.

Когда я буду не в себе и будет лето

*Я вдруг исчезну ни ответа, ни привета И все поймут, что
моя песня спета Забудут жизнь, запомнят смерть поэта*

«Запомнят, как же. Ага...».

*А мы спускаем жизнь на тормозах Мы засыпаем с улыбкой
на губах Мы поменяли наши адреса*

На Северный и Южный Полюса

«Хорошая фраза, как ни крути – спускаем жизнь на тормозах».

*И это будет долгое мучительное лето И будет много
жизни, много света*

*Ведь тайный смысл счастливого билета Поймёшь, когда
умрёшь за это*

«Умрешь, умрешь, когда ты умрешь...».

*А мы спускаем жизнь на тормозах Мы засыпаем с улыбкой на губах Мы поменяли наши адреса
На Северный и Южный Полюса*

Звук. Посторонний звук, издаваемый не им, вернул его из «галлюцинаций».

Он притих, едва дыша и пытаясь понять с какой стороны к нему приближается его источник.

Звук замер возле него, прямо по курсу. Выждав несколько секунд, он медленно, с трудом поднял голову и...

*Всё прошло и никто не заметил
Никто не вспомнил две тысячи третий Где были мы
и кто был с нами
Какие девушки с какими волосами*

В глаза смотрело дуло автомата. За ним, за этим черным отверстием в ту сторону Земли... Распахнув глаза, насколько возможно, он сморгнул, пытаясь прогнать страшное видение.

Перед ним, с очень жестким и даже злым выражением лица, сжав губы и нехорошо прищурившись, стояла Лариса, направив автомат ему в лицо...

А мы спускаем жизнь на тормозах Мы засыпаем с улыбкой

кой на губах Мы поменяли наши адреса

*На Северный и Южный Полюса*²⁵

ДЕЧИЗО²⁶

*«Я открываю двери в сон, а за дверьми ни ад, ни рай,
а только...»*

Сначала ему показалось, что он лежит в собственной постели. На него ничего не капало, что уже было хорошим знаком. В последнее время как-то вот все по мокрому просыпался, а тут вдруг сухо и комфортно.

Не открывая глаз, подумал: «А вот просплю, и в школу не пойду».

²⁵ Песня группы «Смысловые галлюцинации»

²⁶ Deciso – решительно

Улыбнулся почти забытой шутке и осторожно приоткрыл правое веко. Брови сами по себе полезли вверх, и левый зрачок волей-неволей присоединился к своему собрату, чтобы разделить с ним избыток впечатлений.

В избушке царил полный погром. Тут собственно и ломать то было нечего, но кто-то все равно очень постарался. Только что печка целой осталась, наверно у налетчика кувалды не было подходящей.

Он попытался сесть на пол, на котором оказывается, лежал. Но одна маленькая деталь мешала ему.

Потряс головой:

«Может, я еще не проснулся? Да нет».

Интересное кино – руки были скованы за спиной наручниками.

– Обалдеть, – ошарашено огляделся. – Это ж надо было так заснуть крепко. Лавки в щепки, стол в руинах, а я ничего не слышал.

Поверх кучи дров, в которую превратилась скромная мебелировка комнаты, стояла целехонькая шахматная доска, но не она сейчас привлекла его внимание. Плащ, в котором пришла Алиса, изодранный в клочья, валялся на полу. Это все что от нее осталось.

– Что тут было? Мамай заблудился? Кого еще занесло к черту! Где Алиса?

Такое впечатление, что в дом ворвался внезапно возвратившийся из командировки ревнивый муж и в ярости разнес всю обстановку. Заодно заковал подвернувшегося под руку незнакомца и исчез, забрав «жену» на перевоспитание.

– Нечего рассиживаться, надо теряться, пока никто не вернулся. Тьфу ты черт. Наручники! – зло рассмеялся. – В наручники тебя и на железный стол и Двести Двадцать Вольт! Хорошо здесь розеток нет.

Кое-как встав на ноги, подошел к доске. Так и есть. Ход конем, черным, разумеется, был сделан. Поближе к соб-

ственному королю. Белой Королевы на доске не было...

– Так..., – протянул. – Похоже, Алису украли. Или она сама решила скрыться? А мы ней не договорили, да не в этом дело собственно. Что то в ней такое есть... И эта ее оговорка странная. Нет, надо ее найти, обязательно. Черт, как же руки освободить?!

Пробежался по комнате, ища глазами, чем можно воспользоваться. Ничего подходящего. Щепок полно, всех калибров, но ими замок не откроешь, а ничего другого от обстановки не осталось.

Сделав пяток кругов безо всякого толка, остановился, раздраженный от бессилия. Ну что вот делать? Ни проволочки, ни скрепочки, ни булабочки. О ключах и речь не идет. О ключах. О ключе...

Нет, не зря говорят, что дурная голова ногам покоя не дает. Так и есть. Вместо того чтобы метаться как хомячок в клетке, вспомнил бы лучше, что у него лежит в правом кармашке.

Радостно засмеявшись, он начал напряженно манипулировать пальцами, пытаясь залезть ими в карман, в котором ждал своего часа маленький ключик, найденный под камушком. Все как в том фильме. Ключи подсовывают заранее, зная, где и когда они пригодятся.

На третьей минуте ловкость рук принесла свои плоды. Осталось только попасть в скважину. Опять манипуляции. Хорошо, что пальцы длинные. Не зря в детстве музыкой за-

нимался, развивая ладошки, чтобы брать октаву. Вот и пригодилось уменье.

Ключ, наконец, попал в нужное место и оковы пали. Он с облегчением потряс руками и растер запястья:

– Свобода, нас встретит радостно у входа, – усмехнулся, – может еще и «братья» меч нам отдадут...?

Окинув на прощанье взглядом комнату, выскочил в дверь.

Не надо было быть следопытом или детективом, чтобы понять, что на лужайке перед избушкой произошла отчаянная борьба. Примятая трава, глубокие вмятины от каблучков – широких мужских и тоненьких, явно женских, а также многочисленных следы копыт.

– Точно конь, ну не сам конечно, с всадником.

Он быстро осмотрел поляну, оценивая ТВД²⁷, потом присел перед четким конским отпечатком.

Левое заднее копыто. С подковой. Без одного гвоздя.

²⁷ Театр военных действий

– Враг вступает в город, пленных не щадя. Оттого что в кузнице не было гвоздя, – процедил сквозь зубы. – Значит, ее увезли. Не сама сбежала. Слабое утешение, но. Пешком не догнать. Однако, трактор нужен, – невесело усмехнулся и поднялся на ноги.

С противоположного края поляны легкой трусцой к нему приближался... белоснежный конь. Он, оторопев, зажмурился, но через секунду, не выдержав должной паузы, глянул

снова.

Конь не исчез. Протрусив на расстояние двух шагов, остановился и приветственно мотнул головой, при этом его длинная челка забавно взметнулась вверх и плавно опустилась на место.

– Я хотел въехать в город на белом коне, да хозяйка корчмы улыбнулась мне, – невнятно проблеял он строчку из романа и осторожно подошел к коню. Тот стоял смиренно и косил лиловым глазом. И косил он не просто так, а подражая другому «косому» созданию, болтавшемуся у него на шее.

– Ключ...? Ну, тогда значит, скоро будет дверь.

Сняв с коня очередной реквизит, он сунул его в карман. Зашел с другой стороны, проверил подпруги и легко вскочил в седло.

– Не знаю, как тебя зовут, ты уж извини, – потрепал коня по холке. – Ну, помчали. С Богом. И взяв резко с места, рванул по следам незнакомца.

Проскочив через поредевшие сосны, выехал в поле и придержал коня. Следы прослеживались до мощеной булыжником дороги и терялись.

– Так, направо коня потеряешь? Значит налево.

Пришпорил коня, точнее, гм, за неимением шпор прикаблучил и понесся по дороге.

До самого горизонта та была совершенно пустынна. Он мчался, подстегивая и подстегивая скакуна. Ветер бил в лицо и последние остатки хмеля быстро исчезли.

Мысленно представил доску с фигурами, прикинул варианты и решил, что его ход конем правильный. Влево, за своей Королевой.

*Взбодри коня, я догоню тебя в пути
Я долечу сквозь омут
расстояний*

*И расскажу о терпком вкусе подаяний
Пришпорь коня, я
догоню тебя в пути*

*Оставь раскаянья свои колючей мгле
И то, что Ты есть –
вовсе не ошибка Ты подарила мне свою улыбку*

Оставь хоть что ни будь на память обо мне ²⁸

Странная погоня неведомо за кем. Ему казалось, что он не движется, а стоит на месте, потому что окружающая его и справа и слева местность совершенно не менялась. Бесконечные грязно-серые поля, на которых кое-где виднелись разворошенные копны старого, перегнившего сена. Нигде ни единого деревца, ни какой другой детали, способной оживить пейзаж. А сверху блеклое небо, затянутое тяжелыми облаками. Унылая пора, очей очарованье.

«Кажется, дождь собирается», – он мельком глянул на облака. – «Только обсох. И опять промокну», – вздохнул. – «Неприятность эту мы переживем».

Где-то на границе земли и неба показалось едва заметное белое пятнышко. Постепенно приближаясь к нему, он все

отчетливее разбирал его очертания.

– Мне кажется, или я тут уже был? Сегодня. В скалах. Опять игры в альпинистов предстоят? Нагромождение скал, или утесов, вообще возвышенностей заполонило уже весь горизонт.

Заглядевшись на красоту природу, он не заметил, как проскочил едва видимую развилку дороги, взяв правее. Шагов через двадцать-тридцать дорожка начала сужаться, превращаясь в узкую грунтовую тропинку.

Он придержал коня, перейдя на шаг.

– Если долго-долго-долго. Если долго по дорожке. Если долго по тропинке, топтать, ехать и бежать, так кажется, пела Красная Шапочка, – забормотал вслух. – Интересно, – пожал плечом, медленно осматриваясь, – куда это я прискакал?

28 Автор песни С. Сурганова

Тропинка виляла между камней, извиваясь змейкой, петляла, завивалась в клубок и опять распутывалась. Поскольку она была единственной дорожкой, приходилось следовать ее капризам. Лезть на скалы как-то вот не хотелось, почему-то.

«Круг замкнулся? Или еще нет? Очередные риторические вопросы».

Дорожка постепенно поднималась и он вместе с ней, описывая круги, приближался к

«гостеприимным» облакам.

– Все ближе Солнце, смелей. Взобраться б на небеса, –

бодро пропел, когда белый конь вынес его на некое подобие плато. Обернувшись, чтобы обозреть окрестности, он увидел знакомый аксессуар.

Веревочная лестница так до сих пор никому не понадобилась и продолжала болтаться над пропастью, привязанная к вбитому в камень мощному крюку.

– Саид, бездельник. Что ты здесь делаешь? – не удержался от шутки.

Что то его смутило в этом забытом реквизите, какая то нестыковочка. Но, похоже, что у

«режиссера» данного шоу был всего один творческий прием для сглаживания шероховатостей в сценарии. Как только у «героя» созревали опасные догадки или подозрения – тут же следовал внезапный экшн, дабы отвлечь его от ненужных мыслей и направить мозговую деятельность в другое русло.

Он не знал, где конкретно находился его, так называемый «третий» глаз, но это незнание не играло большой роли. Глаз увидел опасность, прежде чем он сам ее почувствовал и заставил пригнуться к холке коня. И очень даже кстати.

Выскочивший из-за уступа скалы черный всадник с ходу выстрелил в него из арбалета.

Тяжелая стрела просвистела именно в том месте, где только что была его голова.

С испугу, дернув поводья, он поднял коня на дыбы.

– Черт! Вот тебе и ход! Конем!

Отсутствие оружия заставило отказаться от схватки, да и желания особого не было. Пока противник, остановившийся возле огромного камня, перезаряжал арбалет, он выдал своему скакуну указание каблуками и тот, сделав какой-то немислимый скачок в сторону, помчался стремглав вниз по склону, уже особо не разбирая, где там тропинка, а где просто жутко приятные камешки. Видимо его тоже не возбуждала роль стоячей мишени. Быть бегущей мишенью намного «забавнее».

Живые фигуры шахматной партии. На него напали – он отступил.

«Похоже это единственный вариант сейчас. Офицера назад, к своим. Только где они, свои?!».

Скачки по горному склону на слегка обезумевшем коне не входили в его любимые занятия, но тот, похоже, отбил от рук, вернее от ног или просто потерял голову, наглотавшись чудного воздуха вершин. Они неслись так, что ему оставалось только вцепиться обеими руками в животное и повторять про себя: «Господи, пронеси. Пронесиииииииии...».

Возникший на каком-то повороте пеший боец, вцепившийся в свое копьё, будто боялся, что его унесет ветром, уже не мог ничему помешать.

«И пешки еще под ноги лезут. Но ненавязчиво. Сделал бы шаг побольше, мог напасть».

Конь шарахнулся в сторону на едва различимой развилке

тропинки и, не теряя скорости, полетел дальше.

Очередной крутой поворот остался позади, и они выскочили на просторную площадку, огороженную высокой каменной стеной.

Он едва смог сдержать коня, чтоб тот не влип в нее и не размазал себя, заодно с всадником об милую скальную породу.

– Тпррррррруууууууу, стой, черт тебя забодай!!! – заорал, натянув со всей силы поводья. – Стой, говорю!!!

Конь от неожиданности присел на задние лапы (вернее ноги) и, упираясь ими, и помогая себе передней парой копыт, успел остановиться в ДВУХ сантиметрах от «забора».

Выпустив из рук «рычаги управления» своего транспортного средства, он сполз с седла, и тяжело плюхнулся на каменистую поверхность.

То тут, то там живая природа боролась с неживой и надо сказать преуспевала в этом.

Прекрасные белые цветы торчали прямо из камней, с яростной силой стремясь к Солнцу.

– Прощай шальной эдельвейс... Вернее здравствуй.

Здравствуй!

Еще раз здравствуй!

Привет, красавцы! Здравствуй!

Забрызгали всё красной лаской

– Лаской, гм, – покривился.

Давлю

Воспоминания пастой.

Боли ужасной

Помочь не сможет Гель даже Фастум

Так классно, Не как тогда... Все неопасно

«Ага! Просто мило и прекрасно».

Вот только как-то мимо кассы:

*И я, и ты – совсем другие очень касты Ни тебе здравствуй, ни до свидания, Только заплаты на шрамопоминания*²⁹

Прослушав отыгравший в мозгу «плеер», он нагнулся к ближайшему цветку. Срывать такую красоту не хотелось. Для Неё – нарвал бы охапку, а так...

Пока он любовался местной флорой, конь пришел в себя и мирно пощипывал проросшую сквозь камень низенькую, едва заметную травку, закрывая собой ту самую стену, с которой они едва не «поцеловались». Отходя постепенно шаг за шагом в сторону, конь открыл его глазам весьма интересный экземпляр наскальной живописи. Изображение то ли Замка, то ли Башни, то ли...

«Чей там ход? Мой?».

Ему стало невыносимо смешно, без всякого видимого повода. Это уже симптом! Он захохотал как ненормальный, утирая выступившие слезы, и никак не мог остановиться.

– Ой, чудаки, ну насмешили. Кого Я интересно в этой партии изображаю? Офицером был, Конем был. Теперь у меня роль Короля и пора делать рокировку? И все в ту же сторону, налево? Это что значит? Мне надо попасть туда, за эту стену? Очень мило. А дверца где? Или нужно покричать:

«Сим-Сим откройся!?».

Если б не его слегка взвинченное состояние, которое в принципе можно оправдать, все-таки стипль-чез в скалах это не самое веселое времяпровождение, он бы давно увидел то, что надо.

Дверь, оказывается, была на своем месте. Даже скорее не дверь, а дверца, какую проделывают в нормальных человеческих дверях, чтобы домашние питомцы, собачки там или кошечки, беспрепятственно могли шмыгать на улицу и обратно.

– Ну да, ну да. Пирожок забыли или пузырек с надписью: «СЪЕШЬ МЕНЯ» или «ВЫПЕЙ МЕНЯ». Как я туда пролезу интересно?

Соткавшийся из воздуха ответ, папахивал явной галлюцинацией. Да такой, что ему захотелось ущипнуть себя за бок, чтобы избавиться от нее. Но скрюченные пальцы не хотели шевелиться, и пришлось смотреть на ЭТО:

Белый Кролик с розовыми глазками прошмыгнул у его ног.

В этом в принципе не было ничего особенного. Ну, подумаешь кролик. Даже когда тот замер перед дверцей и пробормотал: «Ай-яй-яй! Я опаздываю!».

Галлюцинация оказалась не молчаливой.

Он громко сглотнул слюну, чуть не поперхнувшись, и дернул головой.

²⁹ Песня группы «Мумий Троль»

Кролик подскочил на месте, глянул мельком на вытасченные из жилетного кармана часы и прибавил ходу. В два прыжка он очутился около дверцы, ткнул ее лапой и юркнул внутрь. Дверь бесшумно стала на место.

Он рванул за ним, пытаясь успеть просунуть хоть руку в отверстие, но, увы. Больно заняли костяшки на пальцах от удара о камень.

– Ах ты, братец-кролик! Я тебя все равно догоню, – злобно рассмеялся он, вытаскивая ключ.

На этот раз замок открылся совершенно бесшумно. Или здесь машинное масло не было в дефиците или обслуживающий персонал менее ленивый.

Обернулся к коню:

– Ступай, дорогой, спасибо тебе. До следующего раза. Пока.

Конь махнул головой, типа попрощался, развернулся

и потрусил обратно.

– Все-таки я не отвыкну удивляться тому, что происходит. Хорошо хоть ОН не говорящий был. Ну и дела.

Прикинувшись ужом, он с трудом, но пролез в дверцу. Вроде и не такой уж маленький, но благо не толстый. Хоть и любил попить пива, но живот себе не отрастил, чем немало и «гордился». Да и вообще – «красавец» – мужчина, высокий и стройный, в полном расцвете сил.

Как и следовало ожидать, внутри была темнота. Где включается свет, он не знал, поэтому порылся в кармане и достал фонарик. После всех передрыг он исправно зажегся.

– Вот что значит не дешевая штука. Люблю хорошие вещи.

Посветив под ноги, он обнаружил, что стоит на мощеной желтым камнем дороге. Поводя лучом над собой, понял, что сводов пещеры не увидит.

– Что-то мне это напоминает, – усмехнулся, вспомнив не менее темный холл университета.

Осторожно двинулся вперед по булыжной мостовой. Шаги гулко отдавались, объем помещения было страшно представить.

Дорога пошла под уклон и резко завернула влево.

– Мы в город изумрудный идем, дорогой трудной, идем дорогой трудной, дорогой не прямой.

А железный дровосек, пожалуй, пригодился бы. Для компании.

Желтая лента пути перешла в лестницу, которая, сворачиваясь в спираль, ныряла вниз, в бездонную тьму.

Проведя фонариком по сторонам, он обнаружил справа от себя стену. А вот слева... Пропась. Черная дыра.

Подобрал камешек, бросил вниз. Ни через минуту, ни через две никакого звука не последовало.

– Ну и дыра, – пробормотал он. – Что-то я все ниже и ниже ухожу из своего Мира. Придерживаясь правой рукой за стену, он осторожно спускался, стараясь не оступиться.

Сделав уже порядка двадцати кругов, почувствовал под рукой пустоту. Остановился. Фонарик высветил нишу, в глубине которой пряталась деревянную дверь из мощных плах, стянутых полосами металла.

– Свернуть, не свернуть? Или дальше спускаться? Как всегда, проблема выбора. Может кинуть монетку, – хмыкнул. – Эх, была, не была, ждала, не ждала. Да, а ключ?

Он осмотрел стены, потолок и пол, думая, что может, где нибудь предусмотрительно повешен на гвоздик нужный предмет. Однако ничего не было. Тогда он просто взялся за железное кольцо, служащее ручкой и потянул дверь на себя. Та с легким скрипом подалась.

– Ну что, вперед и никаких размышлений? – как только он перешагнул порог, дверь сама собой аккуратно притворилась.

Из небольшого холла, в котором он оказался, в три стороны расходились темные коридоры. Само помещение освеща-

лось укрепленными на стенах пылающими факелами, не дающими много света и лишь подчеркивающими мрачную картину подземелья.

Над входами в коридоры висели мощные металлические таблички, с выбитыми на них буквами. Слева D, прямо F и налево H. Какой-то непонятный звук, похожий на хриплое дыхание, отражался от стен, интерферировал и дополнял угнетающую атмосферу.

Машинально сунув ставший ненужным фонарик в карман, он замер, не решаясь сдвинуться с места. Знакомая картина. Очень знакомая...

Внимательно обведя глазами помещение, разглядел темные от старости, кое-где сырые стены, покрытые плесенью, и поросшие лишайём. Ощутил веющий от них холод и анти-гостеприимство, и с ужасом догадался, куда его занесло, завело, заблудило:

– Вот я и в «Хопре»..., – выдал «шуточку» в своем стиле. – Это же DOOM II... Я уже понял, что попал в Игру, но, блин, не настолько же буквально! – он похолодел от нехороших предчувствий, навеянных злой энергией окружающего пространства, давящей на психику. – Хорошо в нее играть, сидя на стуле за компом, а вот так... В этот раз я влип конкретно. Называется, мы искали рая, мы попали в ад...

И без того не шикарное настроение пропало совсем. Все, что случилось с ним с тех пор, теперь казалось легкой и непридуманной прогулкой.

«Вернуться обратно? На лестницу? А дальше? А если там еще хуже? Н-да... Если уж встрял, то надо выгребать».

– Ну и чем ходить? – попытался взять себя в руки. Негромко сказанные слова, подчиняясь акустике холла, прозвучали оглушающе громко, так что он вздрогнул. – Черный конь отошел к своей башне, – продолжил он рассуждать шепотом. – Налево я уже ходил. Значит..., значит пойдем пешком на один шаг, – осторожно, крадучись, стараясь не издавать громких звуков, он пересек холл и вошел в центральный коридор.

Мерзкий хрипящий звук стал громче. За ним он не слышал собственных шагов. Прижавшись спиной к стене, осторожно, почти что на цыпочках, двинулся вперед, все время, оборачиваясь, и ожидая нападения с любой стороны.

Кожей, ощутив близкую опасность, он резко дернул головой, стремясь увидеть то, что его напугало.

Неясная тень мелькнула перед самым носом. Он даже не успел осмыслить эту новость, но инстинктивно выбросил вперед кулак. За ним второй. И повторил эти движения еще несколько раз. Нечто гукнуло напоследок и рухнуло прямо перед ним. Но он продолжал яростно молотить воздух, не в силах остановиться.

С трудом, расслабив одеревеневшие от напряжения руки, сведенные судорогой, вжался спиной в стену, переводя дух.

Полученной дозы адреналина хватило бы на целый батальон. Сердце колотилось как ненормальное, и он пару минут

жадно дышал ртом, пытаясь прийти в себя.

– С почином вас, – прошептал, немного успокоившись и осторожно ткнул носком ботинка то, что упало.

Едва достающий сюда свет факела все же позволил осмотреть поверженное тело в мышиноного цвета форме, смахивающей на вермахтовскую. Вряд ли оно принадлежало человеку. Скорее безобразной обезьяне, правда, без хвоста, или ископаемому человекообразному, типа неандертальца. Огромные, поросшие шерстью шестипалые руки сжимали двуствольное ружье.

– Страшно, аж жуть.

Он, аккуратно взявшись за цевье, выдернул оружие. Потом, присев на корточки, собрал с пола рассыпавшиеся патроны, стараясь, по возможности, не смотреть на труп.

Набив карманы, зарядил оба ствола и, перешагнув через «аборигена», тише самой аккуратной мыши двинулся дальше.

Наличие, какого-никакого оружия придало немного уверенности.

Метров через тридцать, которые он преодолел почти не дыша, коридор вывел его к небольшому залу, тускло освещенному парой тех же «светильников».

Прижавшись к стене, осторожно заглянул за угол. Спасла его только отменная реакция.

Какая-то очередная тварь, вооруженная, судя по звукам, тяжелым пулеметом дала длинную очередь и пули, ударив-

шись в камень с визгом отрикошетили в сторону. Вход, судя по всему, был хорошо пристрелен.

Варианты решения насущной проблемы лихорадочно запрыгали у него голове.

«Если каким-то образом перебраться вот к той стенке, то можно будет снять пулеметчика. Но сначала еще раз проверим его реакцию».

Не успел маленький камешек, подброшенный им, упасть, как пули выбили искры в полу.

– Реакция есть, дети будут, – зло усмехнулся, – хотя ему они ни к чему. Ладно, попробуем. Бросив камень побольше в правую сторону, он нырнул влево, и, перекатившись через голову,

оказался за стеной. Не дав противнику опомниться, резко поднялся и выстрелил из двух стволов навскидку. Десятка! Пулемет захлебнулся, и настала тишина, относительная конечно.

Перезарядил ружье, выждал немного и осторожно выполз из-за укрытия.

Вылетевший оттуда-то сверху и слева красный шар он успел заметить боковым зрением и, перекатившись несколько раз, выстрелил в направлении нового пришельца из положения «лежа на спине через голову».

Что-то тяжелое шмякнулось вниз и распростерлось на полу. Резко подскочив, он бросился за ближайший каменный выступ.

«Ребята тут серьезные, шутки в сторону», – прижавшись спиной к стене, попытался отдышаться.

Немного успокоившись, поднялся и осторожно, прислушиваясь и только что не пригнувшись, поднялся по ступенькам, приведшим его на верхнюю галерею.

Первый труп лежал грудью на пулемете, на месте головы было кровавое месиво. От такого зрелища его передернуло. Морщась и сдерживая тошноту, он поддел тушу прикладом и отбросил в сторону. Таким образом он стал обладателем отличного пулемета и двух полных лент патронов.

– Ну, держитесь, твари. Смерть к вам пришла, – злорадно рассмеялся.

Закинул ружье за спину, перебросил ремень тяжелой «игрушки» через плечо, подхватил рукой ленты и спустился вниз. У другого участника «игры», растекшегося по полу, он забрал еще с десятков патронов для ружья и вышел из зала через другую дверь.

«Матерь Божья, спаси и помилуй», – только и успел подумать.

Следующая комната кишмя кишела тварями самых различных форм и размеров. Он с ходу от живота дал длиннейшую очередь, сметая тяжелыми пулями вернисаж уродов. Пули рвали их мерзкие тела на куски, разлетавшиеся ошметками во все стороны и заливавшие пол булькающей жидкостью противного зеленого цвета. Запах был соответствующий.

Опомнившиеся монстры кинулись к нему, но он пресекал все попытки к сближению.

Патроны в ленте закончились одновременно с целями. Тяжело осев на пол и пригладив рукой вставшие дыбом волосы, он только и смог пробормотать:

– Епона мама, фуф...

Судорожно вставив в пулемет новую ленту, поднялся и осторожно обошел зал по кругу, брезгливо перешагивая через лужи и бесформенные куски участников массовой и морщась от страшного зловония.

В одном из углов, в неприхотливом зеленом ящике обнаружился пару гранат, смахивающих на обычные «лимонки».

– Ну, точно, DOOM. И главное, все как настоящее. О key, играем дальше, – зло высказался вслух и сунул гранаты в карман. Так, на всякий случай.

Из зала выходило два узких низких коридора. Обернувшись напоследок и глядя на дело рук своих, он не удержался от строчки из Земфиры:

– Я ухожу, оставляя горы окурков, километры дней, миллионы придурков...

Выбрал наугад левый коридор и, держа пулемет на изготовку, медленно, маленькими шагами пошел вперед. Факелов здесь не было, а руки были заняты более необходимым в данной ситуации предметом, так что идти пришлось полной темноте.

Тот же самый красный шар возник так внезапно, что он

успел только дернуть головой. Но этого хватило. Шар опалил волосы и с глухим шорохом улетел в зал. Мгновенно упав на колени, он выпустил всю ленту, надеясь зацепить очередную сволоочь.

Выплюнув последний патрон, пулемет заглох. Скинув с плеча ремень, он отбросил его в сторону и нырнул под стену, успев сдернуть ружье.

Прошла минута, другая, но ничего не происходило. Шары больше не летели из темноты.

– Фу ты черт, патроны все перевел. Опять с ружьишком остался, как Дед Мазай. Только тут не зайцы, а что-то несъедобное.

До следующего поворота он не спеша, прополз на животе, решив не искушать судьбу и заодно всех желающих попасть в него какой-нибудь гадостью.

Коридор уперся в балкон, опоясывающий по кругу довольно просторный зал, холл, хрен его поймет что. Поднявшись на ноги и передвигаясь боком вперед, прикрывая спину стеной, он прошелся по балюстраде. Сделал круг и не найдя никаких выходов, вернулся к началу. Оставалось или возвращаться обратно тем же путем или...

Осторожно приблизившись к невысокому парапету, глянул вниз.

Такой же по размеру нижний уровень был пуст, насколько он смог увидеть. По его полу, выложенному большими квадратными плитами, бывшими когда-то черно-белыми, а те-

перь ставшими черно-грязно-серыми, затоптанными и загаженными, не скакали никакие уродцы, не

прохаживались монстры и не плясали давешние знакомые мутанты. Единственным украшением интерьера был лишь пылающий в центре огонь, обложенный по кругу здоровеными булыжниками.

Он поводил глазами туда-сюда, высматривая аборигенов, но так никого и не заметил. Однако это не опровергало возможность того, что там все же есть следующие сюрпризы, и судя по предыдущим ощущениям, не менее приятные.

– Ну и что дальше? – спросил у себя. – Возвращаться или прыгать вниз? Нет, прыгать слишком опрометчиво, там точно монстры есть, я помню по игре. Штук пять. Только их отсюда не видно. Их надо выманить. А как я это делал? – попробовал вспомнить.

Летающая тварь возникла из ниоткуда и швырнула в него тучу стрел. В последнюю секунду, успев увернуться, он рухнул на пол, больно ударившись спиной. Стрелы впились в каменный пол на добрых пару дюймов в глубину, буквально в двух сантиметрах от его подошв.

– Ни... ж себе!!! – глаза непроизвольно полезли на лоб, осознавая убойную силу нового противника.

«Жар-птица», сделав боевой разворот по всем правилам воздушного боя, выходила в новую атаку.

Он выстрелил с небольшим упреждением по курсу этого

чуда в перьях, но оно, сбросив

очередную порцию «подарков», резко взмыло вверх, и пули прошли мимо.

– Ах, так! Ах, вот ты как!!! – сжал зубы, лихорадочно втыкая новые патроны.

Оттолкнувшись каблуками, сменил позицию. Ведя стволами за результатом чьего то безумного генетического эксперимента, он поймал момент, когда «птичка» зависла в воздухе на развороте, и выстрелил.

Кувыркаясь и издавая противный крик с повизгиванием, тварь рухнула вниз. Он приподнялся на парапет, следя за ее падением и в миг, когда тушка грохнулась об пол, увидел выбегающих из углов трех чудных «парней» с винтовками.

– Аааааа, вот вы где! – улыбнулся радостно. Но не добро.

Вытащил из кармана гранаты, выдернул кольца и, выждав две секунды, швырнул вниз, одновременно бросаясь плашмя на пол.

От близкого взрыва уши в момент заложило. Оглушенный, он отполз к стене, оперся на нее спиной и попытался восстановить слух. Без толку. Звенело так, что мозги входили в резонанс и грозились выпрыгнуть наружу.

Провел рукой по лицу:

– Ё-моё... Хорошенькая войнушка, гм, – хмыкнул. – Какой там у нас счет? 7—0? Не считая ту толпу, что я покрощил из пулемета. Пока я веду, по очкам, – попробовал улыбнуться, но получилось это у него как-то натужно.

Цепляясь за стену, поднялся на ноги.

Спина жутко болела, мышцы в пояснице как будто зажали в тиски. Морщась и покряхтывая, он проковылял до края балкона и осторожно глянул вниз.

Три трупа лежали ровненько по радиусам от места разрыва гранат. Птичка, по всей видимости, попала в огонь и превратилась в несъедобное жаркое.

– Ну вот, теперь можно и прыгать. Черт, – скорчил гримасу, – с такой спиной я не ходок, остается еще ноги поломать.

Перегнулся через парапет и насколько возможно, осмотрел нижележащий уровень.

– Вроде чисто. Ну что, с Богом.

Взобравшись на ограждение, выждал пару секунд и спрыгнул вниз.

Подошвы обожгло от удара о каменные плиты. Не удержавшись, он упал на колени, и, чертыхаясь, перекатился в сторону. Поднялся, с большим трудом на ноги.

Встав спиной к огню, поводил ружьем во все стороны. Все спокойно вроде.

Переступая боком и контролируя окружающее пространство, он неспешно приблизился к мертвецам. Осмотрел. Те же «обезьяны». Та же серая униформа. Единственно вооружение получше, чем у него – автоматические многозарядные винтовки.

– Это поинтересней моего охотничьего будет.

Бросив свою двустволку, он выдернул из рук ближайше-

го труп винтовку, обшмонал остальных на предмет наличия боеприпасов и остался доволен. Перманентно конечно. На этом коротком промежутке времени. Вполне современное оружие, да с пяток магазинов по десять патронов в каждом.

– Жить будем, – усмехнулся, – пока не помрем.

Уже, собираясь покинуть, более чем он сам неудачливых «игроков», заметил краем глаза очень знакомое изображение...

– А-ха. А то я уже соскучиться успел.

Пластиковая карта с кроличьей рожей торчала из нагрудного кармана одного из тел. Он аккуратно взял ее в руки и внимательно рассмотрел. Больше всего, этот кусок пластика смахивал на карту доступа, используемую в электронных системах, ограничивающих вход в помещения. Таких систем за свою жизнь он поставил не одну и не две, и был в этом почти экспертом.

– Надо же, – дернул губой. – Очень современно. И своевременно. Надо полагать это очередной ключик, оригинально подложенный. До чего дошел прогресс, от железных ключей к БСК³⁰. Впереди нас ждет навороченная система доступа? Отлично, это как раз по моей части.

Он сунул карточку во внутренний карман пиджака. Что ж, все, что нужно найдено и изъято.

Двигаемся дальше, только...

Досконально оглядев территорию, он не нашел не то что

никаких дверей, но даже и намеков на них. Только множество глухих ниш с полукруглыми сводами, расположенных с одинаковым шагом в окружающей его со всех сторон стене.

– Приплыли...

Задрал голову. На балкон обратно не взобраться, он же не Карлсон, летать не умеет. И не Ангел с крылышками, далеко не Ангел.

Кипевший от напряжения разум припомнил старый-престарый детский фильм о волшебных спичках. Был там такой эпизод, когда один мальчик, угодив в ловушку, причитал: «найдется выход хоть один из всех безвыходных положений». И, самое смешное, оказался прав – выход таки нашелся.

– Не падайте духом, поручик Голицын. Корнет Оболенский, налейте вина, – довольно фальшиво просвистел он белогвардейский романс, бывший в моде в начале новой эры капитализма в России.

Надо искать, по любому. Не сидеть же здесь, ожидая чьего-нибудь пришествия. Вздохнув, от безысходности, двинулся на поиски выхода.

Обходя, по кругу премиленькое место своего пребывания, он, для собственного воодушевления негромко запел:

*Выдох-вдох. Хорошо дышать Черный горох да нелегко
глотать Пуля и ствол, нажал и разошлись Где добро и зло,
попробуй, разберись*

– Попробуй, гм, тут разберись.

*А что мне надо, да просто свет в оконце
А что мне снится, что кончилась война
Куда иду я. Туда где светит Солнце
Вот только братцы, добраться б до темна*³¹

– До конца моей войны, я думаю, еще далеко, а вот свет в оконце – вполне актуально в данный момент.

Сделав полный оборот, он ничего нового не увидел, но, справедливо полагая, что выход все-таки есть, отправился на второй заход, на сей раз, внимательно ощупывая стены, вдруг где-то что-то нажметса и какой нибудь камешек откроет дверцу. Ни фига. Считывателя для карты тоже не наблюдалось.

Устав двигаться, да и спина требовала перекура, он присел на край одной из ниш и, держась рукой за поясницу, откинулся назад.

«С такими способностями угадывать нужное место, надо в рулетку играть», – успел подумать, проваливаясь в открывшийся проем.

Стена за его спиной бесшумно стала на место.

³⁰ Бесконтактная смарт-карта

³¹ Автор песни Сергей Галанин

– Да что ж вы меня все время роняете! – воскликнул, в очередной раз, падая на спину, и с трудом перекатываясь в сторону – не зачем ведь доставлять комунибудь удовольствие стрельбой по неподвижной мишени.

Однако в помещение было пусто. Тишину нарушал только тот же мерзкий хриплый звук.

Никаких желающих посоревноваться с ним в меткости не наблюдалось.

– Вот и чудненько, не подумайте, что я сильно разочарован, отнюдь, – он поднялся на ноги и слегка отряхнулся, хотя для его брюк это было излишним. Место им только на полойке.

Огляделся. Интерьер нового зала, представший перед глазами, был, надо сказать, достаточно оригинальным.

Стены комнаты были увешаны огромными зеркалами, выше человеческого роста в тяжелых золоченых резных рамах. Их верхние края плавно сужались, что придавало всей обстановке некий готический оттенок.

– Так. А это что еще за чудо?! Алиса в Зазеркалье? Следующая сказка? – недоверчиво покривился.

Медленно подошел к ближайшему из зеркал, заглянул в него.

Собственное отражение испугало его не меньше, чем давешние монстры. Какая-то припухшая и одновременно осунувшаяся физиономия, местами поцарапанная. Слегка ошарашенные глаза, ставшие из ярко-голубых какими-то беле-

со-прозрачными. Волосы, торчащие в разные стороны. Как это у них получилось, при столь малой длине? Заросшие щеки и подбородок, будто он уже неделю не брился. Про одежду и говорить не стоит, бомжы не возьмут такую.

Перешел к другому зеркалу, левее и замер, обомлев. На блестящей поверхности, словно на экране телевизора, мелькали кадры его сражения с летающей тварью. Он увидел самого себя, палящего в «птичку», ее – метящей стрелы и потом кувыркающейся вниз.

– М да..., – протянул растерянно. – А таблички «Улыбайтесь, вас снимает скрытая камера» там не было. Однако...

Сделал шаг к следующему зеркалу. В нем во всех подробностях, очень красочно ему показали сцену побоища с толпой тупых монстров, лезущих прямо под пули. Сделал еще шаг и «полюбовался» на свою перестрелку с пулеметчиком...

Идя по кругу и рассматривая в обратном порядке все события, случившиеся с ним, вплоть до момента первой встречи с Алисой, он все больше приходил в недоумение. Получается, что с того места, откуда он начал смотреть и дальше налево зеркала показывают прошлое. А если пойти направо? Там будет будущее...?

Остановился.

«Знать будущее, конечно, очень интересно, но... стоит ли его знать?».

Присел, дрожащими руками нащупал в кармане пачку, ко-

торуую машинально сунул туда в избушке. Щелкнул зажигалкой и с огромным облегчением выпустил дым. Курение помогло немного сосредоточиться и собраться с мыслями.

Очередная загадка сегодняшнего дня. Странные зеркала. Он всегда относился к ним слегка настороженно, хотя не был суеверным. Но сама их суть – отражать то, что они видят, показывать мир, но по-другому. Наоборот. Противоположно. За их поверхностью, в каком-то неведомом зазеркалье течет другая жизнь, с другими людьми. Вовсе не с теми, которые находятся по эту сторону. За свое долгое существование они, зеркала, запоминают все, что когда-либо видели. Накапливают отражения множества событий и могут их показывать, когда захотят... Почему не рекомендуется пристально смотреть в старые зеркала? В них есть некая мистика, недаром существует столько гаданий с ними. И не зря же их занавешивают в определенных случаях...

«Получается, что они могут отражать то, что человек не может увидеть сам, своими глазами и не может почувствовать, например, души умерших, а зеркало видит все... Прошлое и... будущее? Бред...».

Он затушил бычок и поднялся. Ноги еще дрожали, и живот неприятно ворочался.

– Как всегда, с устатку и не евши. Какие-то неправильные у меня приключения. Война войной, а обед должен быть по расписанию. Хотя лучше о нем не думать, а то так есть захочется. Впрочем, меня еще сто раз отвлекут от таких ум-

ных мыслей.

Постепенно приходя в себя, усмехнулся над собственным мысленным монологом.

– И что будем делать с будущим? Не хочется мне его смотреть, ой не хочется... Или там не будущее, а варианты другого сценария? Другие линии жизни...?

Он обвел глазами зеркала, в которых он мог узнать все, что с ним будет дальше или **МОЖЕТ БЫТЬ** дальше, и хмыкнул:

– Ладно, гляну первые два, максимум три и все. Ну, его на фиг. Помню я поговорку одного старого еврея – знание рождает печаль. А печалей у меня и так во, – провел ребром ладони по горлу.

Шагнул к первому из зеркал с видением будущего, готовый увидеть все, что угодно. Но там, за блестящей поверхностью находился всего лишь на всего знакомый маленький столик, покрытый черной парчой и неизменная шахматная доска.

В первый момент он оторопел, а потом взорвался:

– Чертовы шахматы! – так и хотелось заехать по ним кулаком, разметав все фигуры. – Всё Игра эта. А мы в ней фигурки, вернее я. И что на этот раз?

Немного успокоившись и взяв себя в руки, пригляделся к позиции.

– Понятно, – протянул. – Королик поспешил укрыться? Рокировку сделал. Ну-ну, – злорадно прищурился. – Вот

там ему и капут будет. А-тлично! Теперь я знаю, как выиграть. Замечательно, – злости в его голосе значительно прибавилось. – Но мне нужна Королева...

У него в голове мгновенно созрел замысел отличной комбинации, которая неотразимо приведет к мату для Черных.

Засмеялся:

– Отличный гамбит получается! Пусть господин хороший наслаждается фигурками, а я буду развивать свою атаку. Но чуть позже. А пока надо сделать несколько подготовительных ходов. Вот эту, самую правую пешку, чуть вперед. Скоро здесь закрутится такая игра, ха-ха. Ваш ход, Месир, – усмехнулся.

Двинулся, было к следующему зеркалу, но остановился.

– Нет. Не буду я туда смотреть, – покачал головой. – К черту. Я сам создам свое будущее, и какое создам, такое оно и будет и не надо мне его заранее показывать. Я сам найду все, что мне нужно и сам попаду в другую СВОЮ жизнь. Только сам.

Злость опять забушевала в нем. Не сдерживая ее, он со всей силы двинул прикладом по отражению шахматной доски. Зеркало рухнуло на пол водопадом осколков, обнажив дверь, ведущую в неизвестность. В зазеркалье...?

Не думая о последствиях, он перешагнул через раму и с яростью ударил ногой по двери.

Створки не выдержали силы воздействия и распахнулись.

– Если Алиса в этом зазеркалье, значит мне туда же, –

на мгновение задержался он на пороге и шагнул вперед, держа винтовку наизготовку.

– Ну что, кариозные монстры! Вы нас не ждали, а мы вот уже приперлись.

Те, кому он угрожал, не заставили себя долго ждать. То тут, то там из-за углов, прикрытий, простенков выскакивали твари, но не успевали исполнять свою грязную миссию. Он с холодной яростью расстреливал их, не тратя зря ни одного патрона. Менял магазины и стрелял, стрелял, стрелял... В голове играл веселенький мотивчик из детского фильма:

– Вжик, вжик, вжик. Уноси готовенького. Вжик, вжик, вжик. Кто? На новенького? Единственно кто избежал его пули, так это что-то смахивающее на кентавра, черного цвета.

Творение неведомого разума при виде его встало на дыбы и мгновенно скакнуло странным зигзагом назад и влево, скрывшись из глаз. Он даже не успел удивиться этому, все произошло в секунду.

«Черный конь что ли? Ну и флаг ему. Пусть скачет. Теперь снова мой ход».

Продолжая уничтожать нечисть, он прошел через следующие несколько залов. Потом покругил по коридорам, перешел по деревянной галерее через какой-то водоем с мутно-коричневой жижей, омерзительно пахнувшей сероводородом и вышел к началу своего пути.

Обернулся – входил он в коридор с буквой F, а вышел из-под буквы H. Усмехнулся:

– Хороший ход. Возвращение офицера на вторую клетку. А теперь, я думаю, пора покинуть это гостеприимное место. Карточку я нашел, и больше здесь ловить нечего.

Подошел к двери и уже собирался открыть ее привычным способом (разумеется, пнув ногой), как, услышав за спиной легкий шорох, обернулся.

Из F-коридора выбежал близнец давешнего спутника всадника, встретившийся наверху.

Выбежал и застыл на месте, сжимая копьё.

– Чао, бомбино, – помахал он ему ручкой, «мило» улыбнулся и скрылся за дверью.

Ожидая снова увидеть темную лестницу, ведущую в неизвестные черные глубины, он сначала не понял, где оказался и едва по инерции не свалился в огромную пропасть, до которой было буквально полшага.

Над головой висело странного вида и цвета небо. Оно переливало от мрачно-фиолетового до бледно-лилового оттенка. Какие-то нереальные тучи или облака напоминали картины одного художника, совершенно справедливо подозреваемого в сумасшествии.

Он застыл на малюсеньком пяточке, боясь шелохнуться. В сантиметрах тридцати от его ног отвесно вниз обрывалась скала и там, далеко внизу, страшно даже представить на какой глубине едва видимый струился бурный поток.

– Ошибка в сценарии? Повтор? Сбой программы? Matrix Reload? Или здесь у автора закончилась фантазия??! – осто-

рожно, не делая лишних движений даже губами, хмыкнул непонимающе.

Напротив него, метрах в двухстах высилось нагромождение скал, поросших высоченными, идеально ровными соснами. Мелких деталей он разглядеть не мог, и может, ему показалось, что на их тяжелых, развесистых лапах лежал снег.

Между гранитными массивами, над ущельем был проброшен подвесной мост, довольно жалкого вида и сомнительного состояния.

– Ну, просто Мост через Вечность. А внизу, надо полагать, река Лета?

Не дыша, он сделал шаг назад и попытался нащупать рукой дверь. Но этот день не был бы таким веселым, если бы она обнаружилась на своем месте, где была еще десять секунд назад.

– Понятно, вариантов нет, – нервно дернул уголком рта. – Как всегда, только вперед.

Осторожно продвинулся к настилу и недоверчиво пощупал ногой покрытие этого инженерного сооружения. Вроде держится. Сделал первый шаг, судорожно вцепившись в веревочные поручни. Винтовка мешала, пришлось повесить ее через плечо.

Аккуратно переступая, следя за каждым отзвуком тонких досок, он медленно пробирался вперед. Вниз смотреть совершенно не хотелось.

Мост раскачивался, скрипел всеми своими мускулами

между скал.

Непонятно каким чудом он успел вцепиться левой рукой в канат и вместе с ним понесся навстречу гранитной стене. Винтовка слетела с плеча и канула.

Страшной силы удар едва не лишил его сознания. В глазах поплыли зеленые круги, дышать стало невозможно, но он удержался и даже успел ухватиться еще за что-то правой рукой.

Висение над пропастью не располагало к веселым шуткам, но он все же выдал из себя:

– Мы над пропастью во ржи, ты последний на всю жизнь мой каприз...

Напрягая все мускулы, которые готовы были последовать примеру канатов и лопнуть прямо сейчас, он, еле дыша, пополз наверх, отталкиваясь ногами от скалы.

С невероятными усилиями, забравшись на небольшой выступ он, прежде чем отключиться от текущей реальности, успел увидеть дверь и похабную улыбку кролика, скалящего зубы.

КАНТАБИЛЕ³²

«Здесь так долго друг друга искали мы И конечно пропали без вести...»

Сознание резко вернулось в распластанное в непонятной позе тело, приведя его в чувства и заодно освежив память,

позволившую понять, что он здесь делает.

Помотав головой и сфокусировав взгляд, он увидел буквально прямо перед носом сияющую, веселую и разухабистую рожу кролика, полностью совпадающую с его же портретами на ключах. Навязчивый спутник ему достался. Никак от него не отделаешься.

– Опять этот, – буркнул. – Типа верной дорогой идете, товарищи? А кто это у нас ляпнул? – разговоры вслух с самим собой это верный признак... усталости мозга и всего остального тоже. – Не помню. Какой-то большевичок-с. Сейчас бы его сюда, – он зло улыбнулся. – Я бы его с ба-а-льшим удовольствием спустил в эту речку.

Фыркнул и отвернулся от надоевшего изображения.

Болело все. Руки, ноги, спина, голова. Впрочем, как сказал один генерал, голова это кость и поэтому болеть не может. Ну, оставим этот перл автору, гм.

Кое-как кряхтя, поднялся, разогнулся и потихоньку размял конечности. Тело ныло, скулило, плакалось, противясь оживлению и предпочитая отсиживаться и дальше. Хорошо потакать плотским желанием, когда валяешься на диване и твердо знаешь, что впереди целый выходной и можно никуда не спешить...

Стараясь не акцентироваться сильно на боли, которая уже вошла в привычку, если так можно сказать, он вернулся мыслями к своему лучшему другу.

«Ну, и как открывать будем?», – спросил у кролика, качая

головой. – «Ключа нет. В подzemелье вурдалаков я его не нашел. А может просто постучать? Ага, а там скажут, здравствуйте, Олег Георгиевич, а мы вас так ждем, так ждем, что просто скучаем. Скучаем... О! Торможу, у меня ж есть одна классная штучка...».

Выудив карточку, благополучно пережившую полет над пропастью, он поводит ею перед рожей кролика. Никакого эффекта. Расширив зону действия, обвел всю дверь, и так и эдак, подносил ближе, водил по всей плоскости, но ни алё.

– Дверь поставили, а счетчик забыли? – хмыкнул. – У, гадина, моргалы выколю, – порядком разозлившись, ну а, сколько можно его мурыжить перед входом, он сделал «козу» и ткнул в нарисованные глаза.

Дверь тихонько чпокнула.

– Вот где оказывается, собака порылась, а я то карточку, понимаешь, совал. Все гораздо проще.

Критически обозрел свой костюм, но, справедливо полагая, что сейчас ну никаким образом не попадет на великосветский прием, а в остальных случаях все переживут его внешний вид, махнул рукой на имидж и толкнул дверь.

Сделав шаг, он оказался в небольшом кафе, или баре, одним словом – кабаке.

– Заходите к нам на огонек, – пробормотал, оглядывая обстановку.

С потемневших от времени тяжелых деревянных балок потолка свисали на цепях кованые светильники с тусклыми лампами, почти не дающими света и лишь немного вырывавшими заведение из полумрака.

Напротив него, за высокой стойкой, маленький полный лысый человек с огромными, прямо казацкими усами меланхолично протирал грязным полотенцем бокалы. Несколько посетителей, сидевших за массивными столами, покосились на него, но быстро вернулись к своим кружкам, которые, судя по размерам, вмещали не меньше кварты пива.

Получив первые впечатления, он прошел к одинокому столу в углу помещения, и неспешно, с достоинством опустился на стул, заслуживающий внимания. Массивный, весом, наверное, не меньше центнера, с огромной резной спинкой и подлокотниками, он производил впечатление дикой старины, хорошо вписываясь в интерьер. Славно потрудился неведомый дизайнер.

Хозяин, глянув на напросвет на бокал, и видимо удовлетворившись его стерильностью, неспешно выплыл из-за стойки и подошел к нему.

– Что хотели? – «благожелательно» буркнул грубым голосом.

32 Cantabile – певуче

Он усмехнулся про себя и с ледяной вежливостью ответил вопросом:

– А вы угадайте, с одного раза, милейший.

Толстяк хмыкнул, обернулся, будто ожидая поддержки зала и вернувшись своими выпученными как у рака глазками к нему, высказал догадку:

– Выпить, закусить?

– Bravo, пять баллов, – сказал с абсолютно серьезным лицом. – Чем обрадуете?

– Пиво? – не меня выражения лица, уточнил кабатчик.

– Пиво як пиво, и шо его пробовать, – пошутил, улыбнувшись при этом одним уголком рта, – оно у вас так и называется – Пиво?

– Черниговское светлое есть, Оболонь, Славут...

– Отлично, – перебил начавшего речитатив хозяина, – давай Біле. Пинту. Нет, две!

– Еще что?

– Горячее что-нибудь, мясное. Ок?

Хозяин неопределенно дернул плечом и ушел к себе.

«Ну вот. Может поем, наконец», – вытащив сигареты, он лениво прикурил и оглядел помещение с новой точки зрения. Кабачок как кабачок, на... тринадцать столиков.

«Гм, прикольно. А вход в него только один, интересно?», – развернулся, изучая закоулки зала. – «Да нет, не думаю. Те твари, что бегали по подземелью вряд ли сюда заходят, а людей там быть не могло. Значит, есть еще дверь», – справедливо рассудил, возвращаясь глазами в центр и утыкаясь ими в, почему-то только сейчас замеченную, небольшую сце-

ну.

На ней, на табуретке, положив, нога на ногу и склонившись над гитарой, сидела девушка с короткими темно-русыми волосами и потихоньку перебирала струны. Звук почти не было слышно. Похоже, она просто подбирала музыку или играла только для себя.

Новое лицо в этом хоть и рядовом, но достаточно странном заведении, да к тому же оказавшееся знакомым, не лично конечно, приковало внимание. Медленно потягивая любимое пиво, в ожидании еды, он исподволь наблюдал за певицей, пытаясь понять, как ее сюда занесло.

«Нет, надо же было встретить здесь неутомимую «снайпершу», – удивленно покачивал головой, – «хороший сегодня денечек, ничего не скажешь».

Когда он прикончил первую кружку, девушка встрепенулась, на секунду остановилась и негромко запела, аккомпанируя себя на гитаре:

*время года зима время года терять ты уже потерял
но еще не остыл ко мне время года зима
мы рискуем не стать мы рискуем растаять без сопротивления*

*возвращаюсь домой, начинаю курить сигаретным стволом
поджигаю любовь начинаю цедить южные коньяки
и палю по любви виноградным огнем*

Он чуть не поперхнулся пивом, отставил кружку и впился взглядом в девушку. Та, не поднимая головы, не глядя ни на кого, продолжала петь:

*время года зима время года не смей я не смею поверить
что старость и мой удел время года зима
ты меня проглядел ты меня как non-stop просмотрел как
кино во сне
возвращаюсь домой, начинаю курить
сигаретным стволом поджигая любовь начинаю цедить
южные коньяки
и палю по любви виноградным огнем удивляюсь судьбе:
как ты там за двоих? нас запомнили все
нас запомнили все
ты верь: я тебя сохраню как последний патрон каскаде-
рам любви
не положен дублер
ты знай: я запомню тебя ты себя сбереги равноду-
шие тем
кто плюет нам в сердца возвращаюсь домой возвращаюсь
домой
я запомню тебя
от ступней до лица время года зима...*

Он слушал песню, затаив дыхание, откинувшись на спин-

ку стула, погрузившись в невеселые мысли, возникшие в голове от грустных и пронзительных слов.

«Ты меня проглядел... Нас запомнили все, ты верь... Я тебя сохраню, как последний патрон... Каскадерам любви не положен дублер, ты знай... Я запомню тебя...».

Горько усмехнулся, глядя невидящими глазами перед собой. Качнул головой.

«Грустно... м-да... Опять сейчас тоска ползет».

Исполнительница сыграла очень выразительный проигрыш и закончила свою печальную песню:

*время года зима время года зима время года зима...*³³

На него действительно накатила мрачная тоска. Он прикрыл глаза, отгораживаясь от всех, и провалился в воспоминания. Откуда-то всплыл последний сон, и он увидел...

ЭКСПОЗИЦИЯ

«Четыре слова повторял и повторял Четыре слова про любовь...»

Не в силах вымолвить ни слова, он смотрел на нее и только хлопал ресницами. Она же, не раскрывая рта, слегка махнула стволом, предлагая ему подняться.

Он осторожно выпрямился. Ноги держали с трудом. Бросил на нее выразительный взгляд:

– Лора? Что с тобой? Это же я. Я...

– Молчи, – он не узнал ее голоса, показавшегося сейчас чужим и незнакомым. Она чуть отступила назад, не отводя от него ни взгляда, ни ствола автомата.

Он с изумлением смотрел на нее, не понимая совершенно, что происходит.

– Ребенок, ты что...? Лорик..., – шагнул к ней и вздрогнул от выстрела. Пуля взвизгнула возле самого уха.

Замер, совершенно сбитый с толку. Этого не могло быть!

³³ Автор песни Диана Арбенина

«Это не может быть она! Это не Лариса! Как?! Что с ней произошло?! Мы расстались, ну, максимум час назад. Я прикрывал ее, отстреливался, получил пулю и вот теперь стою перед ней, а она... Она направила ствол мне между глаз

и молчит...?».

Его пробила злость:

– Ларис, может быть, объяснишь, что происходит, в конце концов?! Какого черта! Ты что, с ума сошла? Брось автомат. С тобой все хорошо? Ты меня не узнаешь, что ли?!

Она покривилась:

– Да нет, я тебя хорошо узнаю. Вот только ТЫ меня не знаешь совершенно, мечтатель, – она презрительно ухмыльнулась. – Ты, придумал себе меня какую-то, а я совершенно не такая. Я – это Я. А ты... – ее лицо передернула гримаса злобы. – А ты ничего же про меня не знаешь! Ничего! Что ты там себе понапридумывал? Я тебя никогда не любила, слышишь?! Никогда!!! Я только пользовалась тобой, твоей добротой и понятливостью, которой ты так гордишься, – она зло рассмеялась. – Я использовала тебя, а потом выбросила как тряпочку. Ты же такой у нас самодостаточный, такая цельная натура, – протянула издевательски. – И тебе стало больно. Очень больно. Ты понял, что такое боль?! Ты узнал ее?! Я тебе мстила за все. За все, что ты НЕ СДЕЛАЛ!!!

– Замечательно..., – процедил он сквозь зубы. – Оказывается так? Я был для тебя лишь удобным вариантом, сорвавшимся с «крючка»? Поэтому в тебе столько злости? Ну-ну, продолжи мысль, очень интересно.

– Перебьешься. Я... Я ненавижу тебя!!!

– Ненавидишь? – тихо выдохнул он и кивнул головой. – Красиво.

– Замолчи! – сорвалась она на крик.

Он заиграл желваками. Ну, надо же, какие откровения! Стоило дожить до этого момента, только ради того, чтобы выслушать такие новости.

– Я убью тебя, – ее голос был полон ледяной решимости.

– Убьешь? Меня? Ребенок, мочи не хватит, слабовата ты немного для этого, – он скривился, лихорадочно прикидывая, что можно сделать.

«Допрыгнуть до нее и вырвать автомат – не успею, она выстрелит раньше. Ну а что еще?

Сдохнуть здесь от ее пули, ни черта не разобравшись, что произошло?! Не, так тоже не пойдет».

– Не хватит, говоришь, Олег Георгиевич? – произнесла она с издевкой. Он рассмеялся.

Своеобразное чувство юмора, надо сказать. Стоять под дулом автомата перед той, которую любишь больше всего на свете, и, которая, хочет тебя сейчас убить и... смеяться?

– Ларис, ты не поверишь. Но этот сон мне уже снился. В нем все было именно так. Я даже стихи написал под впечатлением. Только чем он закончился, не помню... А стихи... Послушай.

*Ты не сможешь убить любовь Проще сразу убить меня
Застрелить, растоптать и не плакать Не жалеть
и не тратить сил*

Ведь меня никто не просил Ненавидеть ведь проще –

не так ли?

Произнося слова, он, не отрываясь, смотрел ей в глаза. Она молчала.

Но я не буду рвать тебе

*Всю душу, пусть живут во Мне Воспоминанья об ушедшем
лете Оставляю время у стены Швырну монету в глубь
волны Стою один на жалком парпете*

Абсурдная ситуация – приговоренный к расстрелу читает палачу стихи, о том, что он, палач, собственно прав и может исполнить приговор. С другой стороны – может быть «приговоренный» просто зубы заговаривает, пытаясь за эти короткие мгновения найти решение задачи с одним

неизвестным. Неизвестной. Нет, известной, но показавшей сейчас свою неизвестную, видимо, тщательно скрываемую с какими-то целями, с которыми еще предстоит разобраться, сторону (к сожалению, на каламбур, даже черный, это не потянет).

Непогашенные огни Мрак сгущается, не тяни

*Наведи ствол повыше, прицелься Ты же сможешь,
не обернись Не смотри ты на нашу жизнь*

Что в ней, кроме обид и болезней?

Она молчала.

Смотри вперед и не суди Я сам себя приговорил

*Попался сам в не рвущиеся сети Кто знал, что так бывает
Раз Стреляй – последний мой наказ Обычно умирают
на рассвете* ³⁴

– Ну же! Что же ты долго ждешь? Ведь любовь – это просто ложь! Никому с ней не проще, не легче. Никому она не нужна. Игра слов. Разве так важна? Стреляй, Лорик Сан, – он улыбнулся, на грани нервного срыва. Ничего умного в голову так и не пришло.

– Думаешь, разжалобишь меня? – ее голос стал тихим и спокойным. По тону, он понял, что решение она приняла и это решение не в его пользу. – Господи, КАК Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ!!!

– Я думал, что ненависть просто слова..., – прошептал, мгновенно собравшись, почувствовав, что сейчас она выстрелит.

В последнюю секунду, вскинул глаза выше нее и сделал изумленное лицо, даже открыл рот.

Надежды, что она купится на старый номер, было, по правде сказать, мало, но.

Лариса на секунду замешкалась, и ему этого хватило, чтобы броситься ей в ноги.

Автомат хлестко выстрелил, но он уже вцепился в него

одной рукой и, подмяв ее под себя, перевернул ее и ткнул лицом в грязный снег...

ЛЕГАТО³⁵

*«Пальцами пытаюсь угадать, надеюсь угадать
До конца, до конца...»*

– Эй, мистер Эй, – приятный женский голос и рука, трясшая за плечо, заставили его очнуться. Он приподнял голову, встряхнул ею и обернулся, но в другую сторону – помнил старый детский прикол – стучать по одному плечу, а стоять за другим. Так и оказалось.

Маленькая фигурка, закутанная в длинный серый плащ до пола, стояла за спиной. Лицо скрывал глубокий капюшон.

– Алиса? – он нахмурил брови, пытаюсь сосредоточиться. Сон еще плавал в голове. – Откуда ты?

– Да что ж такое сегодня! Богатой буду! Никто меня не узнает, – с этими словами фигура

скинула капюшон, и он увидел улыбающегося Ангела.

– Ты что, не рад меня видеть?

– Ангел...? – пробормотал, – каким ветром тебя сюда надуло, звезда моя?

– Северным, – более холодно ответила та, – может, предложишь девушке присесть или ты уже растерял все свои хо-

рошие манеры?

Он, не отрывая от пола, отодвинул тяжеленный стул, и сделал жест рукой, мол, прошу.

³⁴ Стихи автора

³⁵ Legato – связно, плавно

Девушка непринужденно присела и оперлась на стол локтями, положив подбородок на скрещенные кисти рук.

– Ты знаешь, mon Angel, там, где я был с хорошими манерами большая напряженка, вот наверно меня там и испортили, – кисло пошутил.

– Я знаю, где ты был, – она слегка склонила голову и прищурила левый глаз. – Ты сам выбрал ту дверь. И не говори, что тебя снова сбил с толку Белый Кролик.

– Выбрать, то выбрал, но это опять оказалась не моя дверь, вернее дверца, – он натянуто улыбнулся, вспомнив, каким ужом в нее пролазил. – А Кролик... это так, всего лишь путеводитель. Милое местечко оказалось, ничего не скажешь. Ну, ничего страшного, пережил же. Зато кое-что узнал.

– Вот видишь, к тому же ты нашел одну нужную вещь. Во всем надо видеть хорошее.

– Какую такую вещь? Ничего я не находил, – пожал плечами и сделал удивленное лицо.

– Олег, – она положила свою маленькую ладошку на его руку и слегка кивнула, – давай не надо, да? Я все знаю, ты еще не понял этого?

– Ох, не завидую я твоему мужу, – покачал он головой и ухмыльнулся, – жена, которая все знает.... А еще, если и теща такая же... Мама дорогая...

Она звонко рассмеялась, запрокинув голову:

– Ну и шуточки у тебя, Олежа.

– Ну ладно, ладно, прям нельзя пошутить, – слегка ворчливо сказал он и подмигнул ей. – Раз шучу, значит еще живой, верный признак. Да, извини, ты, наверное, голодная? Тут, кстати, кормят. Перекусишь?

– Нет, солнце мое, есть не хочу, спасибо. Вот выпить можно.

– Вино, мартини, джин, виски, коньяк, водка, пиво, абсент? – он продолжал дурачиться. Из него постепенно начал выходить весь пережитой ужас и страх, и он пытался скрыть это за непринужденной болтовней.

– Нектар. Божественный. Двести грамм, плиз, – Ангел мило улыбнулась.

– Нек-тааааар, – протянул он, скорчив похабную рожу, – ой-ой-ой. Какие мы нежные и неземные, скажи-тте, пожалуйста! Нектар закончился. Вчера. У-у-у-у, – показал ей язык.

– Ах, ты так! Ах, вот ты так! Я... его... а он... Ух! – девушка шуточно погрозила ему кулачком.

Он прижал обе руки к груди, всем своим видом показывая, насколько он извиняется, кланяется и вообще умоляет простить несчастного смертного.

– Да ла-а-а-дно, – засмеялась Ангел. – Раз нет нектара, будем пить водку!

– Чего?! Какую водку! Ты это... того, брось. Предлагаю компромисс, – и обернулся к хозяину, который отирался недалеко, явно прислушиваясь к их разговору:

– Бутылку Мерло. Два бокала. Все.

Тот молча кивнул и, нехотя переставляя ноги, принес им заказ, не забыв поинтересоваться:

– Платить чем будете?

Он сделал удивленно-обиженное лицо:

– Деньгами, чем же еще, – и полушепотом обратился к девушке. – Кстати, ты случаем не знаешь, какие тут деньги в ходу? Боюсь, что мои рубли не возьмут.

Ангел ехидно улыбнулась:

– А-я-яй, мистер хороший парень, испугался? Хочешь, я заплачу?

– Спасибо, – он скривил губы, – надеюсь не дожить до того момента, когда за меня девушка будет платить. У меня может не столь изысканные манеры, но до такого я не опускаюсь, уж ты извини, дорогая.

– Да ладно, это была моя шутка. Счет 2:2, помнишь? – подмигнула она.

– Да, конечно. Клуб «Пиранья», прыжки с подоконника, гонки по городу.... И все-таки?

– Можешь рассчитаться карточкой, которую нашел. Она универсальное средство. Можно использовать как кредит-

ную карту, можно открывать ей нужные двери и еще много чего. Смотри, не потеряй ее.

– Да ни в жизнь, – клятвенно заверил своего небесного куратора, – я с ней спать в обнимку буду.

– Спать в обнимку лучше с кемнибудь другим, – девушка многозначительно подняла брови и

прыснула в ладошку. – Но будь осторожен. Это дьявольская штука, особо не увлекайся ею. Так, ладненько, мы слегка отклонились от темы.

– А какая у нас тема, зайка моя? – уточнил он, наполняя бокалы и смотря через вино на лампу. – Неплохой оттенок, может и вино ничего. Давай, за встречу что ли?

Она подняла свой бокал, легонько чокнувшись с его, и сделала хороший глоток.

– Да, вино и в самом деле не плохое. Пробуй, чего застыл?

Он прикоснулся губами к бокалу и медленно смакуя, выпил добрую его половину.

– Гм, согласен, неплохо. Итак?

– Итак, подводим итоги.

– А что, вы уже уходите? – притворно-изумленно спросил он, чуть ли не подсакивая со стула. – Даже чаю не попьете?

– А что, у вас еще что-то есть? – Ангел весело подыграла ему и продолжила. – Давай чуть серьезнее. Потом еще посмеемся. Вот смотри, ты помнишь, о чем рассуждал, там, на шахматном поле?

– Помню. Знаешь, это как просветление или озарение. Но мысли мне понравились. Они несколько необычны, но именно в этой их неординарности что-то такое есть... – он потер пальцами, будто нащупал ими истину. – Что толку от стандартных теорий, которые все «правильно» объясняют вроде как, но объяснить по сути ничего не могут, – он прервался, сделав глоток вина.

– Так оно и есть. Выкини из головы всю важность и двигайся к своей цели. Ищи свою дверь. Я не обещаю, что ты сразу ее найдешь, это и невозможно. Только методом ненаучного тыка, – Ангел улыбнулась. – Слушай себя, всегда слушай свои ощущения. Мир – как зеркало отражает твое отношение к нему. Когда ты недоволен миром, он отворачивается от тебя. Когда ты борешься с миром – он борется с тобой. Когда ты прекращаешь свою битву – мир идет к тебе навстречу. Не нужно изменять себя и бороться с миром. Дай возможность себе и миру быть такими, как есть.

– Интересно, – поднял брови, – а как...? Другие линии...?

– Не перебивай, – девушка снова мягко положила свою руку на его. – Другие линии пока ни при чем. Пойми, Олеж, впереди нет никакого счастья. Оно либо есть здесь и сейчас, на текущей линии жизни, либо его нет вообще. Не делай из поисков счастья фетиш. Счастье приходит во время движения к своей цели через свою дверь. Вот так, Солнце. Но! – она на секунду замолчала, задумавшись о чем-то неведомом ему. – Но, дверь это всего лишь путь. Она не само-

цель. Не ошибись в этом. Не дверь надо искать. А двигаться к цели. Своей цели. Определи свою цель, а двери к ней сами найдутся и откроются.

Он слушал и молчал, осмысливая сказанное.

Ангел тоже затихла. Делала маленькие глотки «нектара» и смотрела на него с небольшой полуулыбкой-полуусмешкой, словно беззвучно говоря: «вот сижу тут, рассказываю такому большому мальчику, азбучные истины». Ну, это может для Ангелов азбучные истины, а для людей – просто откровение.

Не дав ему опомниться, она продолжила:

– Если это не твое – не цепляйся за него. Не впадай в назойливость. Людей всегда учили, что надо бороться, с самого детства. Борьба за существование, борьба за счастье, борьба за любовь. Вся жизнь борьба получается.

Он, округлил придурашливо глаза и, не удержавшись, от соблазна, перебил ее, душевно пропев:

*И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших слетая на нас*

Не получив отпора, тут же продолжил:

Испытай, завладев Еще теплым мечом, И доспехи надев, —

Что почем, что почем! Испытай, кто ты – трус Иль из-

бранник судьбы,

И попробуй на вкус

Настоящей борьбы ³⁶

Ангел посмотрела на него с укоризной, но не поругала за самостоятельность, а продолжила свою мысль:

– Надо не бороться, надо прекратить всякую борьбу и обрести свободу. Не трать жизнь на борьбу! Она, жизнь, у тебя одна. Стремись больше наблюдать, чем пытаться всё контролировать и переделывать. Не спеши никогда отмахиваться, возражать, спорить, доказывать свое, вмешиваться, управлять, критиковать. Это сначала трудно сделать, тебе, наверное, это покажется парадоксальным. Но! Измени свое отношение к миру! И ты увидишь, как он меняется. Он прекрасен. Если ты будешь воспринимать жизнь как праздник, не смотря ни на что, так оно и будет! Поддерживай в себе огонек праздника, лелей это ощущение. Принимай и транслируй положительную энергию, и ты создашь свой рай! В аду ты уже был, сегодня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.